

Йорген
Бич

За
арабийской
чадрой

Йорген Бич — известный датский писатель, журналист и фотограф. Его книга «За аравийской чадрой» — это необыкновенно красочный рассказ о стране, сотканной из контрастов и противоречий. Здесь огромные богатства живут бок о бок с самой невероятной нищетой, а восточная романтика вовсе не исключает проявлений самой ужасной жестокости. До сих пор Саудовская Аравия остается «закрытой страной», и пользоваться фотоаппаратом здесь надо очень осторожно, ибо Мухаммед запретил создавать изображения живых существ. Йорген Бич испытал это на собственном опыте. Порой ему приходилось переодеваться в арабское платье, фотоаппарат он прятал в складках плаща, а свои голубые глаза превращал в карие с помощью специальных линз.

Автор приводит много интересных сведений о природе Аравийского полуострова, о Мукале, Шибаме, Сейюне, Джидде и других городах этой удивительной страны. Во время своего путешествия в 1960 г. он встречается с представителями всех слоев населения: с нищими и рабами, купцами-бандитами и султанами и даже пил чай с двумя принцессами, сбросившими при нем чадру, хотя это грозило всем троим смертью. А в Джидде он присутствовал при публичных казнях. В дальнейшем Бич пытается при весьма драматических обстоятельствах вернуть свободу одному шведу, который в течение нескольких лет прожил в пустыне на положении раба.

Перевод дается с некоторыми сокращениями.

Йорген Бич

За
аравийской
чадрой

**Издательство
«МЫСЛЬ»**

Путешествия • Приключения • Фантастика

Йорген Бич

За
аравийской
чадрой

Издательство «Мысль»

МОСКВА 1966

32 И
Б 67

ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ГЕОГРАФИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

JØRGEN BITSCH

BAG ARABIENS SLØR

Gyldendal, 1962

Перевод с датского К. И. ТЕЛЯТНИКОВА

Послесловие А. С. СОЛОНИЦКОГО

Издание оцифровано А. М. МАРКЕЛОВЫМ

Корректор Ю. В. ПОДШИБЯКИН

1—11—5

237—66

ОГЛАВЛЕНИЕ

РАБОТОРГОВЦЫ ОХОТЯТСЯ ЗА ПАЛОМНИКАМИ	9
ДВА СТРАУСА ВМЕСТО ПРОПУСКА.....	18
ЧЕРЕЗ ЛУННЫЙ ЛАНДШАФТ АРАВИИ В МУКАЛЛУ	26
ДАР СУЛТАНА.....	40
ПУТЕШЕСТВИЕ В ШИБАМ.....	47
ГОРОД НЕБОСКРЕБОВ В ПУСТЫНЕ.....	55
ДЕВУШКА-РАБЫНЯ У КОЛОДЦА.....	63
ДАЛЕКИЙ ГОРОД.....	68
РИСКУЯ ГОЛОВОЙ.....	82
В СОВРЕМЕННОЙ ШКОЛЕ	95
ПРИНЦЕССЫ БЕЗ ЧАДРЫ	105
Я ВСТРЕЧАЮ СОЮЗНИКА	115
ДАТЧАНИН ИЗ «ВРАТ В ПРЕИСПОДНЮЮ».....	121
БУРИЛЬЩИК КОЛОДЦЕВ.....	128
ШВЕДКА В АРАВИЙСКОМ ГАРЕМЕ	133
АЛЬ-КАПОНЕ ДЖИДДЫ.....	138
ВАРВАРСКИЕ НАКАЗАНИЯ.....	148
ПО СЛЕДАМ «БЕЛОГО РАБА»	155
БЕГСТВО... И ТЮРЬМА.....	163
СБРОСИТ ЛИ САУДОВСКАЯ АРАВИЯ ЧАДРУ?	172
САУДОВСКАЯ АРАВИЯ ПОЛВЕКА СПУСТЯ.....	177
ПОСЛЕСЛОВИЕ	178

РАБОТОРГОВЦЫ ОХОТЯТСЯ ЗА ПАЛОМНИКАМИ

Река без романтики. — Трагедия паломников. — Восемь тысяч крон за красивую девушку. — Крупные невольничьи рынки в Саудовской Аравии. — Женщина, которая не захотела, чтобы ее продавали. — «Ужасная вещь»

Хотя река Бахр-эль-Азрак в переводе с арабского и означает Голубой Нил, она гораздо больше похожа на сточную канаву, грязную и мутную. Бахр-эль-Азрак абсолютно лишена той романтической голубизны, на которую намекает ее название, во всяком случае та часть реки, что протекает через столицу Судана Хартум, где она покорно сливается с настоящим Нилом.

Мимо меня лениво течет Бахр-эль-Азрак. Я сижу на веранде отеля, а прямо передо мной у противоположного берега стоят на приколе три насквозь проржавевших речных судна. Они не бороздят больше воды Нила, но в случае необходимости, когда в отеле нет свободных мест, на них укладывают спать постояльцев.

Целый день солнце сжигает своими лучами эту выцветшую от зноя землю, загоняя и людей, и животных в любое укрытие, где есть хоть какое-то подобие тени. Стоит гнетущая жара. Достаточно сделать всего несколько шагов, чтобы одежда тотчас же прилипла к телу, поэтому обитатели здешних мест предпочитают днем мало двигаться. Лишь вечером, когда солнце опускается над горизонтом, опоясывающим пустыню, Хартум постепенно оживает.

Пожалуй, трудно представить себе более мертвый город. Но только я начинаю клевать носом, как меня будит грохот грузовиков. Битком набитые людьми, они длинной вереницей едут по улице. И тут я замечаю, что улица быстро заполняется путниками, усталыми и изможденными. Многие из них уже не идут, а скорее ползут вдоль домов в одиночку или небольшими группами, и все в одном направлении.

В этот момент ко мне подходит пошатываясь официант с бутылкой пива, которую я заказал. От жары он едва волочит ноги. Поставив передо мной пиво, он тяжело опускается на стул за соседним столиком. Это вовсе не фамильярность; просто он смертельно устал, пока шел от буфета до моего столика. Невероятно грязным платком он вытирает пот со лба.

Кроме нас, на веранде больше никого нет, и я предлагаю ему выпить со мной пива.

— Спасибо, — отвечает он, — но лучше я немного посижу. А то мне придется снова бежать в буфет, потом обратно.

Лень отвечать. Он же принимает мое молчание за согласие.

Промочив горло, я говорю:

— В общем нам с вами не очень-то плохо, у нас все-таки есть пиво! А взгляните на этих горемык: они уже еле дышат! Кстати, куда это они идут? Ведь обычно здесь довольно мало народу! — Скоро рамадан, месяц поста. Все эти бедняки — паломники, и идут они в священные города мусульман — Мекку и Медину. Но несчастным и в голову не приходит, какие беды подстерегают их в пути. Конечно, здесь довольно жарко, а в Саудовской Аравии они попадут из огня да в полымя. Некоторые из них навсегда оставят свои кости в Аравийской пустыне, часть продадут в рабство. Треть паломников, проходящих через Хартум, никогда не возвращается домой. Во всяком случае, так говорят...

Слова официанта наводят меня на размышления.

Рабы?

Да, мы немало слышали рассказов о невольничьих рынках в Саудовской Аравии, стране, в которой женщины постоянно носят чадру и которая сама окутана плотной, непроницаемой чадрой. Короткий разговор с официантом не выходит из головы. Я все смотрю и смотрю на усталых, запорошенных пылью паломников и припоминаю отрывочные сведения, почерпнутые мной из сообщений печати и радио... И вот у меня окончательно вырисовывается уже давно вынашиваемый план путешествия на Аравийский полуостров.

Очень символично, что план этот созрел именно в Хартуме. Ибо здесь собираются паломники почти со всей Восточной Африки, дабы в священный месяц поста отправиться через Красное море в Саудовскую Аравию и совершить хадж, то есть паломничество.

По официальным данным, опубликованным в Саудовской Аравии, за 1958 год там побывало 32 669 паломников из Египта и 16 850 из Нигерии, в 1961 году их было 37 444 из Египта и 15 037 из Нигерии. Но в общем количество паломников, ежегодно посещающих святыне места, колеблется незначительно.

Итак, паломников считают десятками тысяч, когда они начинают свой путь. Но возвращаются домой далеко не все. Многие умирают по дороге от голода и истощения, другие — от всевозможных болезней. В 1959 году за одну только неделю июля на пути в Мекку погибло 462 паломника. Власти Саудовской Аравии заявили тогда, что в их смерти повинны либо солнечный удар, либо преклонный возраст, либо слабое здоровье. Но для правоверного мусульманина смерть во имя аллаха всегда прекрасна, и она прекраснее во сто крат, если настигает его во время странствия к святым местам.

Однако тысячи паломников никогда не возвращаются на родину по совсем иной причине. Они просто исчезают. Их похищают работоторговцы, продают на невольничьих рынках в уединенные аравийские города, и там они живут до конца дней своих за высокими каменными стенами, окружающими дворцы богатых шейхов.

В популярной датской энциклопедии сказано, что «...раньше в Хартуме велась оживленная торговля многими предметами суданского производства, но прежде всего рабами...». Прочитав эту фразу, люди доверчивые еще более укрепляются в своем весьма наивном заблуждении, будто «в наше время ничего подобного не бывает, ибо рабство давным-давно запрещено».

Однако сообщения, поступающие в комиссию ООН по борьбе с работоторговлей, и многочисленные публикации приводят неопровержимые факты, свидетельствующие о том, что в некоторых восточных странах работоторговля ведется сейчас с не меньшим размахом, чем в средние века.

Француз Эмануэль ля Гравьер, протестантский священник, тщательно изучил этот вопрос и подготовил специальный доклад, датированный 17 ноября 1955 года. Из этого доклада следует, что каждый год в Саудовской Аравии сотни африканцев попадают в рабство. По нескольким маршрутам транспорты с рабами плывут в Лит, расположенный на аравийском побережье к югу от Джидды, а оттуда живой товар переправляют на невольничьи рынки в Мекку и Эр-Рияд.

Кроме того, в докладе приводятся имена главных работорговцев: в Мекке, где один из невольничьих рынков откровенно называют Даккат аль-Абес (площадка для рабов), — это Аль-Гарра, Мимиш и Ибн-Назир. В Эр-Рияде всю торговлю рабами держит в своих руках Абдалла ибн-Мараван.

Из докладов ООН видно, что многих уроженцев Сенегала старательно натурализуют в Саудовской Аравии, а потом работорговцы Джидды и Мекки посылают их обратно в Африку добывать невольников. Нередко эти охотники за рабами выступают в роли «миссионеров», которые, по-видимому, должны способствовать паломничеству к мусульманским святыням. Как правило, они быстро находят немалое количество правоверных и легковерных мусульман, которые жаждут немедленно отправиться к святым местам. Мужчин, женщин и детей, изъявивших желание совершить паломничество, везут на грузовиках до побережья Красного моря. В порту их сажают на специально зафрахтованные корабли и переправляют в Лит. Здесь паломникам предъявляют обвинение в незаконном переходе границы и препровождают в тюрьму, а оттуда преспокойно продают работорговцам. Тех, кого не удастся сразу продать, отпускают на свободу.

Всего несколько лет назад, в 1957 году, корреспондент журнала «Нью стейтсмен» Брастен Карней совершил поездку по странам Среднего Востока. В своих статьях он неопровержимо доказал с цифрами в руках, что в Саудовской Аравии и сейчас еще работорговля является самым обычным и притом весьма почтенным занятием.

«Всем известны маршруты, по которым везут невольников, — пишет Карней. — Известны и имена работорговцев. Это достопочтенные негоцианты Ибн-Гру-раиб, Аль-Мирри и многие другие. Если у них возникают трудности с покупкой «живого товара», они не гнушаются заплатить кочевникам хорошую сумму денег за похищенную ими красивую девушку или сильного юношу. Полиция никогда не вмешивается в эти операции; ведь у работорговцев есть лицензия... Таким образом, каждый месяц работорговцы собирают обильный урожай и отправляются в Мекку. Там они покажут свой «товар» заинтересованным лицам...»

В результате расследования, предпринятого французскими колониальными властями, оказалось, что в 1954 году через город Абеше

на границе между Французской Экваториальной Африкой и Суданом прошли 21 907 паломников, направлявшихся в Саудовскую Аравию. Вернулись же только 9011 человек.

Эти зловещие цифры получают следующее объяснение:

«Как известно, европейцы, отправляясь за границу, нередко берут с собой драгоценности, чтобы продать их, если вдруг не хватит валюты. Обитатели Востока переняли этот опыт, приспособив его, естественно, к местным условиям. Начиная свое благостное паломничество в Мекку, богатые мусульмане берут с собой сверх обычного штата прислуги еще трех-четырех человек и, если начинают испытывать материальные затруднения, продают их работорговцам...»

В 1956 году английское Общество борьбы с рабством опубликовало доклад, в котором приводятся названия племен, среди них аль-давасир, аль-мурра — на границе между южной пустыней и оазисом Эль-Бурайми, племя аль-монсир — в области Эль-Бурайми и другие, которые занимаются работорговлей. Работорговцы регулярно ездят в Дибай и Маскат и привозят оттуда по пятьдесят-шестьдесят рабов. Этих рабов сначала отправляют в города Эль-Хасы, а если их не удастся там продать, везут в Эр-Рияд.

Как следует из доклада, один работорговец любезно согласился дать интервью и рассказал, каким образом он добывает рабов в областях Катар и Эль-Бурайми. Обычно он находит возле какого-нибудь городка или селения бродячих музыкантов, обещает им определенную сумму денег и просит дать концерт в заранее обусловленный день. После этого работорговец договаривается с шейхом одного из соседних племен о том, что во время концерта его соплеменники нападут на публику, собравшуюся послушать музыку, и похитят нескольких девушек. Шейх получает потом соответствующую мзду за каждую девушку. Всех похищенных работорговец отвозит на невольничьи рынки Эль-Хасы или Эр-Рияда, где их продают с аукциона. Купцы встречают работорговца недалеко от города и забирают у него оптом «живой товар».

Когда рабы попадают наконец на аукцион, их продают совершенно открыто, прямо на рыночной площади. В Эр-Рияде торговец ведет их по улицам города, связав, как скот, по шесть-семь человек вместе.

Пока рынки закрыты, работорговец держит своих пленниц в маленьких подвальных каморках, не давая им ничего, кроме хлеба и

воды. Но он с готовностью выпускает несчастных девушек на свет божий, когда их надо «показать» клиентам.

В докладе Общества борьбы с рабством приводится немало других примеров, свидетельствующих о широком распространении работорговли в Саудовской Аравии. В сентябре 1955 года полиция задержала в Ираке одного работорговца, по имени Мухаммед Хусейн, который снабжал короля Сауда малолетними рабами мужского и женского пола из Ирана и Ирака. Хусейн и его подручные действовали главным образом в районах Эн-Неджефа и Кербела. Когда Хусейна арестовали, он вез с полсотни девочек, которых собирался продать в Эр-Рияде.

В 1954 году из Катара было похищено много девушек, в том числе племянница известного купца Ибн-Мактоума. Ее продали дважды в Эль-Хасе, а потом еще раз в Эр-Рияде, где она через посредника была куплена королевской семьей. Родственники, обеспокоенные ее внезапным исчезновением, послали своих агентов на розыски в пустыню. Следы пропавшей были обнаружены в Эль-Хасе, и туда отправили отряд из ста двадцати человек на верблюдах. Одновременно родственники потребовали, чтобы власти Саудовской Аравии немедленно освободили девушку. Из Эль-Хасы в Эр-Рияд была послана телеграмма, предписываемая отпустить пленницу на свободу, и она в конце концов благополучно вернулась домой.

А вот другая история. Двенадцать рабов, из которых трое были личной собственностью самого короля Сауда, решили совершить побег. Они собрали довольно много денег и купили двух верблюдов. На этих верблюдов они навьючили запасы нищи и воды для долгого путешествия через пустыню. Однако их исчезновение было быстро замечено, и губернатор послал за ними погоню. Беглецов поймали, девяти несчастным немедленно перерезали горло, а трех привезли обратно в Эр-Рияд и предали позорной казни на площади перед королевским дворцом в назидание другим.

Можно до бесконечности рассказывать о том, как людей похищают и продают в рабство. Но бывает и так, что молодые девушки из бедных кочевых племен по собственной воле убегают к работорговцам. Красивая девушка, купленная богатым арабом, может вести сравнительно безбедное существование, и многие предпочитают обеспеченное рабство свободной, но нищенской жизни в пустыне.

Когда девушку приводят на невольничий рынок для продажи, ее не раздевают; зато лицо у нее открыто, хотя женщины в Саудовской Аравии обычно носят чадру. Однако по первому требованию покупателя работорговец отводит ее в специальный шатер для «индивидуального осмотра». Нередко покупатель требует свидетельства врача, что у его будущей рабыни нет никаких инфекционных заболеваний.

Благодаря богатым нефтяным месторождениям золото рекой течет в Саудовскую Аравию, поэтому за рабов там платят сейчас немалые деньги. Красивая девушка стоит около 8 тысяч датских крон, мускулистый мужчина — 3 тысячи крон, и даже старуху можно продать за 700 крон, если она еще не выжила из ума и способна выполнять хоть какую-нибудь работу.

В марте 1960 года молодая красивая египтянка Рага Ясин подала в каирский суд заявление о разводе. Судебное разбирательство наделало столько шума и вскрыло такие чудовищные факты, что получился скандал.

В Египте жил один богатый шейх из Саудовской Аравии, по имени Омар Ясин. Этот шейх попросил у отца Раги руки его дочери и предложил за девушку калым в размере 10 тысяч крон. И хотя Рага еще ходила в школу, она с радостью согласилась принять предложение шейха, потому что — как Рага откровенно заявила на суде — она всегда мечтала «жить в роскоши и ездить в своих собственных лимузинах».

Рага вышла замуж. Прошел месяц, но вот однажды муж сообщил ей, что продал ее одному эмиру из княжества Катар. Омар Ясин получил от эмира 40 тысяч крон и обещал Раге четвертую часть этой суммы, если она будет послушной девочкой и без лишнего шума переберется в гарем эмира.

— Мне удалось повернуть очень выгодное дельце, — сказал Омар Ясин. — Рыночная цена на тебя — максимум 20 тысяч крон, но эмир заплатил вдвое больше, ведь ты похожа на шахиню Сорейю.

И Омар Ясин поведал ей о том, что уже продал шестьдесят пять своих бывших жен многим арабским шейхам и эмирам...

Однако тут нашла коса на камень. Рага ухитрилась записать весь разговор с мужем на магнитофонную ленту, которую потом дала прослушать в Каирском суде, и немедленно получила развод.

Между тем шейх Омар был выслан из Египта и, по слухам, живет теперь в Бейруте.

Однако Саудовская Аравия ввозит рабов не только из Африки и соседних стран.

В одной только Франции ежегодно исчезает от 12 до 15 тысяч женщин, и полиция не находит никаких следов, которые позволили бы начать розыски. Аналогичные цифры приводит в своих отчетах английская полиция. Можно предполагать, что значительная часть этих женщин скрыта теперь за аравийской чадрой...

Французская писательница Клоди Файен в одной из своих книг рассказывает о том, как король Сауд направил однажды в Йемен своего посла с заданием купить белую девушку за 700 тысяч франков (примерно 14 тысяч крон), чтобы один из его юных сыновей «мог с нею позабавиться».

Вопросы, связанные с работорговлей, неоднократно обсуждались на международных форумах. Например, в 1956 году в Женеве состоялась конференция, на которую около пятидесяти стран прислали своих представителей. Франция и Англия предложили принять конвенцию, на основании которой перевозку рабов по морю (в том числе и по Красному морю) следовало рассматривать как разбой, а корабли, заподозренные в этом преступлении, надлежало задерживать и подвергать тщательному досмотру, чтобы выяснить, нет ли на борту людей, которых продали или собирались продать как рабов.

Однако Соединенные Штаты скромно воздержались от каких бы то ни было высказываний по данному вопросу, дабы не разгневать владыку Саудовской Аравии породы Сауда; ведь это могло привести к ликвидации американской военно-воздушной базы в Дахране и нанести ущерб интересам американских нефтяных компаний в Саудовской Аравии. В результате конференция приняла весьма расплывчатую декларацию, смысл которой сводился к тому, что «работорговля — ужасная вещь».

Да, разумеется, работорговля — ужасная вещь, но все связанное с нею окутано непроницаемым покровом какой-то жуткой и в то же время соблазнительной тайны, что у меня вдруг возникло желание самому

заглянуть за аравийскую чадру и увидеть все своими собственными глазами.

И вот я сижу на веранде отеля в Хартуме, обдумывая план будущего путешествия в Саудовскую Аравию: два месяца подготовки в Дании, потом дорога на юг и наконец маленькое княжество Мукалла как исходный пункт задуманной экспедиции. Я уже бывал в Мукалле и установил там некоторые связи, которые могут оказаться полезными в моем путешествии по Саудовской Аравии.

ДВА СТРАУСА ВМЕСТО ПРОПУСКА

Застывший ландшафт. — Побережье без берега. — Призрачное селение в лунном свете. — Страусы вызывают панику. — Султан Авадх беп-Салех бен-Талеб. —хлопоты неверующего. — Лучший способ «страхования жизни»

Плавание вдоль южного побережья Аравии по Аденскому заливу считается у моряков довольно опасным предприятием. Когда дует сильный ветер и корабль со всех сторон окутывает белесый песчаный туман, принесенный из пустыни, вам лучше держаться подальше от грозного аравийского берега: лавовые отмели здесь подобны зубьям пилы, и эти зубья такие твердые и острые, что в один миг могут пропороть днище судна.

Кажется, будто сама природа хочет предостеречь мореплавателей, чтобы они не вздумали приблизиться к берегу. У береговых утесов такая причудливая и зловещая форма, словно они изваяны всей болью земли, охваченной титаническими процессами горообразования. Эти утесы возникли много тысячелетий назад, когда здешние вулканы еще были действующими. И теперь, глядя на эти гигантские вулканические конусы, высящиеся на самой границе между морем и сушей, можно подумать, что они не земного происхождения, а часть лунного ландшафта.

Нередко скалистое подножие вулкана поднимается прямо из воды, а его конус находится в наклонном положении, словно вот-вот рухнет в море. Когда вы плывете мимо такого вулкана, вам кажется, что еще немного — и можно будет заглянуть в его кратер.

Одни конусы совершенно черные, другие покрыты застывшей лавой кроваво-красного цвета. Создается впечатление, будто здесь кипит раскаленный металл. И хотя эти вулканы наверняка потухли уже много тысяч лет назад, вас ни на миг не покидает такое чувство, что сейчас начнется извержение и во все стороны хлынут смертоносные потоки. Возможно, когда-то на этом побережье жили люди. И возможно, все они погибли, когда вулканы в своем неистовом гневе залили страну раскаленной магмой и сожгли ее, превратив в мертвую каменистую пустыню, простирающуюся до самого Аденского залива. Значительная

часть страны в течение долгого времени была дном океана, и это обстоятельство еще более усилило своеобразие здешнего рельефа.

Если корабль наскочит на рифы или разобьется о скалы, его команда и пассажиры обречены на гибель. Берега в обычном смысле этого слова здесь нет, а море кишит акулами.

Если же кому-нибудь все-таки удастся спастись, то он почти наверняка выберется на берег в таком месте, где нет ни дерева, ни даже кустика, в тени которого он мог бы укрыться от палящих лучей солнца. А солнце печет немилосердно, раскаляя песок и скалы до 65 градусов. Потерпевший кораблекрушение не найдет здесь ни капли пресной воды и поэтому проживет несколько часов, максимум несколько дней.

Когда я, новоиспеченный путешественник, первый раз прибыл в Мукаллу не то в 1949, не то в 1950 году, мне рассказали, что незадолго до моего приезда в ста километрах к юго-западу от города села на мель прогулочная яхта. Оказавшиеся поблизости кочевники-бедуины убили всех, кто был на борту, и разграбили яхту. И нет ничего удивительного в том, что экипажи небольших арабских парусников дау, плывущих вдоль побережья, всегда облегченно вздыхают, когда минуют небольшой мыс, за которым прячется Мукалла. На дау, очень напоминающих китайские джонки, перевозят пряности из Занзибара и других африканских портов в Мукаллу и Маскат.

Как только мыс остается позади, корабль вне опасности и морякам открывается Мукалла, словно какой-то неведомый мираж. Если же вы плывете лунной ночью, белые строения Мукаллы производят еще более фантастическое впечатление, чем днем. И весь город кажется каким-то призрачным и совершенно нереальным. Но Мукалла вполне реальный город, хотя просто невероятно, как он смог уместиться на такой узкой полоске земли. К счастью, море в этом месте немного отступает от отвесной каменной стены гор и город отвоевал себе у воды кусочек суши. Кажется, будто дома все время ведут между собой жестокую борьбу за жизненное пространство, а нависшие над ними горы изо всех сил стараются столкнуть их в море.

Сначала Мукалла была лишь крошечным рыбацким поселком, но на южном побережье Аравийского полуострова очень мало гаваней, и скоро поселок стал важным морским портом. Значение его тем более велико, что отсюда в глубь страны ведут самые удобные пути. Город постепенно превращался в крупный торговый центр, богател, рос и в один

прекрасный день оказался наглухо зажатым между морем и горами. Больше здесь нельзя построить ни одного нового дома.

Здания стоят настолько близко к воде, что, когда дует ветер с моря, солёные брызги летят в окна. В то же время противоположная часть города так тесно прижимается к горам, что нередко во время обвалов огромные камни с грохотом падают прямо на дома и пробивают три-четыре строения, прежде чем окончательно останавливаются.

С юго-запада Мукаллу окружают вади — огромные русла высохших горных потоков. Теперь это единственные во всем районе проезжие дороги. На северо-востоке город упирается в высокие скалы, которые доходят до самого моря, образуя непреодолимый барьер.

Таким образом, расширяться Мукалле уже некуда. Остается только расти ввысь, и город растет. В Мукалле есть семи- и восьмиэтажные дома.

Своим возникновением Мукалла прежде всего обязана маленькому удобному полуострову, на котором она расположена. Этот полуостров напоминает нью-йоркский Манхаттан, разумеется в миниатюре. Только вместо американской «Статуи Свободы» здесь возвышается стройный белый минарет мечети, приветствуя всех, кто приближается к городу со стороны моря.

Но все дело в том, что Мукалле некого особенно приветствовать. Этот город никак не назовешь вратами в землю обетованную, во всяком случае теперь...

Каких-нибудь несколько веков назад Мукалла славилась как крупнейший экспортер ладана и мирры; это были важнейшие благовония, без которых не могла обойтись ни одна религиозная церемония. Теперь экспортные товары Мукаллы не имеют сколько-нибудь решающего значения для мирового рынка. Здешние купцы вывозят лишь немного фиников, основное же занятие населения — рыболовство и строительство небольших парусных судов (дау).

Сколько жителей в Мукалле? Судя по официальным данным, что-то между 25 и 45 тысячами человек, но пока еще никому не удалось провести настоящую перепись в этом совершенно невообразимом лабиринте улиц.

Порт Мукаллы довольно маленький, и обычно здесь царит полное спокойствие. Когда в Мукаллу приходит с грузом большой пароход, он бросает якорь на рейде, а вокруг него, как пчелы, почуявшие мед,

вьются десятки маленьких дау и лихтеров и перевозят груз на берег. Как правило, грузы прибывают в Мукаллу на парусниках, поэтому пароход здесь — настоящая редкость и поглазеть на него всегда собирается много народу.

Впервые я попал в Мукаллу на небольшом шведском судне «Спика». Я с мотоциклом прибыл из Момбасы (Африка), чтобы совершить путешествие через Аравийскую пустыню. Вместе со мной сюда приехали два страуса, которыми султан Мукаллы пожелал украсить свой зоопарк. Султан был ревностным собирателем всяких заморских животных. Раньше он в основном собирал женщин для своего гарема, но с возрастом пришел к выводу, что гораздо спокойнее иметь дело с дикими зверями.

С верхней палубы мы наблюдали, как вдоль берега и на набережной теснились тысячи людей. На причале, который местные жители несколько претенциозно называют портом, собралась городская знать во главе с премьер-министром и начальником дворцовой стражи.

Однако эта пышная встреча предназначалась не нам, а страусам. Их купили в Сомали, погрузили на пароход в Могадишо, и вот они прибыли наконец в свою новую резиденцию.

Столь диковинных животных в этих краях еще никто не видел, поэтому встречающие смотрели на них с огромным интересом. Впрочем, страусы разглядывали жителей Мукаллы с не меньшим интересом. Когда их переносили на берег, они просовывали головы между прутьями клеток, напоминая какие-то странные перископы, которые поворачиваются в разные стороны, обшаривая горизонт.

Все шло хорошо, но вдруг случилась катастрофа.

Какой-то араб бросил с дау швартовый канат, который страусы, по видимому, приняли за питона или еще какую-нибудь страшную змею. В ужасе они стали бить ногами о стены клеток. Как известно, у страусов необыкновенно сильные ноги, и они мгновенно разбили несколько досок в щепки. Если бы эти глупые птицы не высовывали голов сквозь прутья клетки, они бы легко могли выбраться на волю и удрать. Но удрать они даже не пытались; между тем несколько матросов тотчас же подскочили к клеткам, накинули на них брезент и крепко обвязал стальными тросами.

К сожалению, для собравшихся на набережной это маленькое интермеццо имело весьма печальный финал. Те, кто стояли в передних

рядах, испугались и попытались убежать; однако стоящие сзади непременно хотели получше рассмотреть, что там происходит, и из всех сил стали давить впереди стоящих. Началась невообразимая толкотня, и в мгновение ока с десятков зевак очутилось в воде. Их всех удалось благополучно вытащить на берег, но прошло еще немало времени, прежде чем страсти улеглись.

Все последующие дни в Мукалле ни о чем другом не говорили, как о диковинных птицах. Местные жители и думать забыли о том, что матросы с чужеземного корабля бродят по мусульманской Мукалле, где европейцы пользовались весьма дурной славой. По мнению фанатических последователей ислама, европейцы — это «неверные собаки», которых правоверные мусульмане должны всячески преследовать и побивать камнями, ибо само их присутствие уже оскверняет святую Аравию.

Страусов с триумфом провезли через весь город и торжественно водворили в султанский зоологический сад, который непосредственно примыкал к гарему. Старый султан был безумно счастлив и известил меня и капитана Свенсона о том, что, когда в следующий раз мы попадем в Мукаллу, нас будут принимать как его личных гостей.

Из Мукаллы я отправился в путешествие через Аравийскую пустыню, а капитан Свенсон, который торжественно заверил меня, что еще вернется сюда и сделает из султана бифштекс, отплыл к восточному побережью Африки.

Быть может, астматические машины «Спики» уже остановились навсегда. Быть может, сама «Спика» села на риф или разбилась о берег. А быть может, капитан Свенсон просто забыл о приглашении султана. Ибо в Мукаллу он так и не вернулся.

Но я о приглашении не забыл.

Когда в 1952 году я вторично прибыл в Мукаллу, со мной, к сожалению, не было страусов, и, возможно, именно это прискорбное обстоятельство несколько затянуло процедуру прохождения через полицейский контроль. Однако я упорно доказывал, что меня пригласил сам султан Авадх бен-Салех бен-Галеб, и через несколько часов я наконец предстал перед великим повелителем правоверных.

Между тем я уже готовился выступить в роли злополучных страусов. Мне очень явственно рисовалась картина, как я стою в камере городской тюрьмы и просовываю голову сквозь прутья решетки.

Пробить же ногами дырку в стене мне наверняка не удастся. Тем не менее прямо из полицейского участка с железными решетками на окнах я попал в маленький восьмикомнатный дворец, который султан любезно предоставил в мое полное распоряжение.

По правде говоря, султан был немного ошеломлен, узнав, что я решил воспользоваться его любезным приглашением двухгодичной давности. Но это испытание он перенес стойко, как и подобает истинному мусульманину.

Его премьер-министр, весьма начитанный господин, который когда-то учился в Каире, поведал мне сугубо конфиденциально, что обычно подобным приглашением не придают слишком большого значения и их следует рассматривать просто как долг вежливости.

Очевидно, с моей стороны было бы неразумно заявить, что все это мне отлично известно. Просто я решил воспользоваться султанским приглашением, чтобы посетить эту интереснейшую часть земного шара, и, когда султан вспомнил меня после упоминания о двух страусах или, во всяком случае, сделал вид, что вспомнил, мне оставалось только благодарить судьбу.

К своему величайшему сожалению, я узнал, что оба страуса оказались гораздо менее жизнеспособными, чем многие обитательницы султанского гарема. Один из них умер от какой-то хвори вскоре после того, как его поселили в зоологический сад. А другой покончил жизнь самоубийством, попытавшись проглотить тюрбан одного телохранителя.

В один прекрасный день меня пригласили посетить султана в его роскошном дворце. Авадх бен-Салех бен-Галеб был уже в летах, и на величавом челе его были написаны усталость и спокойствие. Каким бы делом он ни занимался, он отдавался ему со страстью. Круг его интересов не ограничивался одними лишь наложницами и заморскими зверями. Султан сам написал несколько научных трудов по различным вопросам, и некоторые из них были даже опубликованы. Еще несколько лет назад он был заядлым спортсменом. Но недавно его скрутила подагра, и ему стало трудно ходить.

В то время в Мукалле было запрещено публично демонстрировать кинофильмы, но султан был завзятым кинолюбителем и больше всего на свете любил показывать своим друзьям снятые им фильмы. Как султан, он мог позволить себе немного возвыситься над законом, предаваясь такому ультрасовременному хобби.

Пожалуй, наша общая страсть к кинолюбительству и явилась тем счастливым обстоятельством, которое позволило мне провести несколько часов с султаном в его дворце. Своей кинокамерой я снял фильм о султানে, наследном принце Амуре Авадхе и принце Ахмеде. Здесь же был и премьер-министр, которому султан поручил заботиться обо мне. Он по-отечески опекал меня и помогал не нарушать дворцовый этикет, весьма сложный и запутанный.

Премьер-министр поставил меня в известность, что с моей стороны было бы весьма похвально, если бы я нанес визиты знатнейшим шейхам города. Я немедленно последовал его совету, но после первого же визита решил, что он будет и последним! Таким образом, остальным знатым шейхам придется обойтись без моего общества.

У шейха, к которому я направил свои стопы, меня угостили страшно крепким кофе, который в основном состоял из гущи и еще каких-то пряностей: имбиря или кардамона. Воды же было чуть на доньшке. Из вежливости мне не удалось остановиться на двух чашках: ведь даже бог троицу любит. Пришлось выпить три чашки жидкого динамита, такого убийственно крепкого, что даже слезы брызнули у меня из глаз.

Чтобы прекратить пытку, после третьей чашки я откланялся, вернулся в свой дворец и тут же набросился на бурдюк с водой.

Но очень скоро я благодарил бога за эти три чашки кофе.

На другой день я пошел в мечеть. Прежде чем войти в нее, я снял башмаки, как велит мусульманский закон, и решил, что теперь все в порядке. Но не тут-то было.

О, я еще не знал, что такое Мукалла! Впервые за всю историю города неверный чужестранец осквернил мусульманскую святыню; не прошло и двух секунд, как меня схватили, поволокли к дверям и тумаками выбросили на улицу. Я даже не сообразил, откуда вдруг появилось здесь столько народа, понял только, что вся эта толпа охвачена гневом и собирается учинить надо мной суд и расправу. Разобрать слова, которые выкрикивали оскорбленные мусульмане, я не мог, но их общий смысл был достаточно ясен. Хоть меня и вышвырнули из мечети, но отпустить с миром явно не собирались. На изогнутых лезвиях ножей заиграли солнечные блики. Просвистел булыжник. Он предназначался мне, но угодил кому-то в висок, и бедняга со стоном упал на землю. В воздухе запахло смертью.

Султанский раб Ниангара, который всюду сопровождал меня, как сквозь землю провалился при первых же признаках надвигающейся беды. Ему претило варварство во всех его проявлениях...

Вдруг я почувствовал, как чья-то сильная рука схватила меня за локоть. Я уже ничего не видел, потому что в глаза мне швыряли грязь и песок, плевали в лицо. Я совсем обессилел и почти не оказывал сопротивления человеку, который упорно тащил меня за собой. Меня втолкнули в какую-то темную комнату. Двери захлопнулись, и я понял, что настал мой последний час.

Однако рокового удара, которого я ожидал, так и не последовало; когда же я наконец очистил глаза от песка и немного привык в темноте, то узнал шейха Салима, того самого Салима, у которого несколько часов назад пил кофе.

Как только мне удалось прийти в себя, я сердечно поблагодарил хозяина за спасение и сказал, что навеки останусь его должником. И действительно, он проявил подлинное великодушие, ввязавшись в уличную потасовку, чтобы спасти жизнь какому-то чужестранцу. В то время я еще не знал, что, с точки зрения араба, он просто выполнил свой долг.

Для араба гостеприимство — один из самых священных законов, и если в его доме был гость, который выпил хотя бы одну чашечку кофе с имбирем или кардамоном, то он обязан оказывать ему всяческое покровительство в течение следующих трех дней и не только у себя дома. В стране, где жизнь белого человека все время висит на волоске от гибели, лучше не пренебрегать этой несколько своеобразной формой «страхования жизни».

Все последующие дни я сломя голову носился от одного шейха к другому. И у каждого, давясь, выпивал три священные чашечки кофе. Всего я выпил около восьмидесяти чашек, и, хотя каждая была не больше рюмки для яйца, мой желудок пришел в великое расстройство. Однако в этих невзгодах меня неизменно утешала мысль, что лучше рисковать желудком, чем головой».

ЧЕРЕЗ ЛУННЫЙ ЛАНДШАФТ АРАВИИ В МУКАЛЛУ

*Лава и песок. — Ниангара. — Жизнь просыпается. — Раб. —
Подземные реки*

Лишь через несколько лет мне снова удалось побывать в Мукалле. На этот раз я прилетел сюда на самолете, который с трудом произвел посадку на «аэродроме», мало чем отличающемся от окружающей песчаной пустыни. Аэродром этот находится примерно в сорока километрах от города и весь состоит из совершенно первозданной взлетно-посадочной полосы.

С самолета я увидел в общем все то же самое, что уже наблюдал во время своего первого плавания в Мукаллу. Но сверху ландшафт казался еще более сказочным и каким-то неземным, чем с моря. В многочисленных лунных кратерах виднелись маленькие озера, похожие на сверкающие глаза, голубые, зеленые, карие и желтые. Глубокие овраги, словно старческие морщины, бороздили изрезанную шрамами землю.

Изредка пустыня выравнивалась, и тогда по всей ее поверхности огромными волнами тянулись длинные песчаные барханы. С самолета она была похожа на гигантскую стиральную доску. Глядя на эту картину, я сразу представил себе, как трудно добираться по суше от Адена до Мукаллы. Едва ли существует на свете более безотрадное место, чем Аравийская пустыня. Первые шестьдесят километров от Адена только песок. В основном путь пролегает по побережью, но нужно избегать зыбучих песков, которые окружают вадии. Потом начинаются горы, такие крутые и неприступные, что дух захватывает. Кажется, будто необузданная фантазия художника воссоздала здесь картин ада.

Страшно даже подумать, сколько тысячелетий понадобилось природе, чтобы изваять этот сказочный ландшафт. А ведь все эти глубокие ущелья и каньоны были созданы водой. Вода точит камень, но здесь, в Аравийской пустыне, между двумя дождями нередко проходит несколько десятилетий! За одну человеческую жизнь камень не стачивается даже на миллиметр. Чтобы выдолбить эти глубокие морщины, понадобились миллионы лет.

Но самое фантастическое зрелище — это так называемый смешанный ландшафт, который состоит из черной застывшей лавы,

огненно-красного песчаника и светло-желтого песка. Природа создала здесь всевозможные тона и цветовые оттенки, и, когда глаз привыкает различать их, нельзя не восхищаться этой изумительной игрой красок. Горы пылают всеми цветами радуги, от пепельно-белого до ярко-желтого и темнокрасного, переходящего местами в угольно-черный. А рядом, словно для контраста, раскинулось изрытое волнами море: брызги ослепительно белой пены захлестывают темные подножия скал. И здесь, в море, с новой силой звучит эта фантастическая симфония красок.

У самого берега над разноцветными кораллами, поднимающимися со дна, море изумрудное, а потом оно становится все синее, синее, и вот уже до самого горизонта тянется необъятный лазурно-голубой простор.

Во время всего полета над аравийским лунным ландшафтом я сижу, буквально уткнувшись носом в стекло. Мне еще никогда не приходилось видеть такой первозданно голой земли — ни человека, ни животного, ни даже травинки. А сам ландшафт все время меняется.

Ущелья здесь крутые и красочные. Даже с самолета можно наблюдать их слоистую структуру, эту великую книгу геологической истории земли, где каждая страница — сотни тысяч лет.

Мы летим над плоскогорьями, такими плоскими и обширными, что на каждом мог бы легко совершить посадку современный реактивный лайнер.

Летим над черными зазубренными утесами. Между утесами вздымаются в самое небо остроконечные вершины гор. А вдоль берега тянется гигантский бордюр — вечно юное море, синее и бескрайнее, с грохотом вонзающее потоки воды в нагромождение глыб и обломков скал.

Да, такой, наверное, была земля, когда она на заре времен возникла из Мирового океана.

Но вот вдали появляется Мукалла, ее нельзя не узнать. На длинном гребне хребта стоят сторожевые башни. Отсюда дозорные оповещали горожан о приближении враждебных племен и следили за тем, чтобы рабы из Мукаллы не совершали побегов. Сторожевые башни построены на самых высоких вершинах хребта, даже на неприступных утесах; порой кажется, что под ними нет твердой опоры и они легко и свободно парят в воздухе.

Эти башни, во всяком случае большинство из них, уже давным-давно превратились в руины. Никакие враждебные племена больше не угрожают Мукалле. Город слишком вырос, чтобы кто-нибудь посмел посягнуть на него. Уже десятки лет он наслаждается тишиной и покоем: никто не нападает на него и, говорят, стражникам не надо больше ловить беглецов, ибо рабам в Мукалле живется теперь так хорошо, что у них нет ни малейшего желания удирать от своих хозяев.

После того как самолет приземлился в «аэропорту» — так власти Мукаллы гордо называют здешний аэродром — я сел в лендровер и отправился в город. Шофер был араб, и звали его Ахмед Базара. Очевидно, он еще не забыл, как носился когда-то по пустыне на чистокровном арабском скакуне, и теперь выжимал из своего шестицилиндрового иноходца все, что тот мог дать. Порой Ахмед закладывал такие виражи, что машина чуть-чуть не переворачивалась. А порой начинал играть в мотобол, используя вместо мяча обломки скал, валяющиеся на шоссе. И каждый раз он искоса поглядывал на меня, словно желая убедиться, какое впечатление производит его искусство. А потом улыбался ослепительной улыбкой, будто говоря: «Ну вот видишь, ничего страшного!..» Когда опасность оставалась позади, он склонялся над рулем, как над гривой коня, и снова давал «шпоры»...

Иногда мне казалось, что настал мой последний час, но Ахмед Базара был, по-видимому, вполне доволен и собой, и мной. Рискуя жизнью, он слепо верил в судьбу, как верили мусульманские воины, которые в свое время завоевали весь Средний Восток, Северную Африку и Испанию. Вероятно, Ахмед был глубоко убежден, что, если ему суждено погибнуть, он тотчас же попадет в райские кущи аллаха, где под каждой пальмой сидят молодые и прекрасные гурии, у которых нет иного предназначения, чем услаждать во веки веков мужественных и отважных.

Скоро мы уже едем по узким и пыльным улицам Мукаллы, между высокими зданиями, куда даже в полдень не проникает солнце. За машиной улицу немедленно поглощает облако пыли, а дома расплываются во мгле, словно кто-то вдруг провел сухой тряпкой по доске, на которой они были нарисованы мелом.

Теперь Ахмед Базара ехал довольно медленно, но все равно из-под самого радиатора то и дело шарахались люди, когда мы лавировали между ними и их верблюдами.

Наконец нам пришлось двигаться «шагом», потому что стало совсем узко, и пешеходы прижимались к самым стенам домов, чтобы пропустить нашу машину.

Единственный дорожный знак, который существует в Мукалле, извещал нас, что скорость движения не должна превышать пятнадцать километров в час.

Надо сказать, что в транспортном отношении Мукалла тоже становится абсолютно современным городом. За последние годы уличное движение здесь выросло во много раз. Десять лет назад легковую машину имел только султан. Кроме того, в городе было несколько грузовиков и джипов. Теперь по улицам Мукаллы разъезжает не менее полусотни автомобилей.

Мне предложили обосноваться в том же самом дворце, в котором я жил прошлый раз. Внутреннее убранство комнат почти не изменилось за эти годы. Та же обстановка, те же краски, тот же выцветший портрет старого султана Авадха бон-Салех бен-Галеба, который недавно умер и уступил престол сыну Амиру Авадху; те же бедуинские ковры на полу. По этим коврам редко ступают, и, когда мне надо было расписаться в книге для гостей, я перелистал всего несколько страниц, чтобы найти ту, на которой я расписывался прошлый раз.

Итак, здесь все осталось по-старому. Остался и Ниангара — слуга, который был рабом султана...

Утром чуть свет я был на ногах. Мне хотелось поскорее спуститься на берег, чтобы посмотреть, как маленькие рыбацьи лодки выходят в море. Это очень узкие каноэ, такие узкие, что в них может уместиться только человек с чрезвычайно узкими бедрами.

Шесть часов утра. Восходящее солнце лишь позолотило край облаков, когда полсотни каноэ вышли в море. Море еще совсем черное, но скоро на его вздыбленной зыбью поверхности возникает серебристое

сияние утра. Маленькая флотилия то исчезает между волнами, то снова взлетает на белых гребнях. Над некоторыми лодками появляются крошечные четырехугольные паруса размером около одного квадратного метра, но большинство рыбаков просто гребет своими пагаями, которые напоминают большие леденцы. Через час лодки уже возле отмелей, где можно начинать лов рыбы.

Над морем летают чайки, держась ближе к берегу. Здесь мелко, и нередко огромные волны обрушивают каскады воды на прибрежные камни. Однако у птиц изумительно развито чувство опасности; и если вы видите, как стая чаек взмывает вверх, значит, следующая волна таит в себе угрозу.

Вскоре после восхода солнца обитатели окрестных оазисов начинают стекаться в город. Это длинноволосые, длиннородые бедуины, голые по пояс; их тела расписаны черной или синей краской. На поясе они носят большой нож с изогнутым лезвием, который им дороже всего на свете. Как правило, его рукоять — подлинное произведение искусства, она украшена жемчугом и разноцветными камнями, но теперь это грозное оружие чаще употребляется за трапезным столом, чем в схватках с неприятелем.

Женщины, которые идут в город, завернуты в черные покрывала, а на некоторых еще красная или желтая чадра. Даже руки у них закрыты, и, когда они идут, видны только ступни ног. Некоторые женщины проделывают в чадре отверстия для глаз. И все они что-то несут. Обычно это какая-нибудь зелень из сада или сено для коз, которых они ведут за собой.

Просыпается жизнь и на площади, где стоят верблюды. Раздаются окрики погонщиков, которые никак не могут совладать с упрямыми животными. По утрам у верблюдов долго не проходит «хандра».

Пожалуй, ни одно животное не просыпается утром в таком плохом настроении, как верблюд. Что бы ни делал его хозяин, верблюд все время упрямится. Он не хочет, чтобы на него навьючивали поклажу. Не хочет подняться на ноги. Не хочет, чтобы возле него находились люди. Он не только злобно шипит, когда кто-нибудь приближается к нему, но кусается и лягается, да еще так сильно, что без труда может сломать ногу взрослому мужчине. Укус его тоже удовольствие не из приятных, и многие бедуины надевают на верблюдов намордники. Арабы говорят, что

верблюды и умирает только потому, что непременно хочет досадить хозяину.

И хотя верблюды — большие безобразники, бедуины испытывают к ним нечто вроде безответной любви, ибо только верблюды могут пронести их благополучно через пустыню. А кроме того, это очень красивые животные с большими выразительными глазами и величественной осанкой. Бедуины всегда говорят о них с нежностью в голосе, — может быть, поэтому у верблюдов такой самонадеянный вид.

Погонщик охотно прощает своему верблюду все те выходки, которые строптивое животное позволяет себе по утрам, когда на него навьючивают поклажу. Он лишь жалобно причитает, и голос его при этом напоминает предсмертный хрип животного, но это не помогает. Работа погонщика требует большой сноровки. Вьюки, закрепленные на обоих боках верблюда, должны весить одинаково. Если равновесие нарушено или поклажа слишком тяжелая, животное просто откажется встать.

В толпе, собравшейся на площади, взад и вперед снуют торговцы водой с бурдюками из козьей шкуры. Немного поодаль собралась стайка мальчишек, которые разговаривают так же громко, как взрослые арабы, а арабы имеют обыкновение говорить чрезвычайно громко. При этом у них настолько воинственная интонация, будто уже разразился скандал, который вот-вот перейдет в рукопашную схватку. Но опасения напрасны : это их обычная манера вести беседу.

Разгуливая по Мукалле вместе с Ниангарой, я замечаю, что теперь здесь относятся к иностранцам не так враждебно, как раньше. Однако у жителей Мукаллы было за последнее время немало столкновений с европейцами. Княжество Мукалла — часть протектората Аден, и в городе постоянно находится английский резидент.

Во всяком случае, я стараюсь обходить подальше здешние мечети.

Когда я брожу по улицам и переулкам Мукаллы, Ниангара неотступно следует за мной. Он все время снабжает меня всякими мудрыми советами, если я делаю какие-нибудь покупки. Он неслышно скользит моей тенью по всем восьми комнатам дворца. Он выходит из спальни, только когда я ложусь спать, а утром, едва продрал глаза, я вижу его возле своей постели.

Но преданность Ниангары, равно как и его заботливость, имеют свои границы.

Однажды, когда мы гуляли вокруг мечети, я не удержался и напомнил ему о происшествии, которое приключилось со мной во время прошлого приезда в Мукаллу.

— Ты помнишь, Ниангара, какой скандал был возле этой самой мечети?

— Конечно, господин! Я не забуду об этом до конца дней моих. Иногда этот кошмар мне снится по ночам, и я просыпаюсь в холодном поту. Ведь й меня они могли отправить на тот свет!

— Ну, положим, на тот свет они собирались отправить меня, а не тебя. Но каким образом тебе удалось спастись? Очевидно, ты сражался, как лев?

— О господин! Мне пришлось убежать. Моя жизнь была в опасности. Если бы единоверцы узнали, что я не помешал тебе войти в мечеть, они тотчас же убили бы меня. Убили без всякой жалости!

— Разве не лучше умереть, чем быть рабом?

— О нет, мне не так уж плохо живется: платят жалованье, кормят, у меня есть постель, не хватает только лишь немного одежды...

— Что бы ты сделал, Ниангара, если бы я купил тебя у султана и подарил тебе свободу?

— Что бы я сделал? Едва ли я где-нибудь найду лучшую работу, чем здесь, и никто не станет заботиться обо мне. Да я бы продал сам себя и снова стал рабом.

В Мукалле много таких, как Ниангара. Они живут и умирают рабами. Они лишены права менять по своему усмотрению работу или хозяина. Они не имеют права жениться на тех, кого любят, их дети с самого рождения становятся такими же рабами, как и они сами. Но они могут ходить туда, куда хотят. Они даже получают жалованье или, вернее, деньги на мелкие расходы. Их работа имеет, как правило, мало общего с тем, что у нас связано со словом «рабство». Фактически это просто доверенные слуги; они крепостные, но живут лучше, чем многие свободные арабы, ибо представляют для своих хозяев материальную ценность и те в какой-то мере заботятся о них. И когда они заболевают, хозяева именно поэтому лечат их, лечат так же заботливо, как датский

крестьянин лечит свой скот. А если заболит обычный рабочий — свободный человек, он моментально потеряет работу и, возможно, умрет с голоду. До него никому нет дела, ибо у ворот всегда стоит другой рабочий, желающий занять его место.

Есть рабы, которые носят в бурдюках воду и поливают пятьдесят запыленных пальм, растущих возле султанского дворца. Чтобы в этой сухой пустыне росли пальмы, их нужно поить каждый день.

Есть рабы, которые нянчат детей; есть рабы, которые приготавливают пищу; есть мальчишки-рабы, которые удовлетворяют извращенные прихоти своих господ; есть рабы, которые являются телохранителями. Стать телохранителем — это предел мечтаний каждого раба.

Когда какой-нибудь знатный господин шествует по улице со своими телохранителями, вы легко можете заметить, что под их длинными белыми плащами спрятано оружие.

Здесь нашли нефть, и естественно, англичане стараются установить хорошие отношения с местными властями и знатью, чтобы получить доступ к нефтяным богатствам страны. Не менее естественно и то, что здешние правители смотрят сквозь пальцы на пренебрежительное отношение чужеземцев к законам ислама: если в стране действительно есть нефть, то должен же аллах понять, что сотрудничество с неверными приносит истинным мусульманам немалые барыши.

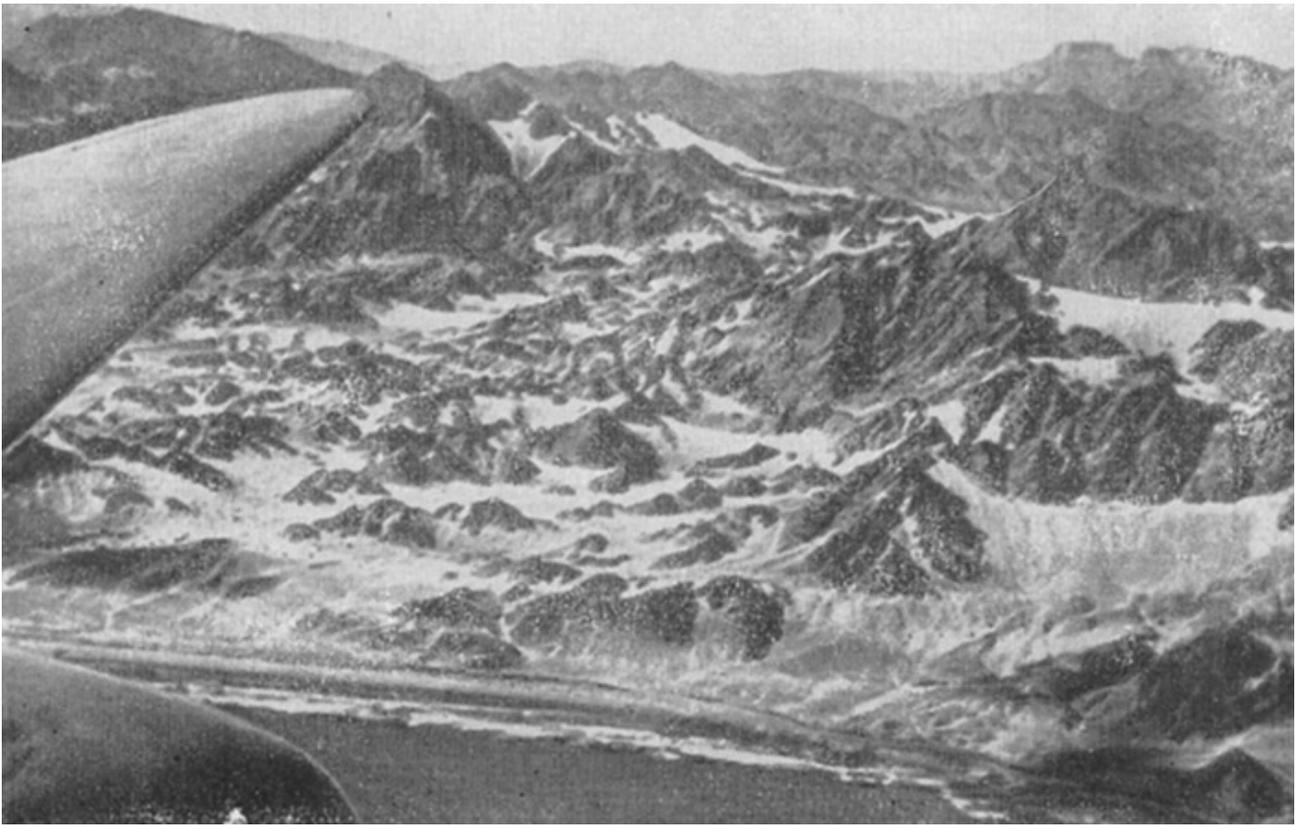
Но дело не только в нефти. На восточном побережье Аравийского полуострова англичане разбили несколько хлопковых плантаций. В этих местах дожди выпадают крайне редко, и раньше считалось, что возделывать здесь эту культуру не имеет смысла из-за недостатка влаги. Однако хлопок тут не только растет, но и дает рекордные урожаи. Почему? Оказывается, очень влажный воздух настолько уменьшает испарение с поверхности листьев, что хлопку нужно гораздо меньше воды, чем в других районах земного шара.

Там, где осадки совсем ничтожны, воду качают из глубоких колодцев. Недра Аравийского полуострова заполнены огромными подземными озерами, в которых скопляется дождевая вода. По подземным рекам вода течет в море. Значит, чтобы выкачивать из них воду, надо пробурить скважины. Но брать можно лишь строго определенное количество пресной воды, то есть всю ту воду, которая течет в море, и ни на литр больше. Если вы выкачаете не всю пресную

воду, то часть ее будет для вас потеряна, что недопустимо в стране, страдающей от жажды. Если же не остановить вовремя насосы, то в подземные русла устремится морская вода, и вода в колодцах станет соленой.

Побережье Мукалы

Когда летишь над пустыней, кажется, будто совершает космический полет вокруг луны. Остроконечные вершины гор чем-то напоминают гренландский ландшафт

**Наполненные водой кратеры соединяются
подземными каналами с морем**

Горные плато Хадрамаута перед заходом солнца

Часть Мукаллы расположена на небольшом полуострове, который защищает гавань от морских волн

ДАР СУЛТАНА

Напряженное. ожидание. — Беседа с султаном. — Арабская трапеза «Щедрый дар». — Ниангара оказывает мне доверие. — Белый раб в пустыне

На этот раз я не привез в Мукаллу каких-либо диковинных животных; новый султан гораздо меньше интересовался зоологией, чем его отец. Но приехал я все-таки не с пустыми руками. Я привез воистину хороший подарок, который, как мне казалось, доставит султану большую радость. Это была копия цветного фильма, который я снял в Мукалле в прошлый раз. И к слову сказать, эта копия была гораздо транспортабельнее, чем страусы.

Я предполагал, что фильм станет моей въездной визой в сказочную страну «Тысячи и одной ночи» и, может быть, позволит мне пробиться сквозь стену таинственности, которая окружает Саудовскую Аравию.

И вот однажды мне принесли приглашение явиться к султану.

— Не забудьте захватить с собой подарок, — сказал гонец.

Думаю, что это напоминание он сделал не от имени султана, а, так сказать, по собственной инициативе, ибо весь город уже знал, что я привез цветной видовой фильм о Мукалле. Много раз я ловил себя на размышлении: а что султан подарит мне взамен? Ведь на Ближнем Востоке принято обмениваться ценными дарами: если я сделал дорогой подарок, значит, я могу рассчитывать на подарок примерно такой же ценности.

Почему-то пришло в голову, что, возможно, султан подарит мне княжескую одежду. Такие вещи случались. А глядя на султанский подарок, я бы с удовольствием вспоминал о своем визите в Мукаллу. Однако настоящая княжеская одежда с золотой отделкой и золотым шитьем стоит все-таки настолько дорого, что даже султану ее цена может показаться непомерной, поэтому рассчитывать на подобные подарки было по меньшей мере опрометчиво. С другой стороны, если бы султан вздумал пригласить кинооператора, чтобы снять видовой фильм, это обошлось бы ему в несколько тысяч крон.

Я представлял себе и другие подарки, и в конце концов фантазия завела меня так далеко, что мне вспомнилась вдруг сказка Андерсена «Торговка яйцами».

Мои мечты были прерваны появлением роскошного лимузина, который остановился у подъезда. На радиаторе развеялся султанский вымпел, и не прошло и нескольких секунд, как вокруг машины собралась толпа народа.

Когда машина свернула на площадь перед султанским дворцом, я увидел дворцовую стражу. Солдаты были одеты в мундиры европейского покроя, на голове у них красовались ярко-красные тюрбаны, а ноги были босые... Они взяли на караул, я поднялся по многочисленным ступенькам широкой лестницы и вошел во дворец с запутанным лабиринтом коридоров. Этажи в нем расположены таким образом, что вам нужно либо подняться, либо спуститься на несколько ступенек, чтобы перейти из одного зала в другой.

Наконец меня ввели в громадную комнату, обставленную очень массивной и весьма безвкусной мебелью самых различных стилей. Ожидая, пока появится султан, я насчитал сорок пять ламп, и среди этих сорока пяти не было даже двух, которые бы хоть в какой-то мере гармонировали друг с другом. Здесь было все: от обыкновенных электрических лампочек и зеленых ночников до клубнично-красных люстр, усыпанных искусственным жемчугом, люстр в виде перевернутых тарелок и, наконец, разноцветных лампочек, которые были бы вполне уместны в саду на даче. Комната была убрана с большой претензией на европейский «вкус», что выглядело вдвойне нелепо на фоне стрельчатых окон, украшенных мозаикой, и изящных балконов.

Вот сколько наблюдений я успел сделать до того, как в комнату вошел султан.

Я не сразу его узнал. Он сутулился и казался каким-то вялым и апатичным. На нем был светлый костюм, все лицо закрывали большие роговые очки. Когда он жестом предложил мне сесть на огромный диван и сам сел рядом, мне показалось, что он все время испытывает какое-то странное беспокойство. Прошло немало времени, прежде чем завязался разговор. Его нервозность передалась и мне, и первые пятнадцать минут мы лишь обменивались общими фразами. Потом нам подали чай и разлили его в несколько необычные, но очень красивые маленькие чашечки.

Потом мы перешли в другой зал, во всю длину которого на широченном ковре стояли самые изысканные яства, какие только можно

себе представить. Во время праздничных пиршеств вы сидите прямо на полу, а перед вами высится целая гора промасленного риса.

Вы зачерпываете рис сразу своей тарелкой и приступаете к трапезе. Берете пальцами из многочисленных блюд большие куски мяса, горох в оливковом соусе и всевозможные деликатесы, обильно сдобренные приправами, все это обваливаете — тоже пальцами — в рисе и отправляете в рот. Однако справиться с куском мяса здесь не так-то просто, ибо есть можно только правой рукой, тогда как левая рука считается нечистой. Нельзя откусывать от целого куска мяса; можно лишь отщипнуть от мяса правой рукой маленький кусочек и проглотить его, стараясь не уронить при этом весь кусок на пол. А какое нужно искусство, чтобы съесть рис и не высыпать его в рукава... Тем не менее я выдержал все эти испытания настолько успешно, что один министр, приглашенный на обед, спросил, где я научился есть рис пальцами. Я бы мог рассказать, что этому искусству меня научили грузчики Бангкока, которые, между прочим, управляют с рисом гораздо проворнее, чем арабы; они мгновенно скатывают из риса маленький шарик, берут его тремя средними пальцами правой руки, а потом большим пальцем быстро опрокидывают шарик в рот! Но я решил не расстраивать почтенного министра.

Когда настало время уходить, я поднялся и бережно, обеими руками, передал султану жестяную коробку с фильмом о Мукалле, словно это не коробка, а драгоценнейший алмаз.

Он сдержанно поблагодарил меня, и тут, когда я спросил, нельзя ли сфотографировать его, у нас завязалась беседа. Лед недоверия наконец растаял, и он предложил, чтобы я снял его министра, потом его слуг и даже некоторых рабов.

Закончив съемки, я осторожно спросил, нельзя ли мне сделать несколько снимков с плоской крыши дворца, откуда открывался великолепный вид на город и на море.

Разрешение было мне пожаловано, но, прежде чем пустить меня на крышу, на нее взбежал дворецкий и, хлопнув несколько раз в ладоши, закричал: «Прячьтесь, прячьтесь!» Предостережение относилось к женам из султанского гарема, которые случайно могли оказаться поблизости. Если их увидит чужеземец, и особенно неверный, это будет иметь для бедных женщин самые печальные последствия, хотя бы все произошло по чистой случайности. Но крики дворецкого, очевидно, были

услышаны вовремя, по крайней мере ничего соблазнительного я так и не увидел.

Вид на Мукаллу с плоской крыши султанского дворца — зрелище незабываемое. Когда вы идете по улицам между высокими домами, город кажется серым и грязным; но когда вы смотрите на Мукаллу сверху, она превращается в совершенно белый город. В ярком свете тропического дня здания сверкают таким ослепительным блеском, что хочется зажмурить глаза. Там и сям над крышами домов, словно изящные пальцы, взмывают стройные шпили минаретов. Когда вы смотрите на Мукаллу, белеющую на фоне синего моря или бурой скалистой стены, игра красок зачаровывает вас. Мне было трудно оторваться от этого зрелища, но я утешал себя тем, что увезу с собой цветной фильм, который воссоздаст потом перед моими друзьями эту изумительную картину.

Я снимал долго, снимал все подряд, и наконец спустился вниз к султану. Проводы были короткие... и без подарков. «Вот тебе и на! — подумал я, — очевидно, это очень громоздкий подарок и, чтобы не обременять своего гостя понапрасну, султан решил прислать его прямо ко мне домой». Правда, султанский автомобиль, который отвез меня во дворец, был достаточно большой, чтобы вместить весь княжеский гардероб.

Ночью я видел сон, будто султан подарил мне двадцать пять самых упитанных женщин из своего гарема и непременно настаивал, чтобы я отвез их на родину в Данию. При этом он заверил меня, что если моя жена вдруг поднимет шум, то он с радостью примет ее в свой гарем. Когда я проснулся, никаких женщин у постели не было, но кто знает, что означает этот сон! Может быть, дома меня ждут какие-то неприятности...

Уже миновал полдень, а от султана не было ни слуху ни духу. Я сидел в ванной комнате и принимал душ, когда вдруг услышал крик Ниангары, что гонец привез подарок от султана. Я готов был пулей вылететь из ванной, но тут же овладел собой и, насколько мог, спокойно повелел Ниангаре взять подарок и отнести его ко мне в спальню.

В один миг я оделся, ворвался в спальню и стал взглядом искать подарок. Однако в спальне не было ни княжеской одежды, ни наложниц. Я спросил Ниангару, где же султанский дар.

— О господин! Я положил его в твой чемодан.

Я рывком вытащил чемодан. На моем красивом тропическом костюме лежали какие-то странные коробки. Я принюхался. Запах меда? Да, это был мед.

Две плоские коробки, которые в Дании можно купить каждую за десять крон. А я между прочим терпеть не могу меда!

К подарку был прикреплен листок бумаги, оторванный от какого-то протокола. На нем было написано:

«Дворец Мукалла, 5/12 1959 год». И далее я прочел: «Дорогой мистер Йорген Бич! Его Величество Султан Авадх имеет удовольствие послать Вам с гонцом 2 (две) банки меда в надежде на то, что он и Вам понравится.

Искренне Ваш Моселлан Аведх Балала, управляющий делами дворца».

Я поудобнее устроился в кресле, положил ноги на стол и расхохотался. Ниангара посмотрел на меня немного удивленно и опрометью выбежал из комнаты, а через несколько секунд снова вернулся с кувшином воды.

— Сегодня очень жарко, о господин. Я принес тебе немного холодной воды, — сказал он заботливо.

Очевидно, в моем голосе вдруг прозвучало нечто располагающее к откровенной и непринужденной беседе; во всяком случае, Ниангара принес две чашки, которые наполнил горячим душистым чаем, — для меня и для себя. Потом уселся в кресло и, пытаюсь подражать изысканным манерам белых, тоже положил ноги на стол.

Я не думаю, чтобы это можно было назвать фамильярностью. Просто, по мнению Ниангары, белые всегда поступают так, когда хотят поболтать о всякой всячине. Правда, в таких городах, как Мукалла, много говорят сейчас о том, что с рабами теперь просто сладу нет; они ведут себя все более нагло и вызывающе и с чужеземцами, и со своими хозяевами. Но к Ниангаре эти разговоры не имеют никакого отношения. Наверняка он чувствовал бы себя гораздо уютнее, если бы сидел на полу на корточках. Но ему хотелось показать, что он доверяет мне и я могу положиться на него целиком и полностью.

Поэтому мне было легко говорить с ним на самые различные темы. Он не боялся меня и даже гордился тем, что может ответить на мои вопросы. С предыдущим гостем, султаном какой-то сопредельной страны, ему приходилось гораздо труднее. Ниангара буквально должен

был ползать перед ним на животе, не произнося при этом ни слова, дабы не оскорбить слух высокородного владыки.

— Ниангара, — начал я, сделав пару глотков. — А в нашей стране нет рабов.

— Неужели вы такие бедные? — удивился Ниангара.

— Нет, просто нам не нужны рабы. У белых людей нет рабов, и они никогда не бывают рабами других людей.

— Это не совсем так.

— Что не совсем так?

— В нашей стране есть белые рабы.

— Белые рабы?

— Да, белые рабы. Сам я не видел, но от знатных гостей, которые жили в этом доме, я слышал, что есть рабы с белой кожей. В гаремах живет много белых женщин, но мне говорили, что есть и немало белых мужчин-рабов. Совсем недавно один высокородный князь рассказывал о человеке с белой кожей, который был рабом в городе, где дома выше, чем в Мукалле. Они такие высокие, что достают до самых туч.

— А где находится этот город?

— Кажется, он называется Шибам, и, чтобы добраться до него, надо много дней ехать через вади.

Я попытался выяснить у Ниангары еще кое-какие подробности, но он сам больше ничего не знал, хотя и горел желанием помочь. Однако с меня было вполне достаточно и того, что я от него услышал. По-видимому, если я поеду по караванной дороге через вади, то рано или поздно попаду в Шибам. И я немедленно начал готовиться к отъезду. Шибам лежал далеко в стороне от того маршрута, который я первоначально наметил для путешествия по Саудовской Аравии, но меня это не могло остановить. Я послал Ниангару в город, чтобы он достал четыре автомашины для путешествия через пустыню. На его лице было написано изумление: зачем мне понадобились четыре машины? Но он привык действовать, а не спрашивать «почему» и «зачем», и уже на другой день ему удалось достать то, о чем его попросили. Я тщательно осмотрел каждую из четырех машин и выбрал лендровер; владельцам остальных я заплатил за беспокойство и отпустил их.

— Когда мне приехать за тобой? — спросил владелец лендровера.

— Машина пусть остается здесь, а ты приходи сюда завтра перед восходом солнца, — ответил я.

Я нашел в чемодане цепь и висячий замок и прикрепил лендровер к железной решетке перед одним из окон дворца. Только теперь я мог быть более или менее уверен, что завтра машина будет на месте.

Когда на следующее утро солнце поднялось над горизонтом, машина по-прежнему стояла возле решетки, но шофера не было и в помине. Я долго озирался по сторонам и наконец не на шутку рассердился. Мне ничего другого не оставалось, как самому вместе с Ниангарой загрузить машину багажом, и я принялся за дело.

Внезапно из кузова лендровера вытянулись Длинные черные ноги. Шофер решил не оставлять свою машину на произвол судьбы. Белый человек отнесся к нему с известным недоверием, и с таким же недоверием он отнесся к белому человеку, который, кто знает, еще чего доброго угонит его машину. Поэтому он решил переночевать в кузове.

Вскоре мы погрузили багаж в машину и вместе с Ниангарой, которого султан предоставил в мое полное распоряжение, отправились в путь.

Я не верил, что мне удастся найти в Шибаме белого раба. Но я очень много слышал об этом городе небоскребов, выросшем посреди пустыни, и хотел увидеть его собственными глазами.

ПУТЕШЕСТВИЕ В ШИБАМ

Три винтовочных ствола. — Неожиданная встреча. — Восемь человек в одной палатке. — Караван с женщинами. — Поющие пески. — Захваченные пылевым облаком

По извилистой дороге мы медленно поднимаемся в горы, отгораживающие Мукаллу от материка. Оставляя за собой облако пыли длиной в целый километр, наш лендровер везет нас в самое сердце области Хадрамаут, о которой еще несколько десятилетий назад европейцы ничего не знали.

Здесь нет дорог, лишь изредка можно найти тропинку, по которой проходят караваны верблюдов вдоль вади. Вади врезаются в плоскогорья на сотни метров, хотя водой они заполняются лишь на несколько дней, когда раз в десять-двенадцать лет здесь выпадают дожди.

Когда смотришь на этот ландшафт с самолета, кажется, будто он весь изрезан бороздами и трещинами, но на самом деле это глубокие ущелья. Единственный путь внутрь страны проложен вдоль этих вади, и других видов транспорта, кроме верблюда и джипа, здесь нет. До того как удалось приручить верблюда, внутренние области Аравийского полуострова были необитаемы.

Кое-где в вади растут акации, гигантские корни которых обеспечивают растения влагой, несмотря на почти полное отсутствие воды. Такое же упорство требуется и от людей, которые хотят здесь жить.

Но через каких-нибудь несколько лет двадцатый век ворвется и в этот уголок земли. В небольших городках на побережье уже теперь больше грузовиков, чем верблюдов. Но для машин нужны более совершенные дороги, и во многих местах сейчас ведутся работы по расширению караванных верблюжьих троп, чтобы по ним могли проехать и джипы, и грузовики.

Мы пробираемся через вади и горные цепи, а дорогу, по которой мы едем, можно назвать дорогой лишь при наличии достаточно пыльного воображения. Иногда мы движемся по толстому слою вулканической пыли, такой мелкой и тяжелой, что она брызгами разлетается из-под колес, словно вода. Время от времени мне приходится выверять наш

курс по компасу, потому что мы непрерывно петляем из стороны в сторону. Кстати, из-за этого мы едем гораздо дольше, чем я предполагал.

Ночью Аравийская пустыня кажется еще более призрачной, чем днем. Мы остановились возле каменоломни, недоумеая, кому здесь мог понадобиться камень. Остановились же для того, чтобы узнать, можно ли ехать по прямой дальше или надо искать дорогу в объезд.

Вдруг шофер увидел палатку, которая прижалась к огромной каменной глыбе. Он схватил меня за руку, и притом так крепко, что я чуть не закричал во весь голос, но все-таки сдержался.

Обитаема ли эта палатка? По-видимому, она пуста и едва ли за нами кто-нибудь сейчас наблюдает. Но если в палатке есть люди, то, прежде чем встретиться с ними, лучше как следует изучить местность. Эта мера предосторожности здесь никогда не лишняя: а вдруг в палатке живут бедуины, которые недолюбливают незваных гостей.

Сначала все было тихо, потом из палатки послышался слабый шум, и тут же блеснули три винтовочных ствола.

Мы стояли, озаренные лунным светом, и, несомненно, были отличной мишенью для тех, кто находился в палатке. Поэтому мы остановились как вкопанные, но потом я овладел собой и сказал Ниангаре:

— Крикни им, чтобы они убрали свои проклятые ружья. А то ведь чего доброго угробят нас!

Ниангара немедленно выполнил мою просьбу.

Ответом из палатки был смех, явно выражавший такое же облегчение, какое почувствовали мы сами.

Именно облегчение, а не насмешку или злорадство. Из палатки вышел человек и направился к нам. Он все еще держал винтовку, но больше в нас не целился. Тогда мы развели руки в разные стороны, чтобы показать, что безоружны и у нас нет злого умысла.

Он начал с того, что спросил:

— А вы испугались, когда я выстрелил в вас?

— Конечно, испугались, — ответил я, и Ниангара тут же перевел. — И потому будь добр, убери свою винтовку куда-нибудь подальше, а то она может случайно выпалить.

Еще какой-то миг он смотрел на нас немного подозрительно, но, окончательно убедившись, что никакой опасности мы не представляем, опустил винтовку и сделал знак, что мы можем подойти к палатке.

По самым оптимистическим расчетам, в этой палатке могло уместиться максимум четыре человека. Но в ней уже было пять, и им пришлось немного потесниться, чтобы впустить Ниангару, шофера и меня. Стены палатки были из довольно тонкой мешковины, и ветер пустыни легко продувал ее насквозь. Здесь нужно спать в пальто и в обуви. В пустыне обычно бывает очень большая разница между дневной и ночной температурами. Днем термометр показывает свыше 40 градусов, а ночью — чуть выше нуля. В оазисах лужи по утрам бывают подернуты тонкой коркой льда.

Я хотел показать хозяевам палатки, что испытываю к ним самые дружественные чувства, и выудил из коробки несколько сигарет. В дороге они немного отсырели, и их было трудно раскурить. Стало ясно, что нашим хозяевам они не доставляют ни малейшего удовольствия. И тем не менее они докурили сигареты до конца — из вежливости.

Зато я тоже должен был из вежливости отведать немного рыбы, сухой и уже порядком подпорченной. Арабское гостеприимство неотразимо. Его оказывают все: от шейха до простого дорожного рабочего вроде тех, что мы встретили ночью в пустыне. Разница лишь в том, что шейх поставит перед вами на стол самые изысканные яства, а рабочий, который едва зарабатывает одну-две кроны в день, угостит вас гораздо более спартанской пищей. К счастью, мне удалось незаметно сунуть полрыбы в карман.

Между тем рабочие вскипятили воду и приготовили очень горький чай, который отдавал солончаками, мятой и какими-то крепкими пряностями. Чайник ходил по кругу, и скоро в палатке стало тепло и уютно.

Дорожные рабочие по многу месяцев живут без всякой связи с внешним миром. Лишь изредка, когда пройдет караван верблюдов или проедет машина, они могут приобрести немного продуктов, чтобы добавить их к тому рису, который составляет их главную пищу. Но если им не удастся достать воды, они идут к ближайшему колодцу за много километров и обратно несут воду на спине. Нельзя не восхищаться стойкостью и твердостью сынов пустыни, которые трудятся в этом покинутом богом краю.

Около часа мы беседовали с нашими гостеприимными хозяевами, а потом улеглись спать.

Палатка оказалась битком набита людьми, но мне было чертовски холодно, хотя я и лег спать в одежде. Кроме того, я надел свою легкую полярную куртку, с которой никогда не расстаюсь, даже когда еду в тропики. Днем она спасает от зноя мои киноленты, а ночью служит для меня одеялом или подушкой. Я натянул на голову капюшон и крепко заснул.

Когда я проснулся на следующее утро, наши хозяева уже были на ногах и стояли возле палатки. Дрожая от холода, я вышел к ним, огляделся. Мы находились в довольно глубоком ущелье, и солнце еще не успело подняться настолько, чтобы согреть этот маленький лагерь, затерянный между крутыми склонами гор.

Рабочие совершили омовение... песком, как рекомендует Мухаммед в тех случаях, когда поблизости нет воды. Потом они опустились на колени, обратив лица в сторону Мекки, и стали молиться. Лишь после этого начался их рабочий день.

Скоро я заметил, что всю ночь спал на протухшей рыбе, которую вчера засунул в карман. Рыбу я, естественно, раздавил, и ее остатки оказались крепко втерты в материю, так что все мои попытки незаметно очистить карман особого успеха не имели. Две собаки, принадлежащие дорожным рабочим, ходили за мной по пятам. Они вдруг прониклись ко мне необыкновенно трогательной любовью, и их нельзя было отогнать ни на шаг, когда мы садились в машину, чтобы продолжать путешествие в глубь страны. Псы долго бежали вслед за нами и отстали лишь после того, как машина увеличила скорость. Когда я оглянулся, чтобы еще раз посмотреть на маленький лагерь в ущелье, мне показалось, что они все еще стоят и пускают слюнки при мысли о пище, которую упустили.

Когда через пять часов мы доехали до какого-то оазиса, я совсем пал духом. Запах рыбы, исходивший от моих брюк, оказывал магическое действие на окрестных собак, и они с лаем сбегались ко мне со всех сторон.

Нам разрешили остановиться в небольшом глиняном домике, и, когда мне удалось наконец захлопнуть перед носом у своих врагов тяжелую деревянную дверь, я поднялся на плоскую крышу. Наконец в безопасности! Ни один пес не заберется сюда и не станет требовать,

чтобы я сменил брюки! Тем более что чистые брюки лежали в чемодане, предохраняя от случайных повреждений мои фотоаппараты.

Итак, я устроился поудобнее и приступил к завтраку. Хлеб был твердый как камень, но я уже давным-давно научился раскалывать его одним ударом ножа на мелкие кусочки так, чтобы они не разлетались в разные стороны. Кроме того, я виртуозно вылизывал банки из-под селедки в масле, сохраняя при этом бороду в девственной чистоте, а губы — в целостности и сохранности.

Питьевая вода в оазисе оставляла желать много лучшего. Она была грязновато-мутного цвета, соленая, с каким-то очень неприятным привкусом. В общем на лукуллов пир моя трапеза не была похожа, но все-таки насытиться мне удалось.

Покончив с едой, я подошел к краю крыши и стал смотреть вокруг. И тут передо мной возникли картины природы, которые всегда наполняли мою душу невыразимым счастьем, и уже сама мысль о возвращении в лоно цивилизации начинала казаться мне нелепой и противоестественной.

Вдали в трепещущем от зноя воздухе пустыни высится голубовато-серый горный массив, до него зеленеют роци финиковых пальм. В том месте, где начинаются глиняные домики, с ближайшей горы спускается, извиваясь, как змея, каменная стена. Она защищает жителей поселка от вражеских набегов со стороны равнины.

Сейчас трудно себе представить, что этот идиллический оазис порой превращался в поле битвы. Вот бегут двое ребятишек-пастушков с огромным стадом овец; за ними мчатся, заливаясь лаем, рыжие псы. Всех их окутывает огромное облако пыли, так что я могу проследить их путь до самой каменной стены. Под сенью нескольких пальм у колодца работают люди. До меня доносится монотонная песнь и такой же надрывный скрип колодезного колеса. Потом слышится плеск воды, и из небольшого водоема устремляются к многочисленным грядкам длинные ручейки, похожие на скользкие серебристые пояса. Босоногие темнолицые мальчуганы бегут рядом с водой, загоняя ее в узенькие каналы, из которых она растекается по желтой, задыхающейся от жажды земле. Эта земля разделена на ровные квадраты полей, причем у каждого поля свой цвет: пыльно-желтый, желто-бурый, грязно-бурый и от нежно-светло-изумрудного до темно-темно-зеленого.

Кроме нас в оазис пожаловали еще гости — маленький караван. С моей крыши было хорошо видно, как вдалеке, почти у самого горизонта, медленно передвигаются силуэты верблюдов, вытянувшихся в ровную, изящную линию: каждый верблюд привязан к хвосту шагающего перед ним собрата. Когда караван вошел в поселок, я спустился с крыши, чтобы рассмотреть его поближе. Он состоял из полусотни верблюдов всех оттенков желтого, бурого и серого цветов.

С караваном прибыло много женщин. Обычно их бывает гораздо меньше, но на это я обратил внимание далеко не сразу. И лишь после того как я достал кинокамеру, а начальник каравана стал шипеть на меня, словно строптивый верблюд на погонщика, я почувал что-то неладное.

Ниангара посоветовал мне быть осторожнее. По его мнению, эти женщины были рабынями, которых везли на невольничий рынок. А может быть, их уже купил какой-нибудь богатый купец, возможно даже сам султан, и их везут в султанский гарем. Начальник каравана обязан доставить груз к месту назначения в целостности и сохранности, и, вероятнее всего, он решил, что моя кинокамера в какой-то мере ущемляет интересы его владыки...

Оазис остался позади, и мы снова едем через каменистую пустыню к Шибаму, городу небоскребов.

Перед нами расстилается лента золотисто-желтого песка. Это так называемые поющие пески. Когда ветер срывает слой песка с более твердого грунта, нередко возникают песчаные отмели, и, когда их заметают новые слои, происходит своеобразная вибрация, воспринимаемая ухом как звук, похожий на голос. На вид песок кажется твердым и плотным, но верхний его слой чрезвычайно податливый. Иногда он предательски прячет от взгляда путника глубокие ямы, в которые тот проваливается на каждом шагу.

Просто удивительно, как рессоры лендровера и наши почки выдерживают такую тряску. Когда колесо внезапно проваливается в яму, вулканическая пыль почти не амортизирует удар. Во все стороны летит песок, словно брызги воды, когда вы едете по дороге, залитой дождем. Да, порой нам действительно кажется, что наша машина — это корабль, плывущий по волнам среди бурного моря. А наши нервы подвергаются весьма суровому испытанию: мы все время ждем аварии. Ведь если лендровер, провалившись в очередную яму, откажется от

дальнейшей борьбы с природой, мы застрянем всерьез и надолго. Рассчитывать на чью-либо помощь здесь не приходится.

Но вот наступил момент, когда мы почувствовали твердую почву под колесами и решили выжать из машины все, на что она способна. За нами поднялось облако пыли длиной в целый километр. Когда же нам захотелось сделать первую остановку для отдыха, это облако мгновенно окутало нас со всех сторон. Оно настигло нас совершенно неожиданно, и мы даже не успели сообразить, что дует попутный ветер. Через секунду все исчезло за непроницаемой пыльной стеной. Бежать было некуда. Мы буквально не видели протянутой вперед руки.

Лишь через пять-десять минут облако рассеялось. Но оно нас многому научило. Теперь, прежде чем остановиться, мы всегда сворачивали в сторону и проезжали несколько десятков метров против ветра.

К счастью, мы были застигнуты облаком пыли, которую подняли сами, а не могучей песчаной бурей, порождаемой природой. Во время такой бури тучи песка надвигаются на вас, словно гигантская стена, застилая мраком и небо и землю. Яркое тропическое солнце мгновенно превращается в матовый светлый кружок, но скоро и он исчезает за непроницаемой черной пеленой. На землю опускаются призрачные мертвенно-бледные сумерки, вас охватывает ужас, и, когда в следующее мгновение вокруг смыкается черная стена, все оказывается засыпано песком.

Верблюды гораздо легче других животных переносят песчаные бури. Ноздри верблюдов напоминают длинные, узкие щели, поросшие тонкими волосками, и в случае необходимости щели эти смыкаются почти наглухо. К сожалению, человеческие ноздри устроены гораздо примитивнее, и в этой связи нельзя не отметить, что широкие плащи бедуинов со множеством складок по существу единственная одежда, которая спасает человека от песка.

...Мы едем по пустыне все медленнее и медленнее. У меня возникают опасения, не заблудились ли мы. Часами петляем через глубокие вадии. Иногда мне хочется взобраться по крутому склону хребта и определить, куда же ведет наш маршрут. Наконец мы выезжаем на равнину, и прямо перед нами совершенно неожиданно возникает из песчаного моря многоэтажный белый город.

Что это такое? Мираж? Или город-призрак из сказок Шехерезады?

Нет, это настоящий сказочный город. Перед нами Шибам — город небоскребов.

ГОРОД НЕБОСКРЕБОВ В ПУСТЫНЕ

*«Нью-Йорк в пустыне. — Добро не всегда нисходит с небес. —
Кухня на голове. — Оазис просыпается*

Когда путник находится всего в километре от Шибама, в Батате, он, как ни странно, может не заметить этот колосс пустыни с десяти- и двенадцатиэтажными домами. Лишь после того как он минует вади и приблизится к Шахилу — оазису Шибама, перед ним словно из-под земли возникнет город, неожиданно и непостижимо. И он далеко не сразу поймет, что чудо это вполне объяснимо: желтые, бурые и белые фасады домов так сильно сливаются с песком и окружающими горами, что при определенном освещении город становится почти невидимым.

Шибам во всех отношениях фантастический город. Это своеобразный Нью-Йорк в пустыне, хотя он существовал за много сот лет до того, как возник Нью-Йорк. (Как это ни парадоксально, название «Шибам» по-арабски означает «юный» или «новый».) Его дома поднимаются из песка, образуя гигантскую квадратную глыбу. Но глыба эта не кажется единой и монолитной; она словно состоит из сотен соединенных между собой крепостей, и каждое здание тоже неприступная крепость. В отличие от многих арабских городов Шибам лишен городской стены, зато массивные фасады зданий образуют сплошную стену, которая является непреодолимой преградой для кочевников-бедуинов. Нижний ряд окон находится на высоте нескольких метров от земли, и по существу это бойницы, лишь верхние этажи имеют настоящие окна. Проникнуть в город можно только через несколько ворот. И хотя эти небоскребы построены не из железобетона, а из высушенной солнцем глины, они производят не менее солидное впечатление, чем гиганты Нью-Йорка.

Почему же и в самом Шибаме и в оазисах каждый дом превратился в неприступную крепость? Прежде всего потому, что на протяжении веков эта область была ареной ожесточенных схваток и битв. Племя воевало против племени, род — против рода, и, чтобы выжить в этой непрерывной борьбе, надо было уметь обороняться. Когда враг нападал, мужчины не выходили из домов до тех пор, пока не составляли себе ясного представления о его силе, и лишь после этого переходили в решительное контрнаступление. Женщины, напротив, свободно

разгуливали по городу, так как, согласно старинному арабскому обычаю, на женщин нападать нельзя. Они могли, когда им заблагорассудится, пойти в оазис к колодцам, чтобы принести воды, и вообще обеспечивали мужей провиантом, пока длилась осада.

В Шибама вам сразу же бросаются в глаза какие-то странные жерди, которые торчат из стен домов на разной высоте и придают городу сходство с ежом. Как только вам станет известно их назначение, то сразу догадаетесь, что они могут напугать не только врага, но и мирного путника...

Это сточные трубы.

Здесь вы рискуете в любой момент принять душ, и благодарите судьбу, если вас обольют просто грязной водой. Это может быть жидкость еще более благоуханная.. Отсюда следует, что с гигиеной в городе далеко не все в порядке, и прогулка по Шибаму не доставит вам особого удовольствия. Хотя часть нечистот впитывается в землю, воздух буквально пропитан вонью.

Улицы в Шибама очень узкие, когда идешь по ним, то ни на миг не покидает чувство, будто находишься на дне глубокого ущелья, куда не проникает солнце. Лишь в полдень, когда солнце находится в зените, его лучи падают на вас, причем почти отвесно. Улицы образуют невероятно острые углы, самые неожиданные изгибы и повороты. Никто из отцов города, по-видимому, не имел ни малейшего представления о том, что такое план городского строительства. В машине или повозке вы еще можете пробраться от ворот до первой площади, но, если вы захотите продолжить прогулку по городу, вам придется немедленно отказаться от каких-либо транспортных средств. Городские улицы слишком тесны. Как правило, разминуться здесь могут, да и то с трудом, только пешеходы, а глубокие сточные канавы, проходящие по самой середине улицы, вообще исключают езду на колесах.

В центре Шибама стоит мечеть, словно карлик среди великанов. Она тонет в нагромождении небоскребов, как церковь Святой Троицы тонет на Бродвее в Нью-Йорке.

В противоположность жилым домам, скучным и серым, арабские мечети очень красочны. Изящная отделка и стройные минареты делают их оазисами красоты посреди каменной пустыни, в которой нет ни одного зеленого дерева. Тем не менее мечети на родине Мухаммеда не идут ни в какое сравнение с мечетями, построенными в других странах

ислама, поскольку в Саудовской Аравии, по моему мнению, сравнительно мало искусных мастеров и ремесленников.

Единственное, что является произведением искусства в домах Шибама, — это входные двери, большие и тяжелые. Как правило, их изготавливают из кедра, реже из пальмы и украшают замысловатой резьбой, однако не столь искусной, как в Мукалле. Замки отличаются чрезвычайно сложным механизмом: ключом служит нечто вроде деревянного гребня, с помощью которого открывается засов.

Оконные рамы тоже украшены резьбой, а окна такие маленькие, что, если кто-нибудь смотрит на улицу, его лицо закрывает весь оконный проем. На верхних этажах в окнах висят соломенные шторы, спасающие жильцов от солнечных лучей.

Однажды я заметил веревку, которая была натянута над улицей между двумя зданиями на уровне восьмого этажа. С помощью веревки обитатели соответствующих квартир обмениваются продуктами питания, табаком и другими не менее важными вещами. Это весьма практичное приспособление избавляет жителей верхних этажей от необходимости бегать вниз и вверх по лестнице, когда надо одолжить что-нибудь у соседа.

Если вам очень уж захочется увидеть зеленые деревья, придется ехать за город. Однако здешние пальмы такие пыльные и высохшие, что они больше похожи на деревья из пластика или папье-маше, чем на живые растения.

Как и большинство других городов Аравии, Шибам построен на небольшой возвышенности возле оазиса. Поэтому колодцы находятся за городом. Лишь при мечети есть маленький колодец, но, естественно, святую воду из этого колодца нельзя употреблять на мирские нужды. Поэтому весь день напролет между городом и колодцами двигаются толпы женщин, одетых в синее. Здесь, как и в других районах Саудовской Аравии, самую тяжелую работу выполняют женщины, и чаще всего их используют как вьючных животных.

Западная цивилизация сделала большой вклад в формирование одежды, которую носят женщины Шибама. У многих из них я заметил на голове какой-то странный предмет. Издали мне показалось, что это колпак, и, лишь приблизившись, я понял, что это никакой не колпак, а самая обыкновенная жестяная воронка!

Как оказалось, эта воронка была не только головным убором, но имела и чисто практическое применение. Когда женщинам надо перелить воду из колодезного бурдюка в свой собственный, они пользуются воронкой, чтобы не расплескать ни единой капли, а когда бурдюк полон до краев, воронку надевают на голову, и она защищает их от солнца.

В оазисе самое большое уличное движение, какое только возможно в пустыне. А громко ревущих ослов, несущихся во всю прыть, мне хочется сравнить с нашими велосипедами, на которых укреплены маленькие моторчики. Но в самом городе жизнь очень монотонная и бедная событиями. Лишь изредка приедет сюда какой-нибудь чужеземец, и поэтому наше появление в городе вызвало немалый интерес.

В Шибаме нет отелей, зато здесь есть один необитаемый дом, который предоставляют в распоряжение заезжих. В это время в городе, кроме нас, не было других иностранцев, и мы трое: Ниангара, шофер и я — оказались во всем доме единственными постояльцами.

Ходить по этому дому все равно что блуждать в недрах огромной горы. Температура воздуха здесь чудесная, как в прохладном гроте, но разобраться в запутанном лабиринте коридоров и комнат нелегко. Семь этажей и невероятное количество маленьких и больших комнат, не считая всевозможных кухонь и прачечных с крюками, на которые можно вешать бурдюки с водой. Возле каждого крюка устроено вентиляционное отверстие. Внешняя поверхность бурдюка немного влажная, и, поскольку воздушная тяга усиливает испарение, вода в бурдюке всегда холодная.

Во время нашего путешествия Ниангара выполнял обязанности повара, но, как только мы приехали в Шибам, где наняли нескольких слуг, его надо было часами упрашивать, чтобы он заварил чашку чаю. Иногда он все-таки соглашался принести мне стакан воды, но предпочитал обегать весь дом с первого этажа до седьмого в поисках кого-нибудь из слуг. Найдя слугу, Ниангара начинал весьма красноречиво упрекать его в нерасторопности, ибо у него всегда должен стоять наготове стакан воды для хозяина.

— Ну какой из тебя слуга? — патетически вопрошал Ниангара. — Когда же ты собираешься приготовить нам чай? А чем будешь кормить сегодня вечером? Смотри не ленись!

И если мне случалось подобным же образом отчитать потом Ниангару, местные слуги не могли скрыть своего злорадства.

Когда я посылал его за чем-нибудь в город и просил как можно скорее вернуться домой, то отпущенные ему десять минут превращались в час, а то и в два часа. Оправдываясь, он утверждал, что все это время бегал по городу и расспрашивал его обитателей о белом рабе, который якобы находится не то в самом городе, не то в его окрестностях. Поскольку именно этот вопрос и интересовал меня больше всего, я не мог порицать Ниангару за столь великодушный порыв. Но ответ он всегда получал отрицательный: никто видом не видывал и слыхом не слыхивал ни о каком белом рабе. Многие даже полагали, что если в Саудовской Аравии действительно где-то есть белый раб, то его нужно искать не здесь, а в пустыне. Скорее всего он находится в городе Сейюне, расположенном в нескольких днях езды от Шибама. Городом правит султан, у которого есть не только великолепный гарем, но и множество рабов-мужчин.

Известная склонность Ниангары к сочинительству, разумеется, была для нас злом, но злом не главным и, к сожалению, не единственным. Самым страшным злом были мухи. Как только пища появлялась на столе, я немедленно приступал к еде, и таким образом мне удавалось удерживать проклятых мух на почтительном расстоянии. Но однажды вышло так, что обед несколько минут простоял на столе. Когда же я заглянул в тарелку, то не смог даже разобрать, что там находится. Все было покрыто сплошной движущейся массой мух. Я вознегодовал и ужаснулся в одно и то же время, потом позвал Ниангару и попросил его принять меры, чтобы всю эту гадость выбросили в помойное ведро.

Когда через несколько часов Ниангара принес мне чай, я объяснил ему: раз еду обседел мухи, ее надо немедленно выбросить. Он удивленно посмотрел на меня и для моего успокоения сообщил, что на кухне мух еще больше, чем в комнате, и пища, которую я ем каждый день, бывает обычно засижена не меньшим, если не большим количеством мух. И он их прогоняет как раз перед тем, как подавать кушать.

— И ты, о господин, ни разу не заболел от этой еды!

Что правда, то правда, я не заболел, но от слов Ниангары меня чуть не вывернуло наизнанку, когда я подумал о всех тех прелестях, которые в Шибаме принято выливать прямо на улицу и на которых так любят сидеть мухи.

Поскольку я не мог требовать от Ниангары, чтобы он все время стоял возле меня и отгонял мух, я достал свой карманный фонарь. Он был оборудован небольшим вентилятором, который получал питание от батареек. Я поставил его возле тарелок и запустил на полную мощность. Конечно, мой обед немедленно простыл, но лучше есть холодную пищу, чем горячую с гарниром из мух. Кроме того, в Шибаме так жарко, что в горячей пище ни у кого особой потребности нет.

В ранние утренние часы Шибамский оазис иногда бывает окутан не обычным сырым туманом, к которому мы привыкли в Дании, а туманом из пыли. Как только забрезжит рассвет, горы, окружающие город, образуют на фоне утренней зари самые фантастические силуэты, окрашенные в самые фантастические тона. Некоторые из них еще совершенно черные, другие уже чуть подсвечены солнцем, а третьи словно растворяются в утреннем небе. Оазис просыпается медленно. Сначала холодно, но солнце быстро поднимается над горизонтом, и в половине восьмого его лучи уже в полную силу обжигают склоны гор. Оазис приходит в движение мгновенно, словно таракан, на которого направили пучок солнечных лучей через лупу. Ребята-пастушки бегут рядом со своими козами или гонят вниз по склонам стада баранов. Стада эти такие большие, что напоминают гигантский оползень, вдруг обрушившийся с гор на оазис. Одно стадо гонит красивая четырнадцатилетняя девочка; когда я хочу сфотографировать ее овец, она сердито поворачивается ко мне, и я спешу объяснить, что мне нужны ее овцы, а не она. В длинных черных покрывалах идут, спотыкаясь, маленькие девочки, многие из них уже прячут лицо под чадрой. Они направляются к колодцам или просяным полям, где отпугивают нахальных воробьев. Вот заскрипели колодезные колеса, и день начался.

При всяком удобном случае мы садимся в лендровер и совершаем долгие прогулки, стараясь уехать подальше от населенных пунктов, караванных дорог и оазисов, туда, где красота пустыни самая чарующая.

Это неистовая симфония красок и всевозможных оттенков, каких вы не найдете ни в Альпах, ни в цветущей Флориде. Стоит вам окунуться в пустыню, и вы чувствуете, что околдованы.

Однако в смысле комфорта наши поездки по пустыне, оставляют желать много лучшего. Бешеный ветер ударяет в лицо и свирепо впивается в кожу тысячами песчинок. То и дело мы вынуждены отрываться от романтического созерцания красот природы и смотреть прямо перед собой. Под огромными лавовыми глыбами, ровными, гладкими и наполовину засыпанными песком, прячутся глубокие ямы, если машина попадет в такую яму, катастрофы не миновать.

Иногда путешественника охватывает страх, почти паника. Подобное ощущение я однажды испытал в детстве, когда отошел слишком далеко от берега по молодому льду. Да и само одиночество в пустыне все время сдавливает вас железным обручем, разорвать который стоит немало усилий.

Все это время мы продолжаем поиски белого раба, который, по словам Ниангары, живет в Аравийской пустыне. В Шибама его не оказалось; тем не менее по целому ряду данных можно было предполагать, что искать его следует в области Хадрамаут, возможно, в городе Сейюне.

Я ничего не имел против того, чтобы поскорее уехать из Шибама: наши частые вылазки в пустыню, излишняя любознательность и мои фотоаппараты показались шибамцам несколько подозрительными...

Однажды, подойдя к месту, где стоял наш лендровер, мы увидели толпу, обступившую его со всех сторон. Вообще в этом не было ничего необычного, но я быстро сообразил, что собравшиеся настроены довольно агрессивно. Один молодой человек, выразительно жестикулируя, объяснял своим согражданам что-то очень важное. Когда мы подошли к ним вплотную, возникло ледяное молчание, от которого мне стало немного не по себе.

Безусловно, говорили именно о нас, и говорили не слишком дружелюбно. Во всяком случае, когда мы тронулись с места, послышалось несколько выкриков, прозвучавших весьма воинственно, а поворачивая за угол, услышали, как нам вслед просвистел камень.

К сожалению, я так никогда и не узнал, что говорил о нас тот сердитый молодой человек, ибо, вернувшись домой, мы как можно быстрее собрали вещи и вскоре выехали из города.

ДЕВУШКА-РАБЫНЯ У КОЛОДЦА

Небольшой привал. — Люди вместо вьючных животных. — Старый водонос и его семья. — Глаза в сумерках.

Солнце только что зашло за горные цепи на западе, но еще не покинуло небосвода. Разноцветные потоки света льются через гребни хребтов, опоясывая небо оранжевыми, кроваво-красными и фиолетовыми полосами.

Совершенно зачарованный, я сижу в оазисе посреди пустыни между Шибамом и Сейюном и провожаю взглядом солнце. Позади остался трудный день, наполненный зноем, песком и ревом мотора.

Лишь здесь, под сенью пальмовой рощи, дающей защиту от палящих лучей солнца, под журчание воды, которую черпают из глубокого колодца и направляют по узеньким оросительным каналам через весь оазис, я забываю о песке и зное.

Вместо рева мотора я слышу теперь лишь монотонное поскрипывание колодезного колеса да шаги обитателей оазиса, когда они поднимаются вверх с полными бурдюками воды и снова спускаются вниз к колодцу за водой.

Вверх — вниз... Вверх — вниз...

На ослах или быках воду везут лишь в самые отдаленные уголки оазиса. А в основном жители оазиса носят бурдюки с водой на себе. Если же у кого-нибудь и есть осел, то хозяин идет в одной упряжке со своим четвероногим помощником.

От бурдюка веревка идет к колесу, которое выпилено из целого куска дерева и укреплено над самым колодцем. Чтобы вытащить из колодца бурдюк с водой, вы берете конец веревки, переброшенной через колесо, и медленно отступаете в небольшое углубление, вырытое возле колодца. Это и облегчает и ускоряет работу, к сожалению, бурдюк дырявый, и, прежде чем его удастся поднять, из него вытекает слишком много воды. Если воду достают сразу несколько человек, они распускают конец веревки и каждый обматывает один конец вокруг бедра или пояса.

Когда бурдюк поднимают наверх, из него не выливают всю воду до последней капли. На дне бурдюка всегда остается немного воды, чтобы было легче зачерпнуть новую порцию.

Если какому-нибудь семейству удастся приобрести вьючное животное, то управляет им мужчина. Женщина может разнообразить свой тяжелый унылый труд лишь плетением всевозможных циновок.

Прежде чем вырыть новый колодец, на соответствующем месте высаживают пальмы. Через несколько лет они вырастут, и в их тени смогут хоть немного отдохнуть и люди, и животные, работающие возле колодца.

В пустынях Саудовской Аравии работа часто сопровождается пением. Люди поют для того, чтобы подбодрить себя и своих товарищей, чтобы ввести верблюдов и ослов в нужный ритм работы. Когда вы поднимаете воду из колодца и потом тащите ее наверх, мелодия насыщена страстью и огнем, а когда вы медленно возвращаетесь к колодцу, она звучит гораздо спокойнее. Во время отдыха слышится мягкая незамысловатая песня, которую поют, непрерывно варьируя одну и ту же мелодию.

Я не слышал ничего прекраснее этих песен; они несутся, перекликаясь, со всех концов оазиса под скрип колодезных колес. Но как только заходит солнце, работа прекращается, и тут же затихает пение. Не плачут больше колодезные колеса, не слышно плеска воды, льющейся из бурдюка в маленький водоем. После захода солнца никто не думает больше об оросительных каналах, никто не открывает и не закрывает их маленьких шлюзов, чтобы вода из колодцев равномерно омывала весь оазис.

...На землю опустился великий покой. В долине тихо, как в церковном склепе. И когда где-то неподалеку вдруг пронзительно и отчаянно завyla собака, я даже вздрогнул от неожиданности. Потом снова мертвая тишина опустилась на оазис, на все это крошечное селение и его жителей, которые весь день трудятся не разгибая спины, чтобы напоить влагой землю.

Передо мной молчаливо сидит старый изможденный водонос. С семи часов утра и до полудня, а потом с двух часов до самого захода солнца, напрягая последние силы, он наполняет все ту же бочку Данаид. И при этом поет:

*Богатство! Богатство!
Перед собой в вади я вижу господина,
он едет мимо меня на лихом скакуне.
Это мой господин.
Мой господин — богатый человек.
Он богат и могуч,
но богатые станут бедными,
ибо и богатые люди когда-нибудь умрут.
Их богатство тоже умрет.
Богатый человек иногда обманывает
бедняка, немножко обманывает.
Но лишь тогда, когда он откажется
от своего богатства и раздаст его беднякам,
он сможет попасть на небо к аллаху!*

— Да, у меня много песен, — сказал он мне как-то вечером, — но приходят они ко мне, лишь когда я работаю.

Он почти то же самое, что раб. Никогда не уезжал из оазиса. Не знает, сколько ему лет. Не знает даже Корана. Он знает только, что есть некто, кого называют аллахом, и аллах когда-нибудь сделает его счастливым. Ему не платят заработной платы, но дают небольшую часть урожая, который он и его семья помогают выращивать.

В течение полугода, пока не вырос новый урожай, он берет еду, одежду и немного денег у своего хозяина. На эти деньги он покупает всякую мелочь у купцов, останавливающихся в оазисе. Зато когда урожай собран, хозяин по своему усмотрению сокращает причитающуюся водоносу долю. Водонос и его семья никак не могут свести концы с концами. И наверняка им никогда не удастся уехать отсюда.

У водоноса есть жена, двое сыновей и дочь. Я смотрю на девушку, и мои глаза встречаются с ее глазами.

В сумерках они сияют, как звезды. Они зачаровали меня с той самой минуты, когда я впервые увидел ее. Я почти не замечаю, что одежда ее состоит из жалких лохмотьев, которые совершенно скрадывают линии

ее тела. Не замечаю и конусообразной соломенной шляпы, похожей на шляпы тибетских лам. Вижу только глаза.

Как и большинство женщин Аравии, девушка слегка подводит краской уголки глаз. Но кроме удивительно глубокого блеска, которым краска зажигает глаза арабских женщин, в ее взгляде какая-то бескрайняя даль, что-то необыкновенно задумчивое и загадочное... Я никогда не смогу забыть этого взгляда.

Она работала у колодца, как и вся семья, носила воду в маленьких бурдюках, поднималась от колодца вверх и снова спускалась... Вверх — вниз, вверх — вниз...

Наверное, если бы не она, я не просидел бы столько часов у колодца. Мы сидели и молчали, окутанные мраком аравийской ночи...

Жители этого маленького оазиса привыкли молчать, когда они отдыхают после целого дня тяжелой однообразной работы. Да и о чем им говорить между собой? День заканчивается и переходит в следующий, и все дни как две капли воды похожи один на другой. Лишь крайне редко происходят события, которые нарушают однообразие здешней жизни. Сегодня произошло именно такое событие: в оазис приехали чужеземцы. Однако побеседовать со мной обитатели оазиса не могут, ибо я не понимаю их диалекта, а говорить о госте в его присутствии им не позволяет врожденное чувство такта, хотя, разумеется, мне ни слова не понять из того, что они говорят.

Я тоже не хочу нарушать царящую здесь тишину. Лишь изредка бросаю украдкой взгляд на девушку с бездонными глазами. И беспрестанно спрашиваю сам себя, откуда в этих глазах столько непонятной магической силы...

О чем она мечтает? О далеких ли оазисах? Или о том, чтобы убежать отсюда?

Едва ли. За всю свою жизнь она ничего не видела, кроме родного оазиса, и вряд ли слышала от приезжих купцов рассказы о заморских краях, ибо они избегают разговаривать с женщинами. В этом оазисе она родилась, здесь она и умрет, если только какой-нибудь проезжий шейх или купец не купит или не похитит ее.

Мечтает ли она о том, чтобы сбросить с себя рабское ярмо? Мечтает ли о свободе? Но ведь она даже не представляет себе, что такое свобода!

Мечтает ли она о «большой любви»? В стране, где женщина должна делить своего мужа со множеством других женщин? В стране, где она

нужна лишь для удовлетворения эротических прихотей мужчины и для продолжения его рода? В стране, где женщина стоит дешевле, чем верблюд?

Говорят ли эти глаза о великой боли или о трагедии? О неосознанных желаниях? О никогда не умирающей надежде почувствовать себя хоть когда-нибудь человеком?

Эти вопросы не давали мне покоя, и долго еще после того как я улегся спать, передо мной сверкали глаза аравийской девушки...

ДАЛЕКИЙ ГОРОД

Глиняные дома. — Султан, который потерял счет женам. — Столовые горы. — Необычная встреча на горной тропе. — Ответ на обвинение. — Прощай, Сейюн!

После неудачной попытки найти белого раба в Шибаме я добрался через несколько дней до Сейюна. Сейюн по-арабски означает «далекий город».

С крыши большого дворца, в котором меня поселили власти, открывается великолепный вид на большой оазис с гор Геддар и Джебель. Дома здесь не такие высокие, как в Шибаме, зато у них более опрятный вид. Лишь немногие имеют более трех этажей, но фасады их нередко отделаны искусными украшениями, чаще всего абстрактными. Разумеется, ни в Сейюне, ни в других городах Саудовской Аравии вы не увидите ни одной скульптуры и ни одной картины, изображающей человека или животное. Это запрещено Кораном.

В каждом доме живет только одна семья. Если членам семьи вдруг станет тесно, они могут надстроить свой дом. У всех зданий в городе плоские крыши, так что особых технических трудностей такая надстройка не представляет.

Дома здесь построены из глины. Когда глину привозят на строительную площадку, ее кладут на землю, причем толщина слоя составляет пятнадцать — двадцать сантиметров. Потом ее режут на прямоугольники со сторонами примерно 30×60 сантиметров, как у нас режут торф.

Когда глину замешивают, в нее добавляют солому, в результате строительный материал становится еще более прочным и долговечным. Он выдерживает любые испытания, кроме одного — сильного и продолжительного ливня. Но в здешних краях дождей почти не бывает, а для защиты от тех нескольких капель воды, которые раз в год выпадают с небес, местные жители принимают все необходимые меры предосторожности: верхние этажи в большинстве домов отделаны гипсом.

Гипс совершенно не поддается действию воды и в то же время позволяет сохранять в доме прохладную температуру, так как белый цвет отражает солнечные лучи. Кроме того, гипс позволяет судить о том,

закончено строительство здания или нет. Только после того как верхний этаж оденется в белое, дом готов. Строительные работы ведутся без лесов, ибо стены такие толстые, что строители производят кладку кирпичей, стоя на самой стене. Потолки в домах довольно высокие, и потолочные перекрытия строят одновременно со стенами.

Люди состоятельные отделывают гипсом весь дом. Дворец, который полтора столетия назад был построен в Сейюне для султана Хусейна бен-Али Монсура аль-Кетири, весь сверкает ослепительной белизной. Глядя на него, невольно вспоминаешь сказочный замок Аладдина.

Над огромным подъездом, который по ширине несколько не уступает городским воротам, развевается султанский флаг с белой звездой на красном фоне в обрамлении из зеленых и желтых полос. К небесам аллаха надменно вздымаются башни и купола. Трудно себе представить более контрастное и более волшебное сочетание красок, чем этот белый, как мел, дворец на фоне невообразимо синего небосвода. Возле дворца разбит большой сад с пальмами. Чтобы ухаживать за этими пальмами и поливать их, нужно немало рабов. Сад обнесен красивой каменной стеной с гипсовыми колоннами в современном стиле.

Откуда бы вы ни смотрели на дворец султана — и снаружи, и изнутри, — он кажется огромным. Он занимает площадь 150×150 метров и подобно другим зданиям Сейюна постепенно заостряется кверху.

Мне удалось добиться аудиенции у султана, и я спросил его, сколько в его дворце комнат.

Султан не знал.

— Я понимаю вас, ваше величество, — сказал я и выразил по этому поводу свое величайшее восхищение. — Вероятно, во дворце вашего величества столько комнат, сколько вашему величеству принадлежит рабов? — любопытствовал я.

— Нет, комнат у меня меньше, чем слуг, если вы имеете в виду слуг. Но если считать и маленькие комнаты, то их наберется довольно много...

— Если у вашего величества столько же комнат, сколько жен, то получится тоже внушительная цифра.

Султан отрицательно покачал головой.

— У меня гораздо меньше жен, чем говорят в народе.

Таким образом, узнать у султана, сколько у него рабов, жен или комнат, было не легче, чем выяснить, что он подразумевает под словом «слуга».

Потом мне рассказывали, что рабов султана называют домашними рабами и они живут немного лучше, чем обычные рабы. Однако сколько я ни пытался, мне так и не удалось узнать, сколько женщин в султанском гареме. Сведения на этот счет поступали самые противоречивые, но в общем их было что-то от трехсот до четырехсот. А комнат во дворце, как удалось выяснить впоследствии, около тысячи.

Сейюнский оазис подходит еще ближе к городу, чем Шибамский: кое-где он даже проникает между домами на самые окраины Сейюна, а в одном месте даже прерывает городскую стену. Значительный отрезок этой стены поднимается по склону одной из столовых гор, окружающих город, и гора эта является как бы продолжением городских укреплений. Если смотреть на стену сверху, например с плоской крыши султанского дворца, она чем-то напоминает Китайскую стену.

Столовые горы вокруг Сейюна — совершенно фантастическое зрелище. Некоторые из них достигают трехсот — четырехсот метров в высоту и нескольких километров в длину и ширину. Их склоны поднимаются сначала совсем ровно, словно стороны пирамиды, но внезапно на высоте около двухсот метров они переходят в гранитный массив с совершенно отвесными стенами. Лишь немногие альпинисты добиваются до вершины. Однако будущие исследователи и путешественники смогут любоваться с вертолета величественными вади, которые вместе с горами превращают весь этот край в гигантский осколок керамики, испещренной трещинами.

Вся земля вокруг Сейюна покрыта толстым слоем невероятно мелкой пыли. Если взять горсть пыли и высыпать ее на землю, вы услышите плеск, будто льется вода. В то же время пыль эта такая сухая, что стоит плюнуть в нее, как она облачком взметнется вверх. Есть у нее еще одно характерное свойство: она совсем не пачкает вне зависимости от того, ходите ли вы по ней босиком, или она насыпалась к вам в башмаки или сандалии.

Как я уже писал, здесь существует большая разница между дневной и ночной температурами, и за каких-нибудь несколько часов ледяной холод может смениться страшным зноем. По утрам я сижу в

своей полярной куртке и все равно мерзну. А через пару часов я остаюсь в одних шортах и умираю от жары.

В Сейюне можно увидеть детей, которые бегают в рукавицах и шапках, похожих на наши ушанки. Капюшон опускается до самой шеи, и в нем есть лишь маленькое отверстие для глаз, носа и рта. Такие капюшоны обычно носят в тени, когда температура падает до +30 градусов, что в этих краях означает ужасный холод. На солнце в это время, разумеется, тепло, даже по аравийским понятиям, и капюшон тогда используется как тропический шлем. И вообще вся здешняя одежда как для взрослых, так и для детей шьется таким образом, чтобы она защищала и от жары, и от холода.

Из домашнего скота в Сейюне есть козы, овцы, ослы и верблюды (порядок перечисления соответствует их поголовью и той роли, которую они играют в экономике страны). Естественно, возникает вопрос: почему верблюды стоят на последнем месте? Но так уж повелось в этом краю: если вы видите верблюда, значит, он принадлежит каравану чужеземных купцов. У «местных» же верблюдов, как правило, передние ноги спутаны короткой веревкой, и они могут передвигаться лишь мелкими шажками; зато хозяин знает, что животное никуда от него не убежит.

Осел для Сейюна имеет не меньшее значение, чем верблюд. В любом пункте оазиса вы непременно встретите маленького ослика с весьма внушительным грузом, особенно если принять во внимание величину четвероногого носильщика. Когда поклажу снимают, вам бросаются в глаза странные приспособления из веток, которые укреплены на боках животного. На них укладывают груз, но, кроме того, они выполняют ту же функцию, что рессоры грузовика.

За осла платят в Сейюне сумму, которая соответствует примерно 400 датским кронам. Между тем жену можно купить всего за 250 крон; правда, это самая дешевая цена. Красивая женщина, которая сулит самые упоительные удовольствия, стоит от 600 до 1000 крон.

В отличие от Шибама, где женщины носят синюю одежду, женщины Сейюна предпочитают красную. Но однажды, прогуливаясь по склонам столовых гор, я повстречал группу женщин, одетых во все черное. Эта встреча произошла на узкой тропе, над которой нависла огромная скала. Женщины стояли совершенно неподвижно, и их появление меня чрезвычайно удивило: еще минуту назад я готов был поклясться, что в

здешних горах никогда не встретишь ни одной живой души. Напротив, эти женщины, вероятно, видели, как я поднимаюсь по горной тропе.

В черных одеяниях, которые закрывали их с головы до пят, оставляя лишь узенькие отверстия для глаз, они казались существами с другой планеты или представителями какой-то таинственной секты.

Как я потом узнал, эти женщины были из одного маленького племени, кочующего по пустыне. Где находились в данный момент их мужья, об этом я не имел ни малейшего представления. Может быть, они даже спрятались где-нибудь поблизости и ждали, чем кончится наша встреча. Во всяком случае, вокруг царила мертвая тишина, ни одна из сторон так и не решилась нарушить молчания, и я быстро прошел дальше.

Однако это была не последняя моя встреча с женщинами в черном. Через несколько дней я снова увидел их, на этот раз они были с мужчинами. Место это находилось далеко от оазиса, и, наверное, только поэтому я застал их за довольно необычным занятием?

Необычным потому, что Коран запрещает танцевать. Но в данном случае мужчины и женщины длинными рядами двигались взад и вперед и размахивали при этом какими-то длинными палками.

Как и в прошлый раз, женщины были одеты в черное. Когда я подошел ближе, они перестали танцевать, и мне удалось заметить, что их одежды сделаны из натурального шелка. На каждой женщине сверкало множество всяких украшений.

Их волосы были смазаны верблюжьим жиром и заплетены в десятки косичек. Я с интересом разглядывал эту прическу, потому что видел почти такую же у различных африканских племен, например у мосгу в Центральной Африке, у нубийцев. Эти прически с косичками можно наблюдать даже на древнеегипетских барельефах.

На одной из молодых девушек сверкало особенно много украшений. Очевидно, ей казалось мало одной жемчужины в носу, поэтому она прикрепила по жемчужине над каждой ноздрей и вдела в нос золотое кольцо. Губы она выкрасила в синевато-фиолетовый цвет; в такой же ядовитый цвет окрасила и большую часть лица. На шее у нее висели тяжелые серебряные ожерелья, а на груди болталось столько серебряных украшений, что она была похожа на манекен в витрине ювелирного магазина.

Мне сказали, что это племя праздновало сегодня свой самый большой праздник в году, каждый надевает в такой день все свои «драгоценности», и чем их больше, тем лучше.

Как и следовало ожидать, участники празднества встретили меня довольно холодно, к счастью, завоевать их доверие удалось очень скоро. Один за другим они с интересом заглядывали в видоискатель моего фотоаппарата, а я тем временем делал снимок за снимком, о чем они даже не подозревали.

Дни бегут удивительно быстро. У нас с Ниангарой дел по горло, он спрашивает каждого встречного и поперечного о белом рабе, в существовании которого глубоко убежден, а я наблюдаю жизнь и фотографирую. У Ниангары гораздо больше шансов что-нибудь разузнать, чем у меня. Кроме того, он весь горит жаждой деятельности и все больше приходит к выводу, что разыскиваемый нами белый раб, возможно, находится в султанском дворце. Но это, наверняка, плод его слишком богатого воображения, которое все время сбивает нас с толку. Хотя если бы Ниангара оказался прав, у меня вообще не осталось бы никаких шансов расследовать до конца это дело.

Прошло уже десять дней, а мы так и не узнали ничего нового. Рабов в Сейюне больше чем достаточно — с черной, шоколадной и даже белой кожей, но это белокожие рабыни, а не рабы, и находятся они в султанском гареме.

На одиннадцатый день пришел Ниангара и рассказал, что узнал имя одного крупного работоторговца, который, вероятно, смог бы помочь нам.

— Где он живет? — спросил я.

— В Джидде, большом портовом городе на берегу Красного моря.

Что и говорить, адрес не слишком определенный, да к тому же адресат живет в совершенно другой части Саудовской Аравии. Однако Джидда — один из тех городов, где можно собрать массу интересных сведений о рабстве и своими собственными глазами увидеть, как протекает жизнь за аравийской чадрой. И я решил ехать в Джидду. Это означает, что придется вернуться в Мукаллу, оттуда поехать в Аден, а из Адена самолет доставит меня в Джидду. Что касается Ниангары, то

он останется в Мукалле. Бедняга немного огорчен тем, что ему так и не удалось отыскать для меня белого раба. Но у меня самого нет никаких оснований для недовольства: поездка, которую я совершил по Аравийской пустыне, была не менее захватывающей, чем путешествие через самые первобытные джунгли.

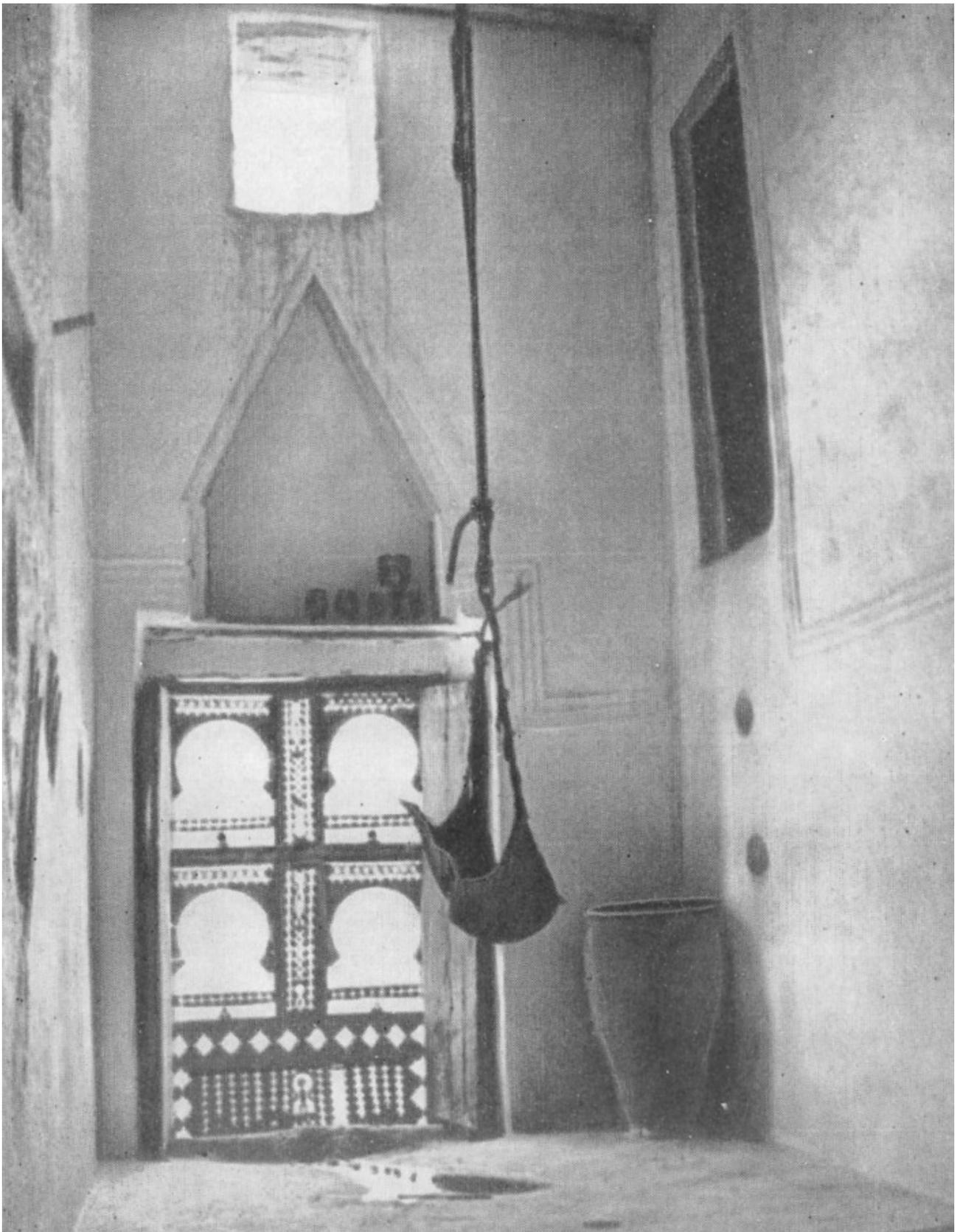
Итак, завтра я покидаю Сейюн.

А сегодня вечером я последний раз буду любоваться блеском луны, сияющей над этим прекраснейшим городом пустыни.

Тихий вечер. Молодой месяц, словно челн, плывет над горизонтом. Откуда-то издали доносится одинокий скрип колодезного колеса.

Когда солнце заходит, умолкает и этот скрип. Город медленно засыпает, вот он еще подает последние признаки жизни: где-то вдали хлопает дверь, слышится плач ребенка.

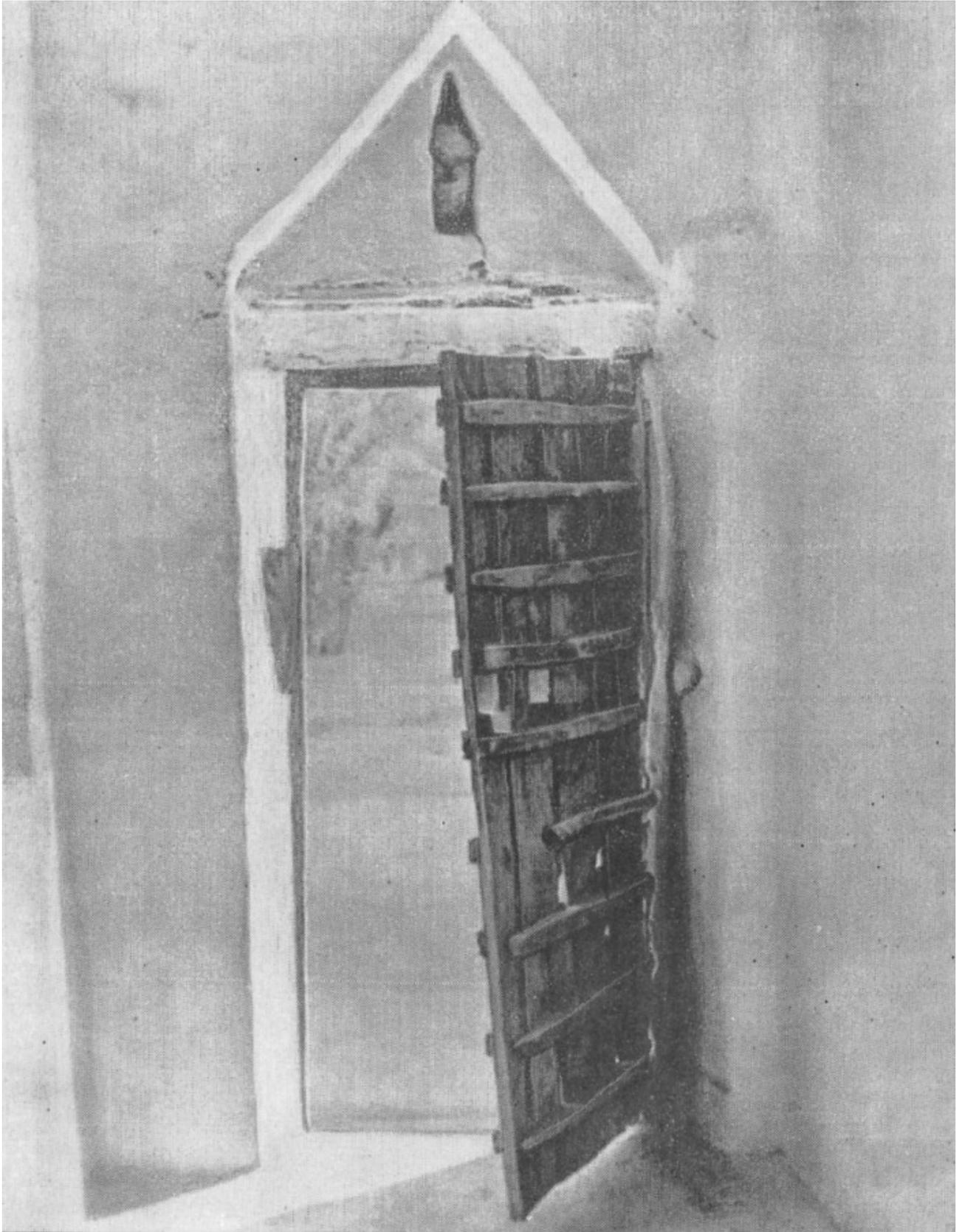
Потом наступает бескрайняя тишина...

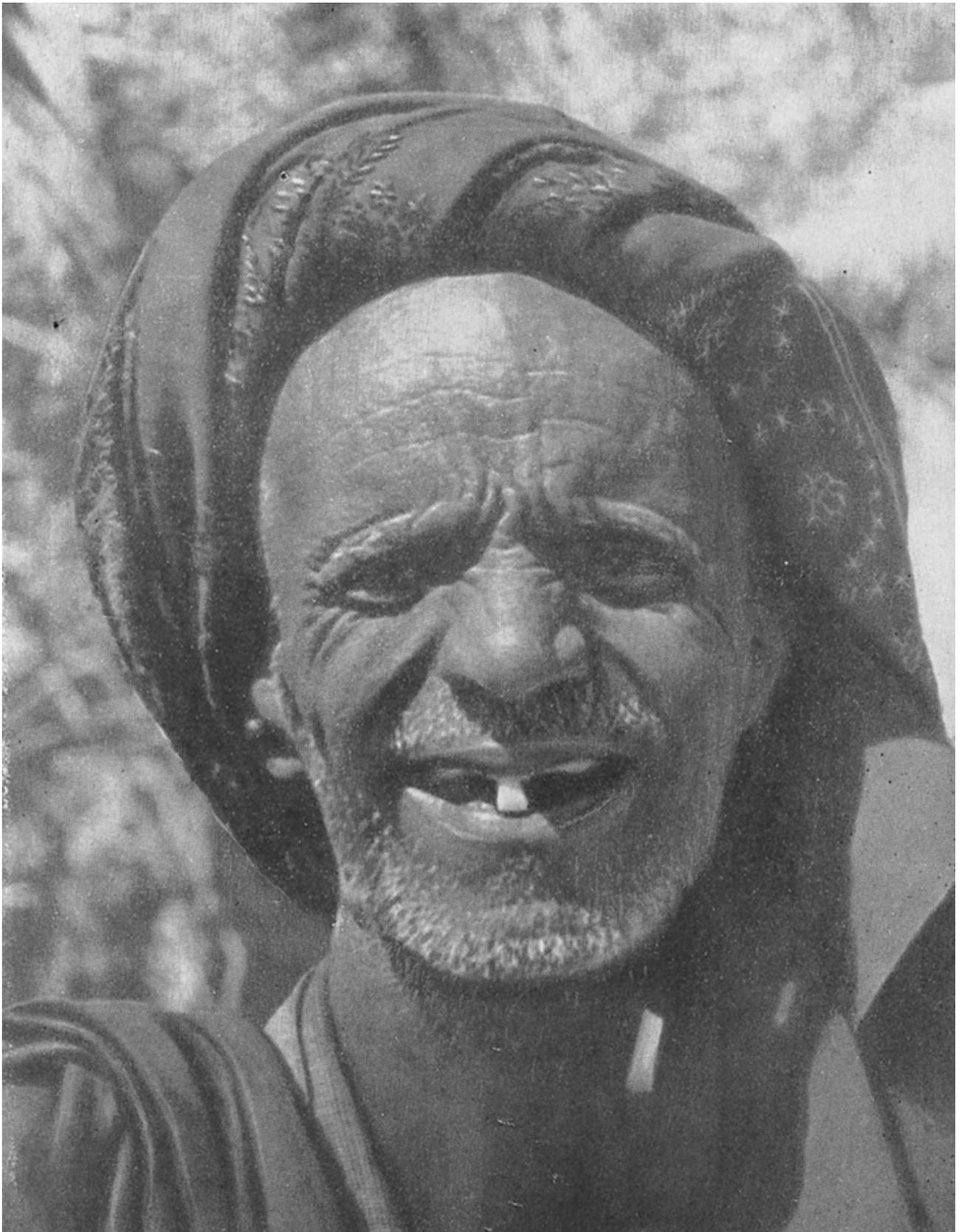
Кожаный бурдюк с водой вешают перед окнами

Вид из окна дома, где мы жили в Сейюне. Деревьев здесь мало, и поэтому круглый загон для овец сделан из глины. Рядом проходит оросительный канал

Дверь моего дома в Сейюне

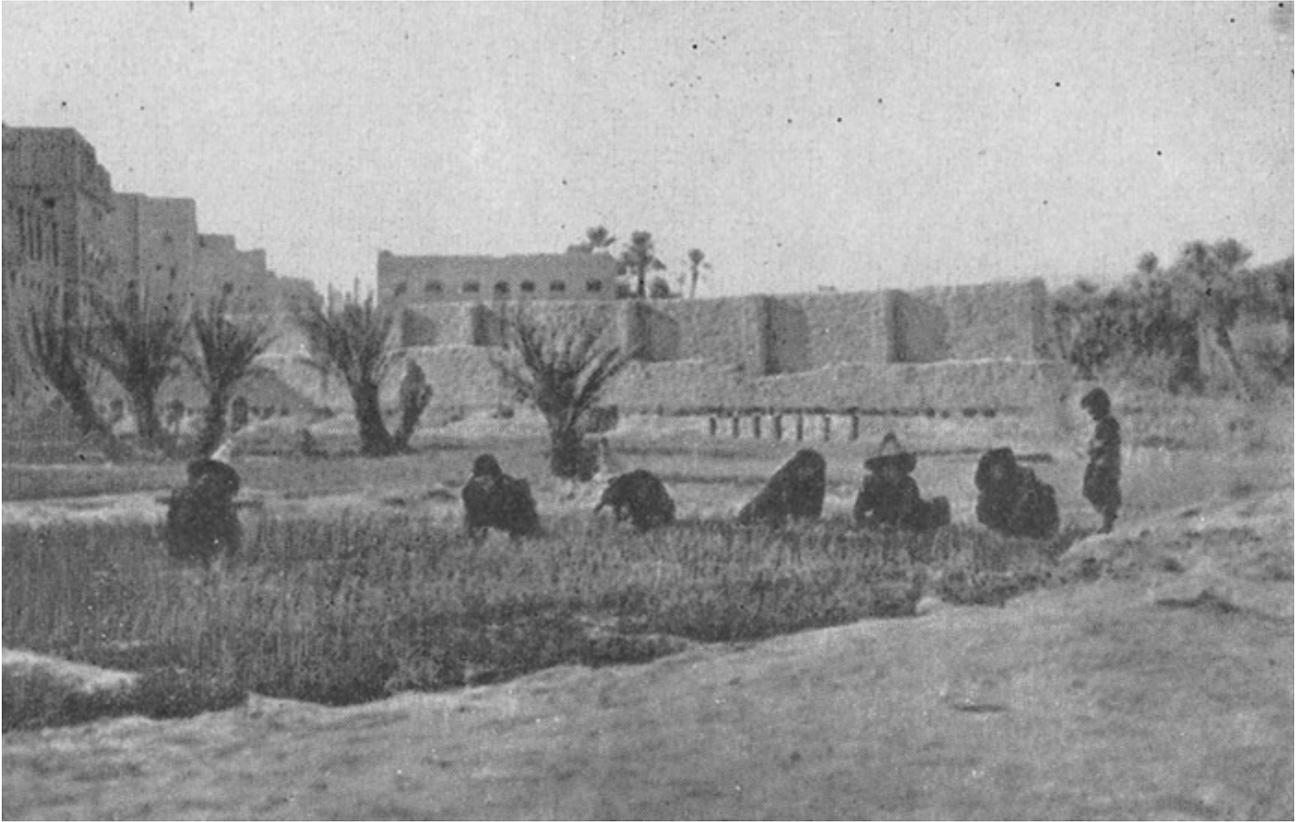
Лицо старого Омара бин-Авада будто сделано из куска потрескавшейся кожи

Старый водонос со своей внучкой

Сейюн расположен в долине между высокими столовыми горами. В садах, раскинувшихся за городом, возделывают овощи и финиковые пальмы

В саду трудятся рабыни

РИСКУЯ ГОЛОВОЙ

Счастливая встреча. — Шпион? — В «официальном» городе Саудовской Аравии. — Молитва на магнитофонной ленте. — Бренные останки. — Купальный сезон

Еще до того как я сел в самолет аравийской авиакомпания, чтобы лететь из Адена в Джидду, у меня появилась твердая уверенность в том, что по дороге я узнаю немало интересного об этом важнейшем районе Саудовской Аравии. Перед посадкой я тщательно изучил список пассажиров и занял место возле одного из видных деятелей современной Аравии. Это был Камаль Нури — близкий друг наследного принца Фейсала, а принц Фейсал, брат короля Сауда, сделал более, чем кто бы то ни было, для скорейшего развития Саудовской Аравии.

Между прочим, летать на аравийских самолетах не так-то просто, как может показаться на первый взгляд. Когда в аденском аэропорту я спросил, в котором часу самолет прибудет в Джидду, мне ответили, что сколько-нибудь точными сведениями на этот счет администрация не располагает. Дело в том, что в Саудовской Аравии существует свое собственное исчисление времени. Это единственная страна на земном шаре, которая живет по солнечным часам!

Допустим, вам известно, что ваш самолет улетает завтра в восемь часов утра, однако за сутки ночь может стать на несколько минут короче, и если вы слишком полагаетесь на точность своих часов, то рискуете опоздать. Поэтому постепенно вы привыкаете приезжать в аэропорт заблаговременно. А если вздумаете наводить справки об отлете самолета за неделю вперед, вам будет еще труднее определить, что такое восемь часов утра по аравийскому времени.

Но это еще не все. В Саудовской Аравии восход солнца означает, что сейчас двенадцать часов, и, таким образом, разница между двенадцатью часами в Саудовской Аравии и двенадцатью часами в Адене становится еще больше. Тем не менее с помощью сложных математических расчетов мне удалось довольно точно определить время вылета и не опоздать в аэропорт. Но самолет задержался с вылетом на целых два часа.

Надежды, которые я возлагал на соседство с Камалем Нури, полностью оправдались и в будущем не раз.

Камаль Нури родился не в Саудовской Аравии, а в Египте. Но он так пылко любит Саудовскую Аравию, что всю свою жизнь посвятил здесь делу народного образования, решительно порвав с традициями минувших времен. Хотя Камалю Нури и покровительствует сам наследный принц Фейсал, ему приходится вести ожесточенную борьбу за осуществление своих замыслов и идей. Реакционные круги изо всех сил мешают ему, ставят на его пути бесчисленные преграды, но он упорно и настойчиво идет к намеченной цели.

Камаль Нури красноречиво защищает Саудовскую Аравию от любых нападков. Он соглашается с тем, что во многих отношениях страна находится еще на средневековом уровне развития, но именно поэтому не следует требовать от нее чудес. Между тем прогресс, который достигнут в Саудовской Аравии за последние десятилетия, он называет чудом, даже чем-то вроде революции.

— Больше всего нам сейчас нужны терпение и терпимость, — говорит он, — а этого нам как раз и недостает.

Саудовская Аравия нетерпима к фотоаппаратам. В страну категорически запрещается привозить фотоаппараты и кинокамеры, если на это нет специального правительственного разрешения. А если вам все-таки разрешили взять с собой фотоаппарат, то его не следует выставлять напоказ, чтобы вас, чего доброго, не арестовали, несмотря на разрешение, или не изувечили мусульманские фанатики, которые считают, что пророк запретил воссоздавать образы людей, так как предвидел изобретение фото- и киноаппаратов.

Самое надежное — обратиться в министерство информации, которое специально поручит сопровождать вас кому-нибудь из своих сотрудников. Этот сотрудник непременно принесет с собой портфель и попросит вас спрятать туда вашу камеру: по-видимому, он не хочет рисковать своим здоровьем и добрым именем, появляясь на улице с бесстыдным фотографом и нарушителем заветов Корана. Потом он ведет вас к самым современным зданиям города, а здесь вы можете фотографировать сколько душе угодно! В дальнейшем министерство информации выражает пожелание, чтобы вы в своих же собственных интересах спрятали фотоаппарат у себя в номере и не выносили его оттуда до самого отъезда или — самый лучший выход из положения — сдали его на хранение в аэропорт.

— Тот, кто попытается тайком провезти фотоаппарат, рискует головой.

Последнюю фразу Камаль Нури произнес таким тоном, будто расстаться с жизнью из-за подобной безделицы для меня раз плюнуть. Я даже вспотел от волнения. У меня не было разрешения ни на один фотоаппарат, а в моем чемодане лежало целых пять! Это были мои самые верные спутники, и ни за что на свете я не согласился бы ехать в Саудовскую Аравию без них. Но со мной часто случалось так, что самые трудные проблемы вдруг решались словно по мановению волшебного жезла сами собой. И я надеялся на лучшее...

Камаль Нури рассказал, что жизнь в Саудовской Аравии довольно дорогая. Номера в отелях тоже дорогие, заметил он и предложил мне свою помощь на тот случай, если я останусь без денег.

Я поблагодарил его за готовность помочь мне с обменом валюты.

— Вы не поняли меня, — сказал он, сопровождая свои слова протестующим жестом. — Вам незачем обменивать валюту. Вы просто придете ко мне и возьмете столько денег, сколько вам нужно.

— Так же точно как у арабов принято оказывать чужеземцу гостеприимство, у европейцев принято обходиться своими собственными средствами, — ответил я, увидев, что его оскорбил мой отказ принять деньги.

В обществе Камала Нури часы летели как минуты. Казалось, мы только что сели в самолет, и вот уже почти 1200 километров остались позади. Под крылом Джидда — важнейший портовый город Саудовской Аравии на побережье Красного моря. Большие белые здания стоят, словно светлые шахматные фигуры на серой глиняной доске.

Камаль Нури любезно предложил мне свою помощь при оформлении необходимых документов в аэропорту, и я с радостью принял это предложение, так как чувствовал, что без его поддержки мне будет трудно обойтись, особенно в таможне.

Выйдя из самолета, я увидел, что меня встречают начальник полиции, начальник аэропорта и два каких-то шейха... Впрочем, встречали они не меня, а Камала Нури, вместе с которым я спустился по

трапу. Они по очереди целовали ему руку. Решив, что здесь такой обычай, я тоже протянул руку для поцелуя. Однако мне пришлось удовлетвориться рукопожатием, и хорошо еще, что дело не дошло до рукоприкладства...

В сопровождении этих почтенных господ, ловко орудующих локтями и плечами, мы быстро прошли сквозь огромную толпу, которая стояла на аэродроме и перед зданием аэропорта. Так же быстро мы миновали пункт проверки паспортов. Ждать совсем не пришлось. Просто отдали паспорта, и нам сказали, что принесут их прямо в машину, когда мы пройдем таможенный досмотр.

Таможенный досмотр?

Я весь покрылся холодным потом.

В таможене тоже стояла длинная очередь. Но и здесь нас пропустили вне очереди.

Мой саквояж оказался на столе перед таможенниками.

— Есть ли у вас вещи, облагаемые пошлиной? — спросил чиновник, одетый в мундир.

— Нет, — выдавил я из себя (и это было чистой правдой, ибо фото- и киноаппараты пошлиной не облагаются. Они просто подлежат конфискации).

— Фотоаппараты? — инквизиторски спросил чиновник.

Благодаря моему загару никто не заметил, что при этих словах я густо покраснел. Сердце отбивало какую-то диковинную дробь, но у меня все-таки хватило сил сказать «нет». Другого пути не было, так как еще в самолете Камаль Нури помог мне написать по-арабски в таможенной декларации, что никаких запрещенных к провозу вещей я не имею.

Но когда чиновник взялся за молнию моего саквояжа и резким движением раскрыл ее, я уже не мог сказать ни слова. Сейчас он начнет рыться в саквояже, увидит все мои фотоаппараты, и тогда... Что тогда?

Сверху лежало несколько журналов, которые я в самый последний момент засунул в саквояж. Таможенник захотел вынуть их. Послышалось шуршание бумаги, которое свидетельствовало о том, что один лист в чем-то застрял. Потом бумага порвалась.

«Ну вот, теперь все кончено, — подумал я. — Через пару секунд тебя изобличат, и из почетного гостя, которого встречали с поклонами и рукопожатиями, ты мгновенно превратишься в злоумышленника и

будешь брошен в тюрьму по обвинению в контрабандном провозе фотоаппаратуры для производства противозаконных снимков, наносящих ущерб безопасности страны. Это деяние квалифицируется как шпионаж, а шпионаж карается здесь смертной казнью через отсечение головы».

Все эти мысли вихрем пронесли у меня в голове, но тут я заметил, как чья-то рука легла на руку таможенника. Прозвучало несколько слов, произнесенных по-арабски, и молния саквояжа была снова закрыта. Это вмешался Камаль Нури.

Однако я еще отнюдь не чувствовал себя в безопасности. Быть может, меня собираются отвести к какому-нибудь более высокому начальству? Или просто препроводить в тюрьму?

Мы вышли в небольшой двор. Часовые сделали винтовками «на караул»... А быть может, это самые обычные меры предосторожности, чтобы я не сбежал? Потом словно из-под земли появился какой-то шейх.

Я уже приготовился к самому худшему, но он лишь распахнул передо мной дверцу темно-красного «кадиллака». Когда я сел в машину, он схватил мою руку и почтительно поцеловал. Следом за мной в машину сел Камаль Нури, и мы тронулись в путь.

Через четверть часа я уже прощался с Камалем Нури перед отелем «Дворец Красного моря». Он пригласил меня навестить как-нибудь к нему домой и осмотреть его школу. А напоследок сказал, слегка улыбаясь:

— И постарайтесь более осторожно обращаться со своими фотоаппаратами...

Он, словно добрый дух из волшебных сказок Аладдина, перенес меня на своих крыльях из душного аэропорта в уютный отель с кондиционированным воздухом.

В отношении стоимости гостиничных номеров Камаль Нури тоже оказался прав. Самый дешевый номер (в котором дверная ручка моментально отваливается, если вы слишком сильно дернете за нее) стоит 110 крон в день. Но дороги не только номера. Я разменял египетский фунт, который у меня был с собой, и решил купить кое-

какую мелочь: кусок мыла и ремень. Но от ремня пришлось отказаться. Он стоил 46 крон.

Зато нигде я не видел такого разнообразия товаров, как в Джидде. И все товары наивысшего качества! Здесь и роскошные позолоченные кресла по 2 тысячи крон за штуку, и золотые тарелки, и прекрасные часы, и шелк, привезенный прямо из Китая, и тончайшие заморские пуховые платки (в которые местные торговцы еще добавляют золотые нити), и электрические велосипедные гудки. В магазинах игрушек вы найдете такой богатый выбор заводных автомобилей, электрических поездов и кукол, умеющих говорить по-арабски «мама» и «папа», какого нет даже в крупнейших магазинах США.

По улицам движется непрерывный поток великолепных машин, лишь у такси немного обшарпанный вид, но вы не увидите ни одной модели более чем двухлетней давности.

Чтобы перейти улицу, приходится ждать пять, а то и десять минут. Обгон здесь запрещен, движение одностороннее, и поэтому машины движутся ровными и плотными рядами.

В Саудовской Аравии любят роскошь и комфорт. Почти все машины оборудованы кондиционерами. Даже пожилые люди ездят на разноцветных, как попугаи, велосипедах с золочеными рулями, тремя звонками и двумя позолоченными электрическими гудками. Щегольское седло обшито бахромой, словно оно не на обычном велосипеде, а на ковбойской лошади из Голливуда, сумка под седлом сделана из кожи, раскрашенной в пять различных цветов. На переднем щитке укреплены два боковых зеркала. Кроме того, велосипеды снабжены множеством всяких флажков и дюжиной пивных этикеток между спицами переднего колеса, которые поставляют для рекламы своих предприятий пивные компании. (Коран строжайшим образом запрещает правоверным потребление спиртных напитков, и, откуда здесь взялось столько пивных заводов, известно только аллаху.)

Старые дома, которые в результате многовекового чужеземного владычества почти все носят отпечаток древнетюркского стиля, теперь быстро уступают место новым железобетонным зданиям, причем роскошь и монументальность стараются в какой-то мере восполнить однообразие и отсутствие национального колорита. Конечно, предпринимаются попытки украсить эти здания арками и стрельчатыми окнами в древнетюркском стиле, но выглядит все это как жалкое

подражание чужим образцам и по существу противоречит как традиционному национальному стилю, так и современному функционализму. Но старая часть города по-прежнему состоит из живописных, как театральные кулисы, домов с закрытыми балконами, именно такими, по нашим представлениям, должны быть дома в Саудовской Аравии.

Официальной столицей Саудовской Аравии является Эр-Рияд, который расположен в восьмистах километрах от Джидды, в самом сердце пустыни. Но поскольку Джидда находится на побережье Красного моря и гораздо лучше связана с внешним миром, в нее постоянно перебирается все больше и больше государственных учреждений. Здесь стоит и огромное здание министерства иностранных дел, потому что иностранные дипломаты и немногие иностранные предприниматели, приехавшие в Саудовскую Аравию, живут в Джидде.

В Джидде находится резиденция короля Сауда — целый комплекс дворцов, окруженный километровой стеной. Кроме королевского дворца здесь высятся дворцы некоторых его жен.

У наследного принца Фейсала в Джидде есть очень большая вилла, которая, правда, имеет почти спартанский вид по сравнению с дворцами городских богачей.

По прибытии в Джидду я прежде всего добился разрешения фотографировать. Я хитро намекнул, что хочу пойти в город и купить новый фотоаппарат. Кроме того, мне удалось завоевать благосклонность занимавшегося мной чиновника тем, что я подарил ему несколько своих книг, и он, увидев помещенные там фотографии, сразу понял, что я хочу поведать всему миру о новой Аравии. О том, что мне хочется рассказать и о старой, я благоразумно умолчал.

Однако в министерстве информации мне не повезло, ибо, как я и предполагал, ко мне приставили чиновника, который разрешил снимать только новую и в общем наименее интересную часть города.

Многие арабы сейчас стыдятся «древних сундуков», как они называют старые дома, и не понимают восторга иностранцев, любующихся многочисленными закрытыми балконами, словно приклеенными к стенам зданий. На балконах сидят женщины, которые щебечут, словно попугаи, и смотрят через маленькие оконца на улицу, куда их самих выпускают крайне редко.

Конечно, эти дома гораздо менее прочные, чем современные здания из железобетона. Как и в других городах Саудовской Аравии, их строят из высушенной солнцем глины. И хотя осадки здесь выпадают очень редко, даже самые крепкие дома часто размокают под дождем и разваливаются как карточный домик.

Когда я был в Джидде, там как раз прошел ливень. Хотя каждый обитатель Джидды знает, что рано или поздно все равно будет дождь, он цепенеет, словно парализованный, когда первые капли начинают барабанить по земле. А в следующий миг он срывается с места и бежит домой, потому что дождь может быть сильным и тут уж лучше не спускать глаз со своих глиняных построек.

В Джидде нет канализации, и поскольку дороги здесь в основном немощенные (как реверанс современности есть несколько улиц с неровным асфальтовым покрытием), то сухая пыль пропитывается водой и смешивается с глиной, образуя совершенно невообразимое месиво из грязи и нечистот. Пройдет не менее трех-четырёх дней, прежде чем вода впитается в землю. Но и потом долго еще будет везде непролазная грязь. Солнцу очень медленно удастся справиться с ней, и лишь тогда земля затягивается твердой неровной коркой.

В Джидде всюду кипит пестрая цветастая жизнь, но особенно пестрая она в небольших лавчонках, разбросанных по всему городу. Заглянуть в такую лавчонку — это все равно что бросить взгляд в черную пасть огромного чудовища. Впечатление будет еще более

жуткое, если сами вы освещены в это время яркими солнечными лучами, отражающимися от белых фасадов домов.

В одной черной пасти сверкают при слабом свете свечи чьи-то глаза, и кажется, будто они существуют независимо от всего остального мира, а под ними на столе лежит кастрюля, которую сейчас будут лудить.

Из другой пасти доносится громкий смех, но никого не видно, словно хохочет сам дом.

А третья пасть еще страшнее: в крошечной темноте зловеще оскалила зубы чья-то белая искусственная челюсть. Как потом оказалось, она принадлежит торговцу древесным углем, кожа которого почти такая же черная, как и его товар.

И куда ни бросишь взгляд, в разноцветной мозаике людской толпы всюду мелькают зеленые чалмы мусульманской полиции. Главная задача полиции — следить за тем, чтобы правоверные возносили молитвы пять раз в день, когда с высоты минарета раздается крик муэдзина. Но ведь и Джидду не миновал технический прогресс, и муэдзин нередко приглашает мусульман к молитве, предварительно записав свой пламенный призыв на магнитофонную ленту. Порой техника отказывает, и тогда громкоговоритель путает часы молитвы или вдруг обрушивает на правоверных брань и проклятия, которые совсем недавно изрыгал мастер по ремонту магнитофонов. А фанатики-полицейские бегают взад и вперед и вопят: «На молитву, на молитву!» Владельцам лавчонок и их посетителям следует, не теряя времени, бежать в мечеть, если же они замешкаются, им придется познакомиться с дубинками, которыми снабжены полицейские.

Нетрудно заметить, что у служащих мусульманской полиции часто синее на лбу какое-то странное пятно.

Но если вы приглядитесь, то поймете, что это не татуировка, как вам сначала показалось, а здоровый синяк, который получился в результате многочисленных поклонов. Они и подобные им жертвы религиозного фанатизма приобретают эти синие знаки благочестия, отбивая земные поклоны во славу аллаха более усердно, чем их остальные единоверцы.

Прежде чем идти на молитву, мусульмане совершают омовение по определенному ритуалу. Поэтому у каждого всегда есть маленькая консервная банка, а у людей более состоятельных и чайник с водой. Сначала они смачивают себе затылок, потом лицо, потом ноги и под конец полощут рот.

Во время полуденной молитвы мечеть забита до отказа. Собравшиеся молятся хором, но в перерывах между молитвами можно услышать обрывки весьма любопытных споров, правда не имеющих ничего общего с религией:

- Десять с половиной?
- Нет, одиннадцать с четвертью.
- Тогда десять и три четверти.
- Нет, одиннадцать с четвертью.
- Ну ладно, даю одиннадцать и ни гроша больше!

Мечеть — это еще и биржа, где вечно занятые торговцы заключают сделки и узнают последние валютные курсы.

В порту Джидды есть только один мол, и, когда корабли из всех стран мира, кроме тех, что включены в черный список, прибывают сюда, они чаще всего бросают якорь на рейде, а разгрузку и погрузку осуществляют с помощью лихтеров, которые перевозят товары на мол или доставляют их на корабль. Большую часть года в порту довольно пусто, но картина резко меняется, когда наступает пора паломничества. В Джидду один за другим плывут всевозможные корабли, битком набитые паломниками.

Перед входом в порт чернеют остовы нескольких кораблей. Некоторые из них везли паломников и были уничтожены пожаром. На переполненных людьми судах началась паника, и многие погибли — в пламени, в волнах, а некоторые были съедены акулами.

Остовы этих кораблей так и остались на рейде Джидды. И никто не пытается их убрать. Не трогают даже катер, сидящий на рифах, два года назад его преследовала полиция порта, когда контрабандисты пытались ввезти в страну большую партию спиртных напитков.

Любителей купания здесь мало: уже само существование акул вызывает у местных жителей и туристов самые острые формы водобоязни, хотя к берегу акулы подплывают крайне редко. Мешают морскому купанию и некоторые соображения морально-этического порядка: мусульмане не любят купаться, когда на них смотрят

чужеземцы. Особенно трудно пришлось бы на открытом пляже женщинам в их длинном до земли одеянии с чадрой.

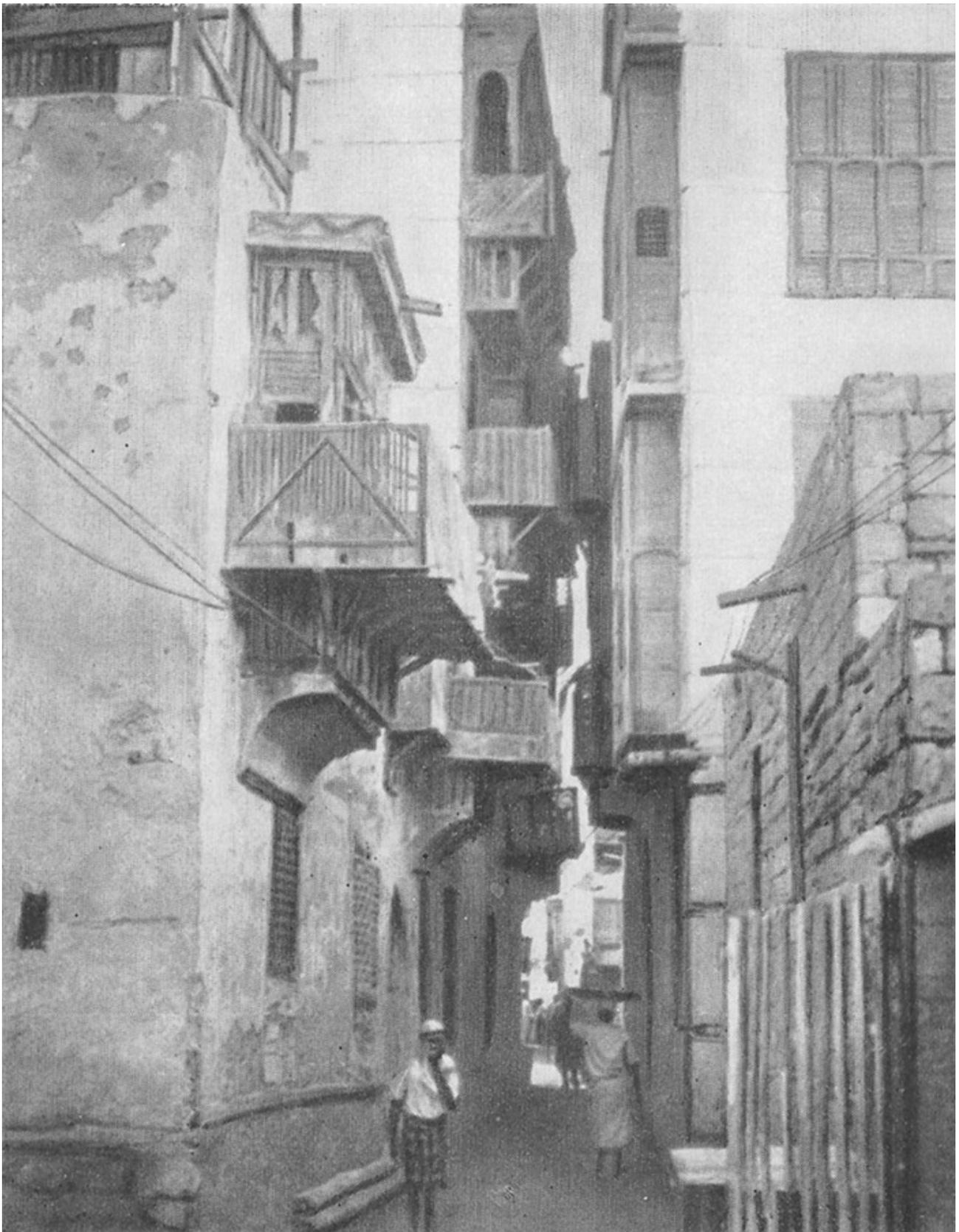
Но если вы все-таки окунетесь в Красное море, то на берег выйдете весь покрытый соляной глазурью, и после этого нужно непременно ополоснуться пресной водой.

У жителей Джидды не очень принято ездить за город на пикники, но, когда наступает вечер, возле песчаных дюн в пустыне все же появляются немногочисленные машины, а их пассажиры наслаждаются дыней или солнечным закатом, кому что нравится.

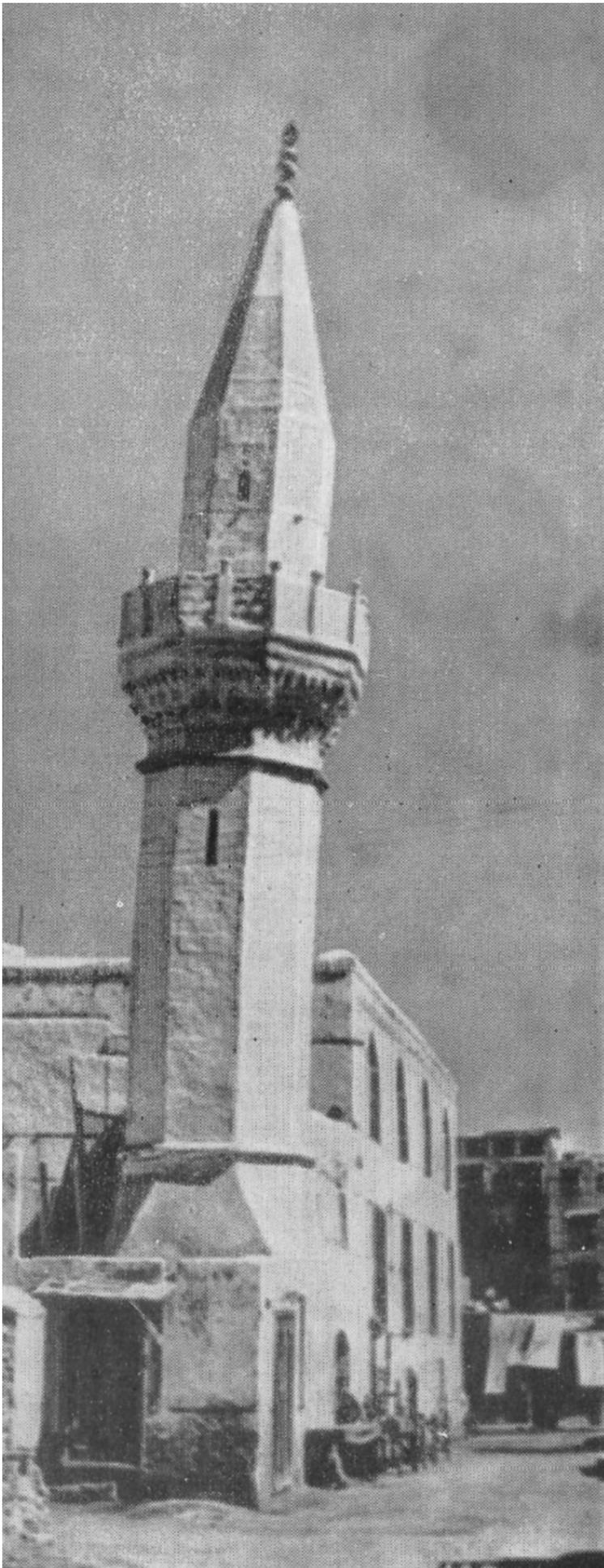
В первые дни своего пребывания в Джидде я главным образом осматривал город и устанавливал необходимые контакты в министерствах и других правительственных учреждениях, чтобы как-то облегчить свою дальнейшую работу.

Меня всюду принимали очень любезно, но кое-где скорее корректно, чем сердечно. Фасады правительственных зданий, равно как и их внутреннее убранство, производят ошеломляющее впечатление. Приемные больше всего напоминают огромные стойла, но кабинеты начальников устланы коврами и обставлены самыми современными кабинетными гарнитурами с такими глубокими креслами, что в них можно утонуть.

В результате своих официальных визитов я получил возможность осмотреть множество современных зданий, а также несколько радиостанций, расположенных в пустыне. Я прилежно записывал, на каких волнах они вещают, и задавал полагающиеся в таких случаях вопросы. Но когда вас возят от одной радиостанции к другой, а вы, несмотря на страшную жару, обязаны, согласно требованиям этикета, напяливать на себя пиджачную пару и галстук, тут вам уже не до вопросов. Все эти радиостанции почти не отличались друг от друга, но, чтобы не прослыть невеждой, я выпаливал один за другим свои вопросы и получал хотя бы маленькое удовольствие, когда узнавал, что один служащий, к сожалению, ушел разыскивать удравшего от него верблюда, а другой уехал навестить достойных родителей своей жены. Эти сообщения казались мне оазисами чего-то человеческого в суровой пустыне техницизма.

Дома в Джидде имеют множество закрытых балконов, откуда женщины могут наблюдать за тем, что происходит на улице

В Джидде тоже есть своя «падающая» башня; это минарет одного из старых монастырей

В СОВРЕМЕННОЙ ШКОЛЕ

В школе Камалю Нури. — Эксперимент. — Времяпрепровождение аравийских женщин. — Встреча с двумя Принцессами. — Неожиданное приглашение

Сегодня я приглашен на обед к Камалю Нури, директору современной школы, по-арабски она называется «Дар эль-Ханан».

Меня сажают в большой красный «кадиллак». Это подарок Камалю Нури от наследного принца Фейсала и в то же время своеобразная надбавка к его жалованью директора школы. Каждый год Камаль Нури получает новую машину: это всегда самая последняя, самая большая и самая великолепная модель.

На всех перекрестках, которые мы проезжаем, стоят полицейские и регулируют движение. Правда, почти на каждом перекрестке установлен светофор, но ни один из них не работает, большинство разбито радиаторами машин, а заниматься починкой никто не хочет. Многочисленные несчастные случаи нельзя объяснить тем, что водители развивают слишком высокую скорость. Если вы наедете на растерявшегося горожанина, который в своих белых одеждах перебежал улицу, это может стоить вам головы или в лучшем случае 1300 риалов, и естественно, вы стараетесь не выжимать из своего автомобиля все лошадиные силы, обещанные вам фирмой.

Мы проезжаем мимо большого массивного здания: это казарма. Зданию не больше двадцати лет, но оно совсем обветшало, потому что дома здесь не ремонтируются. Рядом находится здание министерства иностранных дел. Пока что оно в полном порядке, но можно предвидеть, что через каких-нибудь десять лет оно будет такое же обшарпанное и грязное, как и его сосед

В Джидде много очень живописных зданий с красивыми балконами и галереями: все они тюркского происхождения. И вообще в этом огромном портовом городе сравнительно мало домов, построенных в чисто арабском стиле.

Навстречу нам движется нескончаемый поток «кадиллаков» (они здесь очень популярны), а между ними семят маленькие ослики, запряженные в двухцилиндровые механические насосы на подкашивающихся колесах — главное орудие городского

водоснабжения. Время от времени попадаются стада коз, которых гонят на один из больших рынков, где продается скот.

В проезжающих мимо машинах сидят шейхи и другие знатные господа в длинных белых бурнусах и с черными венками на чалмах. На задних сиденьях сидят обитательницы их гаремов, тщательно закутанные в покрывала, правда, материя, закрывающая лица, настолько тонка, что они свободно видят все, что происходит вокруг. Самые роскошные машины оборудованы окнами с зеркальными стеклами, сквозь которые можно смотреть только изнутри.

Остальные места в машине заняты детьми всех возрастов и всех оттенков кожи от черного — «мокко» до «кофе с молоком» и даже «чай с молоком». Последний оттенок соответствует чисто арабскому цвету кожи. Однако разнообразие оттенков у детей свидетельствует о том, что в гаремах заперты женщины самых различных национальностей.

Мы едем по городу под непрерывный рев гудков. Дополнительный гудок, который спортсмены-гонщики недаром называют «волчий вой», является самым обычным реквизитом всех машин Джидды. В Саудовской Аравии каждый владелец машины старается заполнить все свободное место под капотом дополнительными гудками и сиренами. Но они не «играют» на гудках, как водители автобусов в Альпах, — арабы никогда не питают особого пристрастия к музыке. Они просто жмут сразу на все сто семнадцать гудков и в общем успешно сгоняют зазевавшихся пешеходов с проезжей части дороги!

Гудки гудят, когда машина трогается с места, когда поворачивает направо или налево, когда едет вперед или назад. Когда шофер увеличивает скорость, он гудит, а когда сбрасывает газ, тоже гудит. Если он обгоняет другую машину, то дает могучий протяжный гудок, а когда другой шофер осмеливается обогнать его, он гудит еще более отчаянно и протяжно.

Когда навстречу машине попадает верблюд, водитель приветствует его громогласным гудком. Если никаких верблюдов нет, он дает предупредительный гудок, ибо нет никакой гарантии, что верблюд не появится из-за следующего угла.

Шофер перестает гудеть лишь в том случае, если «сел» аккумулятор. И чтобы застраховать себя от этого самого страшного позора, какой только может представить себе арабский шофер, обычно он ставит на свою машину дополнительный аккумулятор специально для гудков.

За какой-нибудь год езды по Саудовской Аравии «кадиллаки» и другие роскошные машины быстро теряют и фары, и ветровые стекла, и другие не менее важные детали, так как эксплуатируют их здесь не очень бережно. Однако я готов обещать любую сумму тому, кто отыщет в Аравии машину без гудка!

Красный «кадиллак» выезжает за город и, словно линкор, плавно и бесшумно идет по песчаному морю. Шоферу поручено показать мне поближе бесплодную пустыню, над которой утомленно застыла знойная дымка. Нередко здесь возникают миражи.

Асфальт кончается, дальше дорога занесена песком. Шофер объясняет, что мы находимся на великом караванном пути в священный город Медину. Жара стоит ужасающая, но в машине мы ее совсем не замечаем. Установка для кондиционирования воздуха работает настолько безупречно, что, при желании можно было бы замерзнуть даже в сожженной солнцем пустыне.

Примерно через час мы возвращаемся в Джидду, и «кадиллак», останавливается перед школой Камалья Нури.

В свое время школа эта была создана как частное учебное заведение для двух дочерей принца Фейсала. Десять лет назад обе они закончили свое образование, а привилегированное заведение превратилось в школу-пансион для пятидесяти девочек. Кроме того, в школу ходят еще сто учениц, которые живут у себя дома. И что самое главное — девочки из пансиона, которые все являются детьми бедняков или вообще лишены родителей, учатся вместе с дочерьми знатных и богатых людей. Кстати, эту школу посещают восемь принцесс, но в Саудовской Аравии принцев и принцесс хоть пруд пруди!

Камаль Нури встречает меня самым сердечным образом и приглашает к чаю, сервированному на чудесной зеленой лужайке,

единственной во всей Джидде. Школьный участок окружен высокой стеной, которая защищает нас от любопытных взоров. Кроме нас на лужайке еще пара молодоженов из Египта и турок богатырского сложения — отец одной учительницы, преподающей в этой школе.

Беседа течет легко и непринужденно. Камаль Нури и его жена — прекрасные хозяева. Он мне нравится все больше и больше. У него светлая голова и широкий кругозор, что позволяет ему вести борьбу не на жизнь, а на смерть со всеми теми предрассудками, которые ежедневно и ежечасно тормозят его работу. Конечно, приятно сознавать, что тебя поддерживает такой человек, как принц Фейсал, однако есть немало людей, которые сами бы хотели заручиться протекцией наследного принца, и их люта́я зависть неизбежно выливается во всевозможные козни и интриги.

Если учитывать обстановку, сложившуюся в Саудовской Аравии, можно легко понять, почему школа Камала Нури вызывает недовольство. Когда окончилась вторая мировая война, здесь вообще не было ничего похожего на школы для девочек. Женщин считали неполноценными существами, созданными лишь для того, чтобы обслуживать мужчин и удовлетворять их желания. Не больше. И вот появляется человек, стремящийся научить женщин великому множеству вещей, о которых раньше они не имели ни малейшего представления, и дать им образование, которое все предшествующие поколения считали для них не только излишним, но и вредным. Едва ли нужно объяснять, какие перемены может повлечь за собой эта школа в будущем и почему многие мужчины усматривают в ней угрозу своему привилегированному положению.

Разумеется, все девушки, которые получают здесь всестороннее современное образование, столкнутся после окончания школы со многими трудными проблемами. В то время как подавляющее большинство их соотечественниц никогда не знало ничего, кроме рабского существования в гаремах, они уже почувствовали в какой-то мере всю прелесть свободы. В стенах школы они ходят без чадры и играют так же, как играют все девочки земного шара. На них форменные платья, такие же, как во многих европейских пансионах, чтобы не было никакого различия между богатыми ученицами и сиротами, взятыми в школу с улицы.

Как только девочки-старшеклассницы выходят за ворота школы, они должны немедленно надевать чадру, которая им ненавистна. За сохранение чадры ратуют мужчины, но уже само по себе нежелание женщин носить ее пролог к освобождению.

Многие фанатики-мусульмане убеждены, что создание «Дар эль-Ханан» — преступление против Корана. Но поскольку наследный принц Фейсал стоит над законом, а Камаль Нури и его жена — иностранцы: он египтянин, она из Иордании, — интриги, преследования и ненависть бессильны погубить школу.

Мы обходим школу и заглядываем в классные комнаты, где сидят ученицы в синих блузках с вышитой школьной монограммой. Они с огромным интересом слушают своих преподавательниц и совсем не замечают, что мы смотрим на них. Тишина стоит даже в тех классах, где девочки сидят одни, предоставленные самим себе, а учительница лишь изредка заходит в класс, чтобы помочь им по тому или иному предмету. В одном из классов девочкам читают лекцию. Меня поразило, что здесь применяются даже такие передовые методы преподавания, и с явным успехом. Девочки совершенно поглощены лекцией. В них словно вдруг проснулась жажда знаний, накопившаяся у многих поколений аравийских женщин, и теперь они хотят поскорее утолить ее.

В одном из классов идет урок арифметики. Метод обучения наглядный, с помощью вырезанных из дерева цифр, которые укладываются в полотняные кармашки. В другом классе несколько девочек усердно шьют на самой современной швейной машине, а их подруги работают на не менее современном ткацком станке. В соседнем классе идет урок английского языка. Некоторые девочки уже могут немного болтать по-английски. Потом они демонстрируют нам свое умение читать, а уже под занавес исполняют несколько маленьких арабских песенок. В это же время на спортивной площадке десять девочек занимаются гимнастикой.

Если бы окружающая обстановка была менее непривычной, а дети менее воспитанными, я мог бы подумать, что знакомлюсь с учебным процессом в датской школе!

Когда я смотрел на этих девочек, то в первый момент мне показалось, что у них у всех есть одна общая черта — черные, полные жизни глаза. Но, присмотревшись получше, я заметил несколько девочек с голубыми глазами. Очевидно, в какой-то мере это подтверждает предположение, что в жилах обитательниц гаремов порой течет и северная кровь.

Между тем я снова и снова задаю себе один и тот же вопрос: какая же судьба ожидает этих девочек, когда они вырастут и станут образованными и начитанными женщинами? С этим вопросом и обращаюсь к самому Камалю Нури.

— Рано или поздно в Саудовской Аравии поймут, как велика роль женщин в современном обществе, — говорит он. — Правда, пройдет еще немало времени, прежде чем в этой области произойдет подлинная революция. Однако эти девочки, которых мы учим мыслить самостоятельно, уже не позволят запереть себя в гарем. И конечно, каждая из них захочет быть единственной женой у своего будущего мужа. Саудовская Аравия еще только выходит из своей многовековой изоляций от остального мира. Многие саудийцы, которые живут за границей среди людей, не приемлющих многоженства, возможно, захотят жениться на некоторых из наших учениц, ибо образование дает им возможность достойно представлять нашу страну за границей.

Работа у нас нелегкая. Многие методы преподавания приходится внедрять чуть ли не контрабандой, и вообще, если бы не принц Фейсал, нам едва ли бы удалось добиться успеха.

Я надеюсь, — сказал в заключение Камаль Нури, — что вы напишете о том, как Саудовская Аравия борется за право называться современным цивилизованным государством. Для решения этой задачи потребуется много времени, но рано или поздно она будет решена.

Среди учениц, которые живут дома, я заметил одну очень красивую девушку лет восемнадцати-двадцати, одетую не в школьную форму, а в дорогое арабское платье. Держалась она немного застенчиво; когда я протянул ей руку, она ответила на рукопожатие, стараясь при этом не смотреть на меня. Я умышленно не обращался к ней, когда она из любопытства ходила вместе с нами по школе, потому что не хотел ее смущать. Но я спросил о ней Камалю Нури, и он ответил, что это одна из восьми принцесс, которые учатся в его школе.

Потом принцесса пила вместе с нами чай, и тут я впервые обратился к ней, спросив, нельзя ли ее сфотографировать.

Она энергично покачала головой и чуть не свалилась со стула от изумления, что я мог обратиться к ней с таким неприличным предложением. «Нет» самым категорическим образом.

Когда через некоторое время я уже собрался уходить, мне сказали, что скоро придет ее сестра, и моя новая знакомая очень хотела бы, чтобы я познакомился и с нею. «С удовольствием», — ответил я. Через несколько минут у ворот остановился «кадиллак». Из машины вышла фигура, с головы до пят завернутая в черное покрывало, и только лицо было спрятано под чуть менее плотной чадрой.

Эта «мумия» не столь изящна, как ее сестра, — сказал я Камалю Нури и с восхищением посмотрел на абсолютно современную принцессу, которая стояла рядом со мной.

— Погодите немного, — ответил он, когда «мумия» исчезла в доме.

Не прошло и десяти минут, как дверь снова отворилась, и в комнату вошла красивая и элегантная девушка, одетая по-европейски.

— Вот вам и «мумия», — сказал Камаль Нури с широкой улыбкой.

Я страшно поразился. Казалось, эта девушка только что сошла с обложки модного парижского журнала. У нее была совершенно современная прическа, в которой чувствовалась рука весьма искусного мастера. Кожа была цвета кофе с молоком, а черные восточные глаза сверкали каким-то мистическим блеском. На ногах красовались туфельки с глубоким вырезом и на высоких модных каблучках. Но хотя моя новая знакомая одевалась по-европейски, держалась она, как и сестра, сдержанно и застенчиво.

Если мне очень хотелось сфотографировать старшую сестру, то еще больше захотелось сфотографировать младшую.

И я решил снова попытать счастье.

И снова услышал застенчивое, но категорическое «нет».

— Ну хотя бы этим крошечным фотоаппаратом?

— Нет. Нельзя даже крошечным.

— А может быть, я сниму сразу вас обеих? Тогда и ответственность будет пополам.

Какое-то мгновение они колебались, даже украдкой посмотрели друг на друга, но потом добродетель восторжествовала, и они решительно покачали головами. Нет, все равно нельзя.

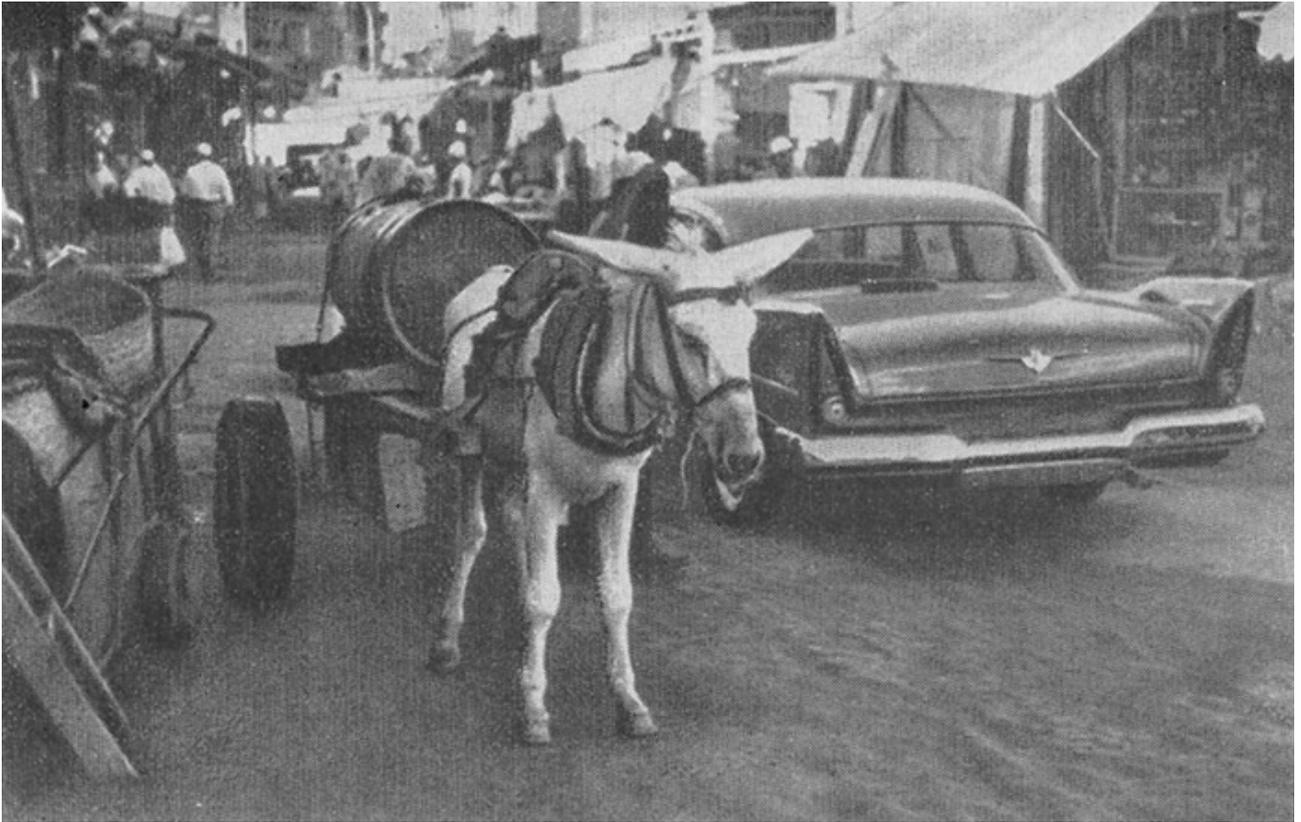
Больше я настаивать не мог, чтобы не быть навязчивым. Сделав вид, что примирился с отказом, я повернулся к Камалю Нури и его жене. Тут я заметил, что обе принцессы склонили друг к другу головы, но говорили очень тихо и к тому же по-арабски, поэтому естественно, я так и не понял, о чем они совещались.

Когда моя беседа с Камалем Нури и Мофидой подошла к концу, я захотел попрощаться и с чудесными принцессами. Но когда я протянул руку старшей из сестер, она немного смущенно посмотрела на меня, потом опустила глаза и тихо сказала на очаровательной смеси из арабского и английского языков:

— Не хотели ли бы вы навестить нас в нашем доме? Вместе с Камалем Нури, разумеется. Сейчас мы живем одни.

Если раньше я был просто ошеломлен, то теперь от изумления почти лишился дара речи. Меня пригласили посетить двух аравийских девушек в их собственном доме! Когда они одни! Это нечто совершенно неслыханное, и я даже подумал, что неправильно понял их. Подобное приглашение можно было объяснить лишь тем свободным воспитанием, которое девушки получали в школе Камалю Нури.

Правда, я успел подумать о том, что, если мой визит станет достоянием гласности, у меня будут крупные неприятности. Но это новое приключение обещало быть чрезвычайно интересным. Ради него я готов был идти на какой угодно риск. Решено! Я иду!

Переход от кожаного бурдюка к железной бочке, которую возят на осле, ознаменовал целую эпоху в развитии Джидды

Молодой человек ехидно улыбнулся, когда заметил, что мне удалось сфотографировать старого фанатика-мусульманина

ПРИНЦЕССЫ БЕЗ ЧАДРЫ

*За занавесками. — Смущенные хозяйки. — Беда с фотоаппаратом.
— Княжеский дар*

Не думаю, чтобы Камаль Нури пришел в восторг, когда услышал, что во время моего визита к принцессам ему придется играть роль дуэньи. Однако открыто он, во всяком случае, не протестовал.

Мы сели в «кадиллак», тот самый «кадиллак», в котором одна из девушек приехала в школу. Занавески в машине были задернуты, и их не отодвигали до конца поездки. Очевидно, так распорядились мои новые знакомые. Никто не должен был знать, что чужеземец ехал к ним во дворец в их собственном автомобиле. На слуг из богатых арабских домов, как правило, можно спокойно положиться, так что с этой стороны юным принцессам никакая опасность не угрожала.

Когда мы приблизились к большой вилле, где они жили, ворота широко распахнулись, и шофер, не снижая скорости, въехал в обширный двор.

Во дворе стояло несколько роскошных машин, и я, грешным делом, подумал, что девушки все-таки не решились принимать меня с Камалем Нури наедине и мобилизовали для этого целую армию своих друзей и родственников. Однако я ошибся, как потом оказалось, все машины принадлежали их семейству. У отца принцесс было три машины, у матери — две (которые она сама, конечно, не водила) и у обеих девушек — по одной. Кроме того, здесь стояла машина, в которой возили в школу и из школы двух маленьких сестричек, пикап для поездок на рынок и большой автомобиль, в котором кое-как могло уместиться все семейство.

Между тем мы поднимаемся по высокой лестнице и входим в зал, где весь пол устлан дорогими коврами.

В большой гостиной, куда нас приглашают войти, на полу от стены и до стены лежит огромный персидский ковер, расшитый причудливыми узорами самых теплых тонов. Вся обстановка состоит из нескольких кресел, нескольких низких табуреток, двух колоссальных установок для кондиционирования воздуха и громадной радиолы. На окнах висят красивые старинные гобелены, а стены выкрашены в розовый цвет.

Через несколько минут в комнату впорхнули обе принцессы. На этот раз они совершенно закутаны в покрывала, как и все женщины, которых

мы видели на улице. Но я подозреваю, что этот маскарад они устраивают из чистого кокетства, ведь я уже видел их без чадры в школе Камалья Нури. Вдруг, словно по команде, они сбрасывают покрывала, и у меня дух захватывает от их красоты... На них арабские вечерние платья, длинные и с довольно низким вырезом, по европейской моде. Платья отделаны золотым шитьем и красиво оттеняют их иссиня-черные волосы. На ногах легкие золотые туфли на высоком каблуке, а ногти выкрашены в темно-красный цвет.

Входит рабыня с кофейником и разливает кофе в крошечные, как наперсток, чашки.

Камаль Нури объясняет мне, что обычно в Джидде пьют кофе по-турецки из маленьких чашечек, которые чуть меньше наших обычных чашек для кофе и чуть больше подставок для яиц. Чашка такого кофе содержит пятьдесят процентов воды и пятьдесят процентов кофейной гущи, поэтому выпивать ее сразу не следует. Это необходимо запомнить раз и навсегда, говорит Камаль Нури и рассказывает мне об одном госте из Европы, который не очень любил кофе и поэтому решил покончить с ним как можно скорее: он залпом выпил целую чашку кофе, сваренного по-турецки... Прошло немало времени прежде чем к нему вернулся дар речи. Выслушав эту историю, я почему-то вспомнил о своих визитах к шейхам Мукаллы.

Но арабский кофе, который мы пьем, действительно превосходный напиток. По цвету он довольно светлый и чем-то даже напоминает чай, потому что кофейные зерна лишь слегка прожариваются на огне. Кроме того, в него добавляют различные пряности, присутствие которых можно легко определить на вкус, так что напиток получается очень тонизирующий. Из уважения к хозяину гость ни в коем случае не должен ограничиваться одной только чашкой, тем более что арабский кофе можно пить без всякого вреда для здоровья: в носике кофейника находится кокосовое волокно, постоянно напоминающее вам о том, сколько кофе вы уже выпили.

Стоит вам протянуть чашку рабыне, как она снова наполнит ее кофе. Но если вы несколько раз качнете чашку пальцами, это означает, что больше выпить не хотите.

Пока мы сидим и болтаем, я набираюсь храбрости и прошу разрешения сфотографировать чудесный кофейник, из которого мы

пьем кофе. Дамы разрешают, и, таким образом, наступает долгожданный момент, когда я могу наконец достать свой фотоаппарат.

Я пытаюсь сфокусировать кадр так, чтобы за кофейником оказались принцессы, но они моментально разоблачают мое коварство, встают и убегают в соседнюю комнату. Неужели я зашел слишком далеко и они рассердились на меня?

Тогда начинаю снимать их маленького брата, которого очень заинтересовал мой аппарат, и он ничего не имеет против того, чтобы его фотографировали. Между тем девушки, убедившись, что больше им ничто не грозит, возвращаются в гостиную и с интересом следят за съемкой.

И тут меня постигает то самое несчастье, о котором говорят: не было бы счастья, да несчастье помогло.

Внезапно у меня из рук выскальзывает блиц, и, когда я ловлю его, он дает вспышку прямо перед носом младшей из принцесс. Она издает пронзительный визг, а я начинаю всячески успокаивать ее, доказывая, что сам по себе блиц не может фотографировать. Однако, заметив, что девушка испугана меньше, чем можно было ожидать, быстро меняю тактику. Я делаю вид, что очень огорчен случившимся, и обещаю непременно прислать ей фотографию, которую сделал в силу несчастного сцепления обстоятельств.

Когда я вижу, что принцесса совсем не сердится на меня, я начинаю просить прощения за то, что на снимке она будет не такой красивой, как в жизни. К сожалению, фотоаппарат в момент съемки был наклонен, а потому лицо выйдет немного перекошенным. И не разумнее ли будет отснять ее как следует на остальную часть пленки и сделать хорошие доброкачественные снимки? В таком случае я пришлю их вместе с неудачным снимком.

Принцесса говорит, что это неплохая мысль, и за несколько минут мне удастся сделать около двадцати снимков. Сначала она очень смущается и все время закрывает свое лицо чадрой, но постепенно начинает чувствовать себя все более уверенно и вот уже сидит передо мной совершенно прямо и без покрывала. Она довольно крупного сложения, руки и ноги у нее, быть может, немного коротковаты, а фигура чуть полнее, чем любят европейцы. Но обо всех этих недостатках забываешь, когда видишь ее глаза...

Под конец девушки совсем расхрабрились, и я непрерывно щелкаю своей камерой, словно это не камера, а пулемет.

Когда пленка кончается, черноглазые принцессы просят Камалья Нури объяснить мне, что теперь их честь и жизнь в моих руках. Если портрет девушки оказывается опубликован в печати, об этом всегда могут случайно узнать ее родственники, которые путешествуют в том или ином районе земного шара. В этом случае отец бывает вынужден убить дочь, чтобы спасти честь своих сыновей. И уж, во всяком случае, он охотно пожертвует несколькими миллионами, чтобы расквитаться с фотографом — расквитаться кровью. Не менее печальные события могут произойти, если в городе узнают, что принцессы принимали меня в своем доме и к тому же без чадры.

Воцаряется тишина, которая подчеркивает всю серьезность положения. Слова, с которыми обратились ко мне принцессы, были отнюдь не шуткой.

Потом по их знаку в комнату входят одна за другой пять рабынь. В протянутых руках они осторожно несут какие-то свертки, словно это драгоценные дары.

Первая рабыня разворачивает длинную голубую княжескую рубашку. У второй в руках куртка такого же цвета. Третья держит великолепную княжескую чалму. Четвертая — серебряный венок. А у пятой рабыни — черный плащ, отороченный широкой золотой каймой, тяжелой золотой бахромой и кистями, в таком плаще король Сауд появляется на официальных приемах.

— Великолепно! Потрясающе красиво, — вырывается у меня. — Как жаль, что у меня больше нет пленки, чтобы сфотографировать весь этот костюм.

— Вы сможете фотографировать его сколько угодно, когда вернетесь домой, — говорит Камаль Нури. — Это вам подарок от принцесс.

— Что вы говорите! — отвечаю я, совершенно сбитый с толку и недоверчиво смотрю на Камалья Нури.

Он только кивает.

Тогда я смотрю на обеих девушек. Мне кажется, что я ослышался. Или это шутка?

— Но я не могу принять такой дар, — говорю я заикаясь.

— И не можете не принять его, — отвечает Камаль Нури.

Рабыни помогают мне облачиться в королевские одежды. Происходит небольшая заминка с венком, который мне чуть-чуть мал. Младшая газель надвигает мне на лоб веночек, и тут мне удается заглянуть ей прямо в глаза, но только на какую-то долю секунды. Взгляд поймать невозможно, но глаза ее сверкали сейчас совсем по-иному, чем когда я ее фотографировал.

Теперь они были темнее каштана. И в их чернокарем сиянии таилась какая-то непонятная сила...

Потом мы сидели и болтали. Камаль Нури рассказал мне, что обе принцессы очень современные девушки, во всяком случае для Саудовской Аравии. Они побывали в Париже, но почти ничего не видели, кроме магазинов. Правда, один раз они зашли с кем-то из своих родственников-мужчин в ночной клуб и увидели там стриптиз. Девушки были в высшей степени шокированы. Когда одна из них догадалась, к чему клонится дело, она даже спрятала в ладонях лицо.

— Это было ужасно, — вспоминают они.

— А ваши кавалеры тоже думают, что это ужасно? — спрашиваю я. Девушки улыбаются:

— Очевидно, нет. Но ведь они, наверное, привыкли...

— А что вам больше всего понравилось в Европе?

— Парижские магазины. (В Париже они накупили себе платьев, обуви и украшений на сто тысяч крон.)

Затем я спрашиваю, что они думают о браке вообще и о мужчинах в частности, которые берут себе по нескольку жен.

Девушки отвечают, что ни за что на свете не выйдут замуж за человека, у которого несколько жен. У их отца тоже только одна жена.

В Саудовской Аравии решают родители, за кого дочь выйдет замуж. Правда, влюбленные пары иногда обмениваются любовными посланиями, если они умеют читать и писать, но происходит все это в строжайшей тайне, и если им, несмотря ни на что, все же удастся пожениться, такой брак становится настоящей сенсацией. Браков по любви в Саудовской Аравии почти не бывает, и их считают чем-то весьма легкомысленным.

— А чадра? — спрашиваю я.

— Мы ненавидим чадру и ненавидим мужчин, которые так долго угнетали нас и до сих пор заставляют закрывать лицо. Но пока что мы еще не можем выходить в город без чадры. Это скомпрометирует нас. Уже одно то, что мы принимаем без чадры гостей-мужчин, считается слишком большой смелостью. Но никто не может незамеченным войти в наш дом. Если бы ворота не были все время на запоре, мы никогда не решились бы снять чадру.

— Вы хоть иногда купаетесь? — продолжаю я свое интервью.

— Да в пятидесяти километрах от города. Это очень ровное место, и там нас никто не может застать врасплох. У самого берега стоит дворец, и, когда там никого нет, мы купаемся.

— А вы умеете плавать?

— Нет, не умеем.

— Вы подарили мне княжеский костюм. Когда вы приедете в Данию, я непременно подарю вам бикини и научу вас плавать!

Девушки прыскают от смеха, когда узнают, что такое бикини, и немного краснеют.

— Мы с удовольствием приедем в Данию и научимся плавать, но для этого нам придется надеть такой же закрытый черный купальник, в котором мы купаемся здесь.

— Я понимаю, — говорю я и думаю о том, что такой купальник произвел бы у нас не меньший фурор, чем бикини в Джидде.

Через несколько дней я получил письмо. Оно было написано по-арабски. Сначала я хотел спуститься вниз и попросить портье, чтобы он перевел мне письмо. Но, почувствовав знакомый аромат, исходящий от бумаги, я понял, что это послание от юных принцесс.

Естественно, я не мог допустить, чтобы его перевел первый встречный. Поэтому при следующей встрече с Камалем Нури я попросил его рассказать мне о содержании письма.

Он пробежал его глазами, потом многозначительно посмотрел на меня и громко прочитал:

«Наша жизнь в Ваших руках, и Ваша — тоже. Берегите фотографии».

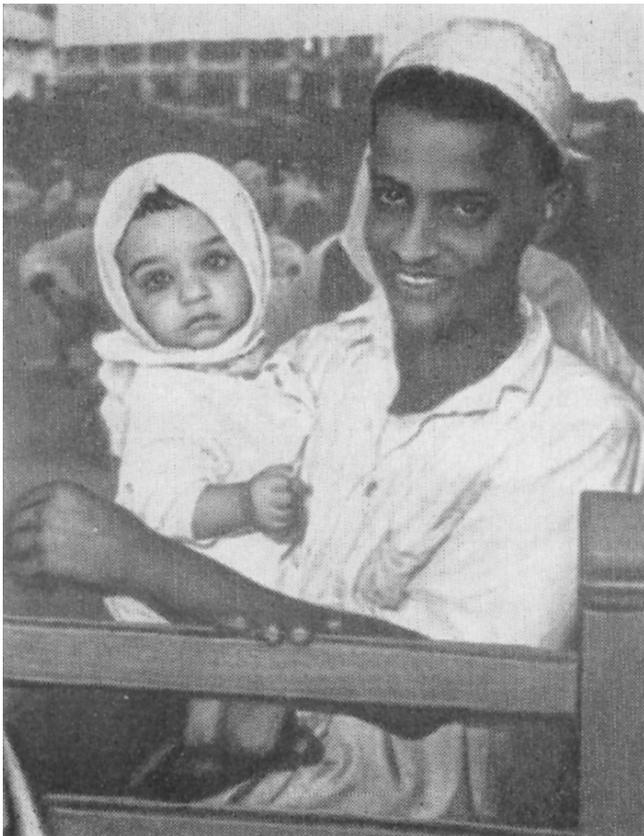
Маленький брат принцесс

**Молодая и красивая... а может
быть, старая и морщинистая?**

**Современный арабский
велосипед**

Раб в качестве няньки

**Курильщик кальяна на
постоялом дворе**

Камаль и Модифа Нури

Я ВСТРЕЧАЮ СОЮЗНИКА

Беседа за стаканом виски. — Невероятные истории. — Напали на след? — Освобождение француженки из Бразавиля. — Соотечественник возле голубятни

Портье в отеле «Дворец Красного моря» — молодой югослав, принявший ислам. У него зоркие глаза, чуткие уши и хорошо подвешенный язык!

Очевидно, я первый датчанин, с которым ему удастся поговорить, и он обрушивает на меня неиссякаемый поток своего красноречия. Многие из того, что он говорит, я пропускаю мимо ушей, но иногда он сообщает довольно интересные сведения о жизни в Саудовской Аравии, и потому мне приходится проявлять выдержку. После того как я целый день мечусь по обожженной солнцем Джидде, веду утомительные, но важные переговоры с правительственными чиновниками и наношу визиты вежливости в различные учреждения, я возвращаюсь наконец домой и ложусь в постель. Но отдохнуть мне не удастся: портье входит в комнату, а я не могу сослаться на усталость, потому что надеюсь услышать от него что-нибудь интересное.

Однажды вечером мы сидели и беседовали, но говорил, как обычно, он. Между тем я все время пытался всякими окольными путями подвести разговор к вопросам, которые интересуют меня больше всего. Почему окольными путями? Потому что я уже понял, что вопросы в Саудовской Аравии следует задавать крайне осторожно, особенно когда речь идет о религии, политике и рабстве. Но мой собеседник непрерывно рассказывал всякие пикантные истории, которые приключались с иностранцами в этой удивительной стране...

Потом портье стал давать мне всевозможные полезные советы и особенно рекомендовал избегать наездов на другие автомашины, когда я сам сижу за рулем. Но коль скоро машины все-таки столкнулись, нужно возможно скорее уехать, не ввязываясь ни в какие споры. Если же успеет вмешаться полиция, она отправит в тюрьму и правого, и виноватого и будет держать их там до тех пор, пока они сами не договорятся о своих финансовых обязательствах.

«Очень рациональный способ, который было бы нелишне перенять и другим странам», — подумал я.

Однако попасть в здешнюю тюрьму — самое худшее, что может случиться с человеком, заверил меня югослав. Фактически узник лишен всякой связи с внешним миром. Недавно один итальянец попал тут в тюрьму. У него была сахарная болезнь, и он сообщил тюремным властям, что ему нужен инсулин. Ему не ответили. Итальянец умолял тюремщиков достать ему лекарство. Никакого эффекта, ибо у него не было денег, чтобы дать взятку. Ему даже не разрешили послать записку своим знакомым. Вскоре он умер.

В Саудовской Аравии категорически воспрещается употреблять спиртные напитки. Если вы нарушите запрет и вас поймают, то немедленно посадят за решетку.

В этот вечер мы крепко заперли дверь, а на столе у нас стояла бутылка шотландского виски, которую моему новому знакомому подарил один здешний принц (принцы могут себе позволить подобные возлияния, но тоже тайком). Кроме того, портье наглухо задернул шторы в комнате.

— Недавно одного европейца приговорили к шести месяцам тюремного заключения за попытку провезти бутылку виски, — сказал он.

— Кстати о европейцах, — прервал его я, — вы ничего не слышали об одном белом человеке, который попал здесь в рабство?

Портье немного помолчал. Я уже испугался, что зашел слишком далеко. Но он спокойно повторил мой вопрос:

— Европейец, который попал здесь в рабство? Да, я слышал. Он, по моему, из Швеции...

— Из Швеции?..

Мое изумление было настолько велико, что портье с любопытством взглянул на меня.

— Да, он был в Джидде. А потом уехал внутрь страны, где живет постоянно. Он больше не может уехать из Саудовской Аравии. Он действительно раб...

— Но где он живет?

— Не спрашивайте меня ни о чем. Человек, который исчез, исчез навсегда. Поиски же могут повлечь за собой только неприятности. Его судьба в руках аллаха. Очевидно, аллаху было угодно, чтобы он стал рабом.

— Но ведь аллах может и освободить его?

— Может, но едва ли захочет.

Я попытался задать еще несколько вопросов, но портье явно не желал продолжать разговор на эту тему...

Все последующие дни у меня не было ни одной свободной минуты, ибо я старался добыть хоть какие-нибудь сведения о шведе, находящемся в самом сердце Саудовской Аравии. И мне повезло.

Однажды портье познакомил меня с неким Хаджи Нур эд-Дином эль-Магари, уроженцем Венгрии. Сейчас ему было около пятидесяти лет, и он объездил весь мир. Скоро мы нашли с ним общий язык и с увлечением говорили о Мату-Гроссу в бассейне Амазонки, о Рио-де-Жанейро, о пигмеях Конго, о расовой дискриминации в Южной Африке, о Ливийской пустыне и миражах Сахары.

Он сказал, что пойдет вместе со мной в кварталы, населенные коренными жителями Джидды, и будет отвлекать от меня внимание зевак, пока я не отсниму всю пленку в своей миниатюрной камере.

Эль-Магари уже давно живет в Саудовской Аравии и принял ислам. Без этого здесь не обойтись, говорит он, если ты хочешь чего-нибудь добиться.

Потом Эль-Магари предлагает поехать с ним в тот район пустыни, где водятся летающие змеи. Если бы я не прочел в свое время о летающих змеях у Геродота, я бы решил, что эти не слишком приятные существа, вероятнее всего, порождены богатой фантазией моего нового друга. Однако Геродот довольно подробно описывает пустыню, в которой живут крылатые змеи. Эти твари настолько опасны, что ни один чужеземец еще не спасся после встречи с ними. Но в организме местных жителей выработался иммунитет, который позволяет им не бояться укуса змеи. Узнав, что Эль-Магари сам был в том районе и видел летающих змей, я решил непременно съездить туда и проверить, насколько все эти сообщения соответствуют действительности. Он предложил надлежащим образом оборудовать джип, снабдить его противомоскитной сеткой, для самозащиты надеть кожаные перчатки, специально пошитый кожаный костюм и высокие сапоги, а лицо закрыть сеточной маской.

Потом он предложил мне предпринять путешествие к большим пирамидам, которые стоят за Эр-Риядом, в десяти — двенадцати днях езды от Джидды. Если верить Эль-Магари, здесь находится настоящая аравийская Атлантида со строениями, которые напоминают пирамиды. Пустыня перерезана огромными трещинами, откуда поднимаются ядовитые испарения. Говорят, когда-то в результате страшного стихийного бедствия на этом месте погибла великая древняя цивилизация, погиб и весь народ...

Я недоверчиво покачал головой, но Эль-Магари схватил карандаш и быстро набросал карту того района, а также наш будущий маршрут. И тем не менее все это звучало слишком сенсационно.

— А вы не поможете мне отыскать одного белого раба, который живет в Саудовской Аравии? — спросил я внезапно.

Эль-Магари внимательно посмотрел на меня.

— Здесь очень много белых рабов, — ответил он наконец. — Почти во всех гаремах живут белые рабыни.

— Но я имею в виду не рабыню, а белого раба.

И я изложил ему те отрывочные сведения, которые мне пока что удалось получить. Я рассказал, что приехал сюда заглянуть за «аравийскую чадру», но мысль о спасении шведа не дает мне покоя, и теперь мне приходится вносить немалые коррективы в свои планы.

— Я с удовольствием помогу вам рассказать всему миру о том, что происходит в Саудовской Аравии, и прежде всего о рабстве, — задумчиво ответил Эль-Магари, кивая головой. — Правда, многим рабам здесь живется лучше, чем свободным людям... Но вы, во всяком случае, всегда можете рассчитывать на мою поддержку.

Эль-Магари уже не раз сталкивался с проблемой рабства.

Приняв ислам, он отправился в Мекку и по прибытии нанес визиты некоторым высшим сановникам города.

Однажды он сидел один в комнате и вдруг услышал, как разговаривают две женщины. Из этого разговора он понял, что одна из них была очень несчастна. Она говорила по-французски, и, когда Эль-Магари заглянул в соседнюю комнату, он увидел белую девушку лет пятнадцати, которая, рыдая, что-то говорила другой женщине, тщательно закутанной в покрывало.

К счастью, эта женщина вышла из комнаты, и Эль-Магари успел обменяться с девушкой несколькими фразами, из которых понял, что

она родилась в Браззавиле, во Французском Конго, и ее привезли сюда против ее воли.

С большим трудом ему удалось уговорить хозяина дома, где он жил, и еще одного совладельца девушки продать ее за триста риалов. Он отвез девушку в небольшую деревушку в горах, где жил сам в это время, а через три месяца приехал в Джидду и передал ее на попечение французского консула. Консул же принял меры, чтобы она вернулась к своим родным.

Потом оказалось, что девушку похитили в Браззавиле в тот момент, когда она возвращалась домой из школы. Работоторговцы отправили ее вверх по реке Конго и при первом же удобном случае продали в Саудовскую Аравию.

Я сказал Эль-Магари, что не хочу, чтобы он понапрасну рисковал из-за меня, и посоветовал ему сначала хорошенько все обдумать. Я вернусь на следующий день, и мы вместе обсудим будущие планы.

Когда на другой день я пришел к нему, мне не терпелось поскорее услышать его ответ. Но сам я не хотел заводить об этом разговор, и прошло немало времени, прежде чем мы перестали болтать о всякой всячине.

Между тем Эль-Магари послал своего мальчика-слугу за чаем, сунув в носик чайника скрученную трубкой грязную замусоленную бумажку. Это были деньги, которые мальчик заплатит за чай в ближайшей чайхане.

В Саудовской Аравии не очень-то стараются соблюдать правила гигиены.

Наконец Эль-Магари сказал:

— Я помогу вам найти белого раба, о котором вы говорите. На всех материках люди живут в полном неведении относительно того, что творится в Саудовской Аравии. Никто не верит рассказам очевидцев, рассказам, которые кажутся слишком фантастическими. Значит, нужны доказательства. Если человек, о котором вы рассказываете, вообще существует, его надо освободить во что бы то ни стало. И это будет самым лучшим доказательством.

— А подобное предприятие не опасно для вас?

— Я все взвесил. Ведь кто-то должен рискнуть. Вот давайте с вами посмотрим...

Эль-Магари достает большую карту Саудовской Аравии и начинает объяснять, какими путями можно добраться до тех населенных пунктов в пустыне, где мы сможем получить более подробные сведения по интересующему нас вопросу.

— Но мы знаем еще слишком мало, чтобы отправиться в путь, — говорит он. — Сначала надо исчерпать все имеющиеся возможности здесь, в Джидде. От властей вы ничего путного не добьетесь: они вообще будут отрицать, что в стране есть хоть один раб. Лучше пойти к Салему бен-Омару. Это один из главных бандитов Джидды, у него всюду есть шпионы, и если он захочет что-нибудь найти, то обязательно найдет. Но вот захочет ли он? Говорят, он сам торгует рабами...

Но прежде всего вам следует расспросить того гренландца, который живет в Джидде.

При этих словах я чуть не уронил чашку. Два дня назад я узнаю, что в Саудовской Аравии живет швед, и теперь еще и гренландец!

— Гренландец? — повторяю я недоверчиво, — Он эскимос?
— Нет, он такой же датчанин, как и вы. Но он приехал сюда из Гренландии (как потом оказалось, это было не совсем так) и живет здесь с женой и сыном.

— Давно?

— Давно.

— Где же он живет? И как его зовут?

— Зовут его не то Фриш, не то Фрис или что-то в этом роде. Он коммерсант. Третий дом слева со стороны пустыни, в северной части порта. Возле большой голубятни...

ДАТЧАНИН ИЗ «ВРАТ В ПРЕИСПОДНЮЮ»

Встреча с соотечественником. — В «холодильном» ведомстве. — Зависть в Саудовской Аравии. — Два шейха вместо охраны. — «Вы знаете, кто он такой?»

Это была самая большая голубятня, какую я только видел за всю свою жизнь. Она была выкрашена в ядовито-зеленый цвет, и мне казалось, что вокруг нее должны носиться целые стаи голубей. Но я не увидел ни одного. И их никогда здесь не было. Вместо отверстий в стене голубятни были нарисованы черные круги. Один житель Джидды увидел однажды такую голубятню в Европе и решил, что она украсит его дом. Но он знал, что голуби очень пачкают и с ними много возни. Поэтому он предпочел ограничиться бутафорией.

Возле самой голубятни стоял «третий дом слева со стороны пустыни, в северной части порта». Названия улицы я не знал, потому что она вообще никак не называлась.

Дом был обнесен каменным забором. Я подошел к воротам и несколько раз нажал на кнопку электрического звонка. Ответа не последовало. Я в последний раз нажал на кнопку и отошел немного назад, чтобы лучше рассмотреть виллу, где проживало семейство из Гренландии.

Наконец я услышал голос женщины, которая изъяснялась на довольно исковерканном английском языке.

— Эй, вы европеец или американец? Я не вижу вас, вы слишком близко подошли к забору. Подождите минутку, я сейчас открою.

Наконец ворота открылись, в них стояла маленькая худая женщина лет сорока.

Когда я представился и сказал, что я датчанин, она улыбнулась с облегчением и воскликнула:

— Боже, так вы наш земляк. Вас послало нам само небо!

Я постарался разубедить ее в этом, но для себя сделал вывод, что госпожа Фрис чем-то очень расстроена. Когда мы вошли в дом, она тут же поведала мне о своих злоключениях.

Ее муж недавно узнал, что один из местных купцов-конкурентов написал на него жалобу, в результате которой его могут моментально выслать из страны. Многие здешние предприниматели — форменные

гангстеры, а вышеупомянутый господин — настоящий злодей. И если ему удалось подкупить кого-либо из государственных чиновников — в Саудовской Аравии это делается очень просто, — то господин Фрис, вероятно, уже покидает эту гостеприимную страну как «нежелательное лицо». Он ушел из дому рано утром, скоро вечер, а его все нет и нет. Что станет с нею и ее сыном, если сбудутся их самые худшие опасения?

Прошло почти четыре часа: наконец дверь открылась, и на пороге появился высокий мужчина атлетического сложения. На вид ему можно было дать лет сорок, но, как потом оказалось, ему было около пятидесяти.

— Все в порядке, — сказал он жене, входя в комнату. Потом он посмотрел на меня и осведомился, кто я такой и что мне нужно. После того как я рассказал ему об обстоятельствах, которые привели меня в его дом, он поведал мне историю своей жизни.

В качестве судового механика Фрис избородил все моря и океаны земного шара, а диплом инженера по холодильным установкам открыл ему доступ во многие страны мира.

Вот что он рассказал:

— Вскоре после окончания второй мировой войны мы с женой переехали в Гренландию, где выполняли самую различную работу. Тем не менее у нас оставалось много свободного времени, и мы организовали вечернюю школу для эскимосов, в которой обучали их различным ремеслам. Мы настолько с ними подружились, что они даже стали говорить по-датски. А вообще гренландцы не любят никаких других языков, кроме гренландского.

Однако я все время тосковал по своей основной специальности — холодильной технике. Можно было поступить на один из консервных заводов в Гренландии, но мне хотелось куда-нибудь уехать. Я установил контакт со шведскими деловыми кругами и поступил на работу в фирму АСЕА, в которой занято около семидесяти тысяч рабочих. В последующие годы пришлось строить катки и предприятия по производству ядерного топлива, монтировать холодильные установки на бойнях и в гигантских холодильниках, между прочим, я устанавливал оборудование в холодильнике Хельсингборга, который является одним из крупнейших в мире.

Через пять лет мне предложили поехать в качестве представителя фирмы в Саудовскую Аравию. Я согласился. Это было в 1957 году. Жену

и обоих детей я временно оставил в Дании и потом в течение двух лет их не видел.

Здесь, в Саудовской Аравии, я подружился с одним из многочисленных братьев короля Сауда принцем Мошефом, который заинтересовался рыбоконсервной промышленностью. Я ему очень понравился, и он уговорил меня работать на него. Я согласился. В то время Мошеф был одним из самых прогрессивных деятелей страны, несмотря на противодействие со стороны многих своих соотечественников, он был глубоко убежден, что рыбоконсервная промышленность имеет большое будущее в Саудовской Аравии. Настроен он был всегда очень оптимистично, и этот оптимизм позволял ему стойко выносить упреки друзей, которые говорили:

«Зачем тебе вся эта кутерьма, дорогой Мошеф? Разве это занятие для принца? Ничего у тебя не выйдет».

Но я обещал ему, что это дело увенчается успехом:

«Я построю рыбоконсервный завод, и люди будут превозносить тебя за твою мудрость».

Скажу, не хвастаясь: я сдержал свое обещание. Принц Мошеф неоднократно водил на завод своих высокопоставленных друзей и гостей и гордо показывал им, как осуществились его планы. Потом он всегда обнимал меня за плечи, целовал и долго уверял, что я самый лучший его друг и брат и он сделает меня самым богатым человеком в Саудовской Аравии.

Но я не получил и сотой доли того, что он мне обещал. В прошлом году ко мне приехали жена и сын, дочь осталась в Дании, чтобы закончить фельдшерскую школу. Между тем мои доходы снизились примерно вдвое!

В общем меня надули.

И Фрис грустно пожал плечами.

— Официально мы с принцем Мошефом и сейчас братья, — продолжал Фрис — Я директор холодильника, который принадлежит правительству. Правда, есть еще содиректор, араб. Подобные холодильники имеют большое значение для импорта пищевых продуктов, и Дания легко могла бы стать одним из главных поставщиков продовольствия в Саудовскую Аравию, если бы датские экспортеры действовали более благоразумно и оперативно. Но им не хватает ни того, ни другого. У нас слишком много экспортных организаций, которые

соперничают между собой, и эта конкуренция подрывает позиции нашей страны на мировых рынках.

Несколько лет назад Дания была единственным поставщиком продовольственных товаров в Саудовскую Аравию. Датское правительство полностью оплатило рассылку образцов товаров, а также взяло на себя все необходимые расходы, чтобы скорее проникнуть на арабийский рынок. Я сам принимаю время от времени некоторые датские товары, и на них мне приходится тратить массу собственных денег и сил.

Я всегда говорил, что Джидда — это «врата в преисподнюю» и жить здесь чертовски интересно, ибо вам приходится иметь дело с полумиллионом дьяволов, которые тут хозяйничают.

Это действительно дьяволы, но нередко дьяволы удивительно обаятельные! Каким бы черствым и закоренелым эгоистом ты ни был, тебе не устоять, когда он приходит и говорит тебе:

«Друг, если можешь, помоги мне. У меня беда...»

Сколько раз я хотел бежать отсюда куда глаза глядят, но они подходили ко мне и всегда говорили одно и то же:

«Друг, если можешь, помоги нам построить рыбоконсервный завод...»

Саудовская Аравия ежегодно импортирует на 20 миллионов долларов рыбных продуктов. Без этого импорта страна может свободно обойтись, ибо она сама в состоянии добывать в своих собственных морях всю необходимую ей рыбу. Она может обеспечить себя рыбой, но это будет еще не скоро...

Мой содиректор из «Рыбной компании Саудовской Аравии» — человек довольно завистливый, и я неоднократно подмечал, что больше всего на свете он хочет, чтобы меня поскорее вздернули...

Несколько дней назад я забыл на заводе кое-какие вещи, и мне пришлось послать за ними своего сына Нильса Фристиана. Сам я лежал в постели с прострелом. Мальчик должен был все объяснить вахтеру, который, кстати, прекрасно знает его, но вахтер куда-то ушел. Тогда Нильс поговорил с одним из рабочих и, поскольку дверь не была заперта, вошел в комнату, взял вещи, показал их этому рабочему и отправился домой.

На другой день, когда я еще лежал в постели, ко мне пришел Батази (мой содиректор) и злорадно известил меня о том, что произошло

ужасное несчастье: как ему рассказал вахтер, мой сын вломился вчера на фабрику и украл несколько ценных вещей. К сожалению, ему пришлось заявить об этом в полицию, что может иметь для меня и моего сына весьма печальные последствия.

В последнем я нисколько не сомневался. За самое мелкое воровство вору отрубают, руку.

Надо было действовать, и действовать как можно быстрее. Я отправился к Буфали. Буфали — это один из самых влиятельных коммерсантов Джидды. Выслушав меня, он сказал:

— Я знаю о твоих отношениях с Батази и знаю о твоих отношениях с принцем Мошефом. Принц много раз говорил о тебе, и мне известно, что он доволен тобой. Я сейчас напишу Батази письмо, и ты сам отвезешь ему это письмо. Он наверняка находится сейчас в доме своего отца. Он всегда появляется там, когда ему нужна моральная поддержка, чтобы устроить кому-нибудь очередную пакость.

Я взял письмо и отправился в путь. Нужный мне дом я нашел как раз в тот самый момент, когда из подъезда выходил Батази. Под мышкой у него был большой портфель, битком набитый всякими бумагами, и он попытался проскользнуть незаметно мимо меня. Но я окликнул его, и не успел он сесть в свою машину, как я сунул ему под нос письмо Буфали и сказал, что ему следует прочитать его, прежде чем он совершит какой-нибудь опрометчивый шаг.

Батази надменно взглянул на меня. Но потом все-таки решил прочитать письмо. И не успел он дочитать его до половины, как посмотрел куда менее надменно. А когда дочитал до конца, сказал мне самым нежным тоном, на какой только был способен:

— Конечно, Фрис, мы всегда были с тобой лучшими друзьями. И разумеется, я сделаю для тебя все, что смогу. Сейчас съездим с тобой к Буфали, и я ему все объясню. Это пустяковое дело, и мы сейчас его легко уладим.

— Да, лучше поедем вместе, а то Буфали просто прикажет привести тебя к нему.

У Буфали был зуб на Батази; он знал кое-что о его прошлом, которое было далеко не безупречным. Как я потом узнал, об этом и писал Буфали, а кроме того, он предлагал Батази раскрыть наконец свои карты или хотя бы вести борьбу, как подобает порядочному человеку. В противном случае Буфали будет вынужден поставить обо всем в

известность принца Мошефа, и тогда Батази придется иметь дело с самим принцем.

На первый взгляд это помогло... Но только на первый взгляд. Батази не желал вести борьбу, как подобает порядочному человеку. И он предпринял новую попытку разделаться со мной. В тот самый день, когда он сидел у нас и говорил, что хочет послать нашей дочери в Данию поздравление с рождеством, он подкупил одного высокопоставленного сотрудника полиции, чтобы тот подписал приказ о моем изгнании из страны. Обвиняли в том, что я избил одного из служащих завода. Сумма подкупа составила 7 тысяч риалов.

К счастью, меня вовремя предупредили, и я заплатил еще большую сумму еще более высокопоставленному чиновнику. Этот чиновник известил Батази о том, что сегодня хочет с ним встретиться у себя в кабинете.

Когда Батази пришел, я уже сидел в кресле, пил прохладительные напитки и курил большую сигару. По бокам стояли два шейха, друзья Буфали, в качестве моих телохранителей.

У Батази было очень забавное лицо, когда он увидел меня. Я даже не представлял себе, что оно может быть таким желтым и длинным.

И ему пришлось уплатить еще 4 или 5 тысяч риалов за «верноподданнейшее прошение разрешить ему взять обратно обвинение против Олафа Фриса, поскольку оно было, как впоследствии оказалось, основано на непроверенных данных».

— Итак, на этот раз опасность миновала. Наверное, эта история утомила вас, но я рассказал ее для того, чтобы вы поняли, какая мерзкая атмосфера царит в здешних деловых кругах. Теперь я лягу в постель и буду лечить свой прострел. А вы можете остаться у нас ночевать. Утром продолжим наш разговор.

— Одну минутку. Вы ничего не слышали о белом рабе, который, как утверждают, живет где-то здесь, в Саудовской Аравии? Говорят, он швед.

— Да, это Хедендаль, — спокойно ответил Фрис, словно не видел ничего особенного в том, что шведов стали обращать в рабство.

Я удивленно воззрился на него:

— И вы даже знаете, кто он такой?

— Конечно, знаю, но давайте поговорим об этом завтра утром. Это очень длинная история.

БУРИЛЬЩИК КОЛОДЦЕВ

Нарушенный контракт. — Бурение колодцев под солнцем пустыни. — На перекрестке двух дорог. — Язычник среди правоверных

Когда на следующий день Фрис рассказывал мне о судьбе бурильщика колодцев Хельге Хедендале, неожиданно поднялась песчаная буря. Госпожа Фрис плотно закрыла все двери и окна, а щели заткнула тряпками. Но бороться с мельчайшим песком пустыни — напрасная затея. Скоро толстый слой песка лежал в чашках, на коврах, одеялах, столах, стульях и отвратительно скрипел на зубах, когда мы ели печенье.

Если песчаная буря так свирепствует в комнате, то каково, если она застанет тебя в пустыне? — думал я после. Но пока Фрис рассказывал о Хельге Хедендале, я совсем не замечал песка, который лез в глаза и уши, в волосы и бороду.

Вот что рассказал Фрис:

Сорокалетний швед Хельге Хедендаль, по профессии бурильщик колодцев, заключил в 1958 году контракт на шесть месяцев и приехал в Саудовскую Аравию. Шесть месяцев превратились теперь в два года, но, несмотря на все усилия, Хедендаль до сих пор не может покинуть страну.

Он живет в глубине Саудовской Аравии, и, сколько он ни пытался уехать из пустыни, ему чинят всевозможные препятствия. Пока он там работал, оказалось: просрочена его виза. А денег на поездку в Джидду, чтобы продлить визу, у него не было, так как все его сбережения задержали власти в Джидде. Идти же одному пешком через пустыню без гроша в кармане равносильно самоубийству, причем существуют сотни способов более быстрого и безболезненного лишения себя жизни.

Все эти два года Хедендаль работал в районе города Эт-Таифа, где почти совсем не было воды. Прежде чем бурильщик достигнет водоносного слоя, он должен преодолеть восьмиметровый слой скальной породы, а дневная выработка составляет от пяти до восьми сантиметров. Нередко бурение не дает результата: когда бур проходит скальную породу, вдруг оказывается, что под нею нет ни капли воды, и все нужно начинать сначала. В этих чудовищно трудных условиях работы Хедендаль нашел довольно много воды, но местным шейхам этого мало.

Они требуют все новых и новых колодцев и потому не отпускают Хедендаля домой...

Несмотря на фатальное невезение, в одном Хеден-далю все-таки повезло: ему не удалось полностью обеспечить водой этот высушенный солнцем район. В противном случае он, вероятно, был бы уже на том свете. Ведь здешние фанатики считают его «неверной собакой», и они просто покончили бы с Хедендалем, если бы он не был им больше нужен. За два года ему пришлось немало вынести. На его долю выпали нечеловеческие страдания и унижения. Хедендаль не умеет говорить по-арабски, а когда он пытается протестовать, его оскорбляют. Конечно, в правовом отношении он не совсем раб, но иначе не назовешь человека, которого каждый может оскорбить или убить, а условия его жизни еще хуже, чем у настоящего раба.

Пока Фрис рассказывает, я неотступно думаю об одном: как выручить Хедендаля из беды.

Однако мне прекрасно известно, что немусульманам доступ в глубь Саудовской Аравии фактически закрыт и местные власти воздвигают на пути смельчаков непреодолимую стену, если их интересам грозит хоть малейшая опасность. И тут у меня промелькнула мысль, что, пожалуй, мне самому стоит на время принять ислам и, выдав себя за мусульманина, совершить поездку через пустыню внутрь страны. И кто знает, быть может, удастся помочь Хедендалю.

Я поделился своими мыслями с Фрисом, но он только покачал головой.

— Чтобы стать мусульманином, вам потребуется от четырнадцати до восемнадцати месяцев. Прежде всего придется затвердить наизусть почти весь Коран от корки до корки, хотя бы вы не понимали ни единого слова. А Коран, заметьте себе, написан по-арабски. Вы должны бешеной скороговоркой прочитывать целые страницы. Кроме того, вам нужно будет научиться правильно произносить молитвы и правильно бить поклоны в определенные часы, что само по себе потребует долгого и мучительного труда. Не думайте, что все это так просто. Когда вы объявите о своем решении принять ислам, за вами установят слежку и

будут шпионить днем и ночью минимум восемь месяцев. О каждом вашем шаге будут сообщать в специальную мусульманскую полицию: что вы делаете и как готовите себя к новой религии. Если все это время вы не сумеете соблюдать заповеди Корана на все сто процентов, вы никогда не станете мусульманином. Кстати, у Ларса Эйка с этой затеей тоже ничего не вышло.

— А кто такой Ларс Эйк?

— Вы его не знаете? Он тоже швед. Живет в Джидде уже много лет.

— Как? Еще один скандинав в Джидде?

— Да. И прежде чем вы впутаетесь в дело Хельге Хедендаля, вам нужно послушать, что произошло с Ларсом Эйком.

Ларс Эйк пробыл в Саудовской Аравии около десяти лет. Сейчас ему под шестьдесят. Он родился в Стокгольме, сын одного известного финансиста. Получив диплом, он унаследовал от деда большое состояние и уехал в Калифорнию, где проучился тринадцать лет и стал преподавателем в университете. Это человек с добрым сердцем и огромным обаянием, но в США его настигла злая судьба в образе одной американской дамы, на которой он женился. Родился сын. Ларе вскоре развелся с женой, женился вторично на голландке, порадовался рождению второго сына и снова развелся. Он вернулся в Швецию, оставив большую часть своего состояния в США, чтобы его дети могли получить образование. И оба они стали процветающими бизнесменами.

В Швеции Эйк решил вложить деньги в тяжелую промышленность и почти разорился. После войны он поступил работать в компанию, которая продавала в Саудовскую Аравию санитарное оборудование для больниц. Ему пришлось переехать на Аравийский полуостров, и одно время он даже был директором местного отделения компании. Между прочим, ему пришлось тесно сотрудничать с зятем наследного принца Фейсала, который сразу понял, что имеет дело с очень умным человеком.

Я уже говорил, что он пытался стать мусульманином, но неудачно. Дело в том, что он слишком одаренный для этого человек! Всякого, кто собирается пробыть здесь много лет, почти насильно заставляют принять ислам. И вот после того как Эйк довольно основательно изучил Коран, ему дали учителя, весьма искушенного в вопросах мусульманской религии. Но вышло так, что, едва учитель начинал обосновывать тот или иной догмат ислама, его красноречивый ученик немедленно начинал диспут и в конце концов чуть не обратил своего

учителя в протестантизм! Убоявшись гнева аллаха, тот совсем перестал ходить к Эйку. Поэтому Эйк до сих пор не стал мусульманином.

Однажды Эйку пришло в голову создать предприятие по бурению колодцев, которое обеспечило бы водой умирающую от жажды Саудовскую Аравию. Он и его компаньон-саудиец закупили в Швеции буровое оборудование и привезли его в Джидду. Потом они наняли в Швеции хорошего мастера-бурильщика. Это и был Хельге Хедендаль, тихий, скромный и благочестивый человек, который любил жить так, чтобы не быть никому обузой.

Ему было поручено начать бурение в районе города Эт-Таифа, где предприятие Ларса Эйка собиралось искать воду. С Хедендалем был заключен на полгода контракт, по которому ему причиталось 1800 риалов в месяц.

В Эт-Таифе много денег не истратишь, и Хедендаль попросил, чтобы большая часть заработной платы перечислялась на его лицевой счет в Джидде, а остальные деньги отсылались в Швецию его бывшей жене.

Срок, предусмотренный контрактом, уже близился к концу, и Хедендаль, которому не хотелось больше оставаться в Эт-Таифе, написал письмо в Джидду. В этом письме он просил предприятие прислать ему определенную сумму денег, чтобы он мог нанять людей и проехать через пустыню в Джидду. Однако Хедендаль не знал, что Ларе Эйк уже расстался с этим предприятием.

Хедендаль написал одно письмо. Написал второе. Ответа не было. Он написал много писем.

Но это был в полном смысле слова глас вопиющего в пустыне.

Срок действия контракта истек, но Хедендаль должен был продолжать бурение без всякого контракта, ибо в противном случае он просто умер бы с голоду.

К счастью, он познакомился в Эт-Таифе с одним иорданцем и упросил его отыскать в Джидде Эйка. Лишь через год этот человек попал в Джидду и нашел Эйка, но Эйк сообщил ему, что предприятие пустило деньги Хедендаля в оборот, а потом прогорело. Однако часть денег Хедендаля находилась в министерстве труда, и на них Эйк должен был попытаться спасти своего земляка...

Ларс Эйк в арабском костюме

Торговец коврами

ШВЕДКА В АРАВИЙСКОМ ГАРЕМЕ

*Завидный жених. — Великое счастье — Обительницы гарема. —
Король занят. — Аравийская свадьба*

Я провел несколько недель в Джидде в гостеприимной семье Фриса и за это время услышал немало историй о европейских девушках, которые влюблялись в смуглых черноглазых шейхов Саудовской Аравии, выходили замуж и уезжали с ними на их далекую родину в уверенности, что они для мужей тоже «великое счастье». Им казалось: под синим небом Востока, в тени колышущихся пальм и под журчание фонтанов они до конца жизни будут наслаждаться взаимной любовью и роскошью. Но все это сплошная чепуха и дешевая романтика, которой пичкают легковверных читательниц еженедельные бульварные газеты. Скандинавы, живущие в Джидде, всегда подтвердят вам этот весьма прискорбный факт. До сих пор в одном из многочисленных гаремов Саудовской Аравии живет одна молодая шведка. Ее история трагична, но в ней заключена хотя и горестная, но очень поучительная мораль, и потому ее нельзя не рассказать.

Несколько лет назад она встретила молодого смуглого красавца, который был сыном одного богатого шейха из внутренних областей Саудовской Аравии. Он приехал в Европу для завершения образования и среди прочих стран посетил Швецию. В одном известном ресторане Стокгольма он встретил очаровательную златокудрую девушку. Они немножко танцевали, немножко флиртовали. Она искренне влюбилась в него, и, когда он спросил, согласна ли она стать его женой, девушка решила, что это во всех отношениях завидный жених, и сказала «да».

Все предостережения, которые ей пришлось выслушивать перед свадьбой, отскакивали от нее как от стенки горох, настолько она была опьянена радостью. Впереди ее ожидало великое счастье...

У молодой девушки было немало претендентов на ее руку, и среди них один шведский летчик. Он сам бывал на Ближнем Востоке и теперь пытался удержать ее от неразумного брака.

— Оставь его, — говорил летчик, — или ты всю жизнь будешь в этом раскаиваться. Пройдет немного времени, и он возьмет себе еще нескольких жен, если только у него уже нет одной, а то и двух. И вне зависимости от того, одобряет он ношение чадры или не одобряет, тебе

всегда придется закрывать лицо в те редкие дни, когда тебя будут выпускать из гарема. И добро бы ты еще выходила замуж за одного из аравийских коммерсантов, которые живут в городах! Так нет же, тебе понадобился сын шейха, а шейхи живут в пустыне, и тебе придется следовать законам и обычаям пустыни. Ему всегда будет мало одной жены, что же касается той единственной функции, которую призваны выполнять арабские женщины, то в этом отношении ты никогда не сможешь выдержать их конкуренции, хотя бы ты десять лет изучала секс. Пойми, что у них женщину с детства учат, как услаждать мужчину. Больше она ничего не умеет делать, и от нее больше ничего не требуют.

Но все уговоры были напрасны. Ведь это говорил человек, который сам был в нее влюблен, и юная шведка не придавала значения его словам, полагая, что он просто защищает свои собственные интересы.

В 1953 году, когда она вместе с мужем уехала в Саудовскую Аравию, ей было двадцать лет. Сейчас она мать шестилетнего сына и самая несчастная женщина на свете.

Через несколько лет она приехала в Бейрут вместе с мужем и его двумя женами, на которых он за это время женился, и неожиданно встретила в отеле своего бывшего жениха, предостерегавшего ее когда-то от неразумного брака. На ней была чадра, но летчик узнал ее, и бедняжка, рыдая, рассказала ему свою историю. К сожалению, он оказался прав.

— Мне очень плохо, и я просто не знаю, что делать. Со мной обращаются как с животным, а скоро будет еще хуже. Я в последний раз в Бейруте. Мы уезжаем в пустыню, муж сказал, что возьмет себе еще двух жен. Но кроме меня у него уже есть две, значит, ему придется развестись со мной. Коран ведь разрешает мусульманам иметь одновременно не больше четырех жен. И тогда я стану служанкой и рабыней остальных его жен.

— Почему же ты не идешь к шведскому консулу? Ведь он может помочь тебе вернуться в Швецию. И я тоже охотно помогу тебе.

— Я не могу уехать отсюда. Не могу бросить здесь сына.

Эту молодую женщину уже никто не спасет. Единственная ее надежда — сын. То обстоятельство, что у нее есть сын, может несколько облегчить и скрасить ее жизнь. Уже через семь-восемь лет мальчик начнет пользоваться не только влиянием в доме, но и властью. Он старший из сыновей шейха, а первенец в аравийской семье находится на

совершенно особом положении. Никто так не любит своих сыновей, как отцы в Саудовской Аравии, и никто так не почитает своих матерей, как дети в Саудовской Аравии. Поэтому можно надеяться, что, когда мальчик вырастет, он сделает существование своей матери более сносным. Она никогда не вырвется на свободу, но сын наверняка принесет ей больше радости, чем муж.

Трагическая судьба этой несчастной женщины не является чем-то из ряда вон выходящим. Однако за последние годы положение замужней женщины в Саудовской Аравии несколько изменилось к лучшему. Образованные мужчины в крупных портовых городах и уж во всяком случае государственные служащие имеют только одну жену.

Можно смело утверждать, что король Сауд отнюдь не является воплощением всяческих добродетелей и рыцарем без страха и упрека, с которого его высокопоставленным подданным можно было бы брать пример.

Как известно, Коран разрешает правоверному иметь только четырех жен, зато он может завести себе столько любовниц, сколько позволяют его возможности. А возможности у короля Сауда поистине безграничны: говорят, он становится отцом через каждые четырнадцать дней и у него есть два секретаря, которые ведут счет его бракам, разводам и детям.

Развестись здесь пара пустяков. Если мусульманин хочет расстаться со своей женой, он выходит из дому, устремляет взор на небеса и трижды возглашает, что не считает больше себя связанным браком с такой-то женщиной (имярек). После этого он имеет право выгнать свою бывшую жену со двора или оставить ее в качестве служанки или наложницы.

Как утверждают, король Сауд почти ежедневно женится на новой девушке, а на другое утро разводится с нею, чтобы набраться сил к следующей ночи.

Заведена строжайшая бухгалтерия на всех тех женщин, которые удостоились благосклонности короля, и, когда у его бывших жен родятся

дети, придворные считают на пальцах, не состояли ли они в родстве с королем Саудом.

Однажды король Сауд изволил посетить Джидду. И хотя он пробыл здесь не больше четырех часов, он женился на шестнадцатилетней девушке, а перед отъездом развелся с нею. С тех пор он несколько раз приезжал в город, и каждый раз он женился на той же самой девушке, а потом разводился с нею. Таким образом, в какой-нибудь злостной неверности его обвинить никак нельзя! А если девушка забеременеет, то, возможно, она удостоится чести переехать в Эр-Рияд, в королевскую резиденцию, и будет жить в одном из домов при королевском гареме.

Фактически здешним женам совершенно нечего делать в своем доме. Они не готовят еду и не убирают комнаты. Это входит в обязанности рабов. Обычно женам не разрешают даже заниматься каким-нибудь рукоделием. Они никогда не ходят на рынок и не делают никаких покупок. А без мужа даже не могут выйти на улицу, хотя бы и под чадрой.

Их единственное времяпрепровождение — бесконечные беседы друг с другом на самые различные темы. Поскольку они не читают газет, первостепенное значение имеет устный отчет о тех или иных событиях. Сидячий образ жизни приводит к тому, что еще в самом юном возрасте они быстро полнеют, но в соответствии с арабскими представлениями о красоте это вовсе не недостаток.

Оставаться без чадры женщина может только в гареме или в гостях у европейских друзей мужа, но последнее случается чрезвычайно редко.

Однако нельзя отрицать, что за последние десять лет в наиболее передовых общественных кругах женщина стала пользоваться немного большей свободой, чем раньше, и теперь само государство предпринимает некоторые шаги в этом направлении. В 1957 году было введено обязательное обучение для девочек, но только до двенадцати лет. А дальше все на усмотрение родителей, учению приходит конец, если у них не хватает денег и культуры, чтобы нанять для своей дочери частного педагога или послать ее в школу.

Если местный житель встречает европейца, он обычно спрашивает, сколько тот заплатил за свою жену. И когда европеец отвечает, что не заплатил за нее ни копейки, он позорит не только себя, но и свою жену, ибо, раз ее отдали бесплатно, значит, у нее нет никаких достоинств.

Мусульманин всегда честно платит за каждую жену, которую берет себе. Но цены бывают разные: чернокожая жена (например, из Судана) стоит от 700 до 10 тысяч крон, а стоимость арабской женщины достигает 20 тысяч крон.

Когда житель Саудовской Аравии женится, он устраивает большой праздник. Возводится огромный разноцветный шатер, который вмещает бесчисленное множество друзей и знакомых. Начинается пир с невероятным количеством всяких яств, а гостей весь вечер развлекают певцы и танцовщицы.

Уже ближе к ночи в шатре появляются двое мужчин: у каждого в руках небольшая дощечка. На одной дощечке написано, сколько денег было заплачено за девушку. Но нередко случается и так, что жених (по предварительной договоренности с родителями невесты) вдвое завышает ту сумму, которая была действительно уплачена. Никто не должен подумать, что будто его жена стоит дешево. На другой дощечке написано, на какую сумму родители жениха и невесты дали молодым приданого. Как говорят, эта цифра тоже бывает несколько завышена.

Демонстрация дощечек — гвоздь всей свадебной программы. Она свидетельствует о том, что к святому таинству брака мусульмане в общем относятся весьма по-земному.

В то же время в Саудовской Аравии есть много бедняков, которые всю жизнь мечтают о том, чтобы накопить денег на жену. Однако нередко эта мечта оказывается несбыточной. Свадьба тоже обходится здесь чудовищно дорого. А всякое незаконное сожителство с лицами другого пола карается по закону вплоть до применения смертной казни.

АЛЬ-КАПОНЕ ДЖИДДЫ

Король на троне. — Продавец апельсинов, ставший мультимиллионером. — Отцовская гордость. — Убийство между двумя чашками чая. — Фрис ошеломлен

Салем бен-Омар — король гангстеров Джидды.

Любой обитатель Саудовской Аравии, желающий преуспеть в торговле, должен прибегнуть к подкупу и прочим темным махинациям, и, следовательно, для местного Аль-Капоне здесь открывается самое широкое поле деятельности. Как Аль-Капоне в годы «сухого закона» заправлял всей продажей спиртных напитков в США, точно так же Салем бен-Омар захватил в свои руки большую часть импорта страны как законного, так и контрабандного.

Едва ли кто-нибудь отважится сейчас открыто обвинить этого арабийского Аль-Капоне в противозаконных деяниях (в моей книге он выступает под вымышленным именем). А если такой отважный и найдется, то он рискует разделить судьбу всех тех, кто обвинял Аль-Капоне в руководстве гангстерским трестом. Как известно, американский король гангстеров обстрепывал свои делишки настолько тонко, что его не могли повесить ни за одно из тягчайших преступлений, в которых он не без основания подозревался. Аль-Капоне удалось посадить за решетку только потому, что в его бухгалтерских книгах были найдены кое-какие неточности и его обвинили в неправильной уплате налогов. К счастью для американского правосудия, Аль-Капоне умер в тюрьме, отсидев лишь девять лет из назначенных ему двенадцати.

А вот Салем до сих пор на свободе, ибо власти никак не могут доказать, что он когда-нибудь преступал закон. Напротив, это один из самых уважаемых граждан, снискавший особую популярность благодаря той огромной помощи, которую он оказывает бедным. Его даже можно сравнить с Робин Гудом, который отнимал сокровища у богатых только для того, чтобы раздавать их нуждающемуся люду.

Салем бен-Омар — пакистанец, он родился в Карачи. В школу ему пришлось ходить всего лишь полгода. Он не умеет ни читать, ни писать, но дела у него всегда в полном порядке.

Мальчишкой он прибежал в порт и зарабатывал себе на жизнь тем, что носил багаж, выполнял разные поручения моряков, продавал сигареты и жевательную резинку. Когда ему исполнилось четырнадцать лет, он стал коком на небольшом парусном судне, но, очевидно, умение готовить пищу было одним из тех немногих талантов, которые полностью отсутствовали у юного Салема. Во всяком случае, когда судно пришло в Джидду, его высадили на берег, даже не заплатив денег. Правда, Салем не много на этом потерял, так как на судне он развил кипучую коммерческую деятельность: матросам, оставшимся без курева, продавал по бессовестно высокой цене сигареты, которые по дешевке скупал в различных портах.

В Джидде он стал торговать апельсинами, неплохо заработал, сел на корабль и вернулся в Карачи. Благодаря связям, которые ему удалось установить по дороге домой в портовых городах, он всерьез занялся коммерцией. В двадцатилетнем возрасте он женился на египетской девушке, своей ровеснице, которая родила ему семерых детей, но все семеро умирали вскоре после рождения.

Когда Салему было около тридцати, он снова переехал в Джидду, ибо здесь перед ним открывались более широкие коммерческие возможности. Жена оставалась в Пакистане, но каждый год либо он приезжал к ней на несколько месяцев, либо она к нему.

Восемь лет назад у него родилась любимая дочь — Фарьял, и с тех пор счастье все чаще стало улыбаться Салему. Деньги рекой потекли в его карманы, и каждый год в день рождения маленькой Фарьял он дарил ей тысячу фунтов стерлингов и закатывал пир, который стоил по крайней мере еще тысячу. Но однажды в это дело вмешалась его жена и посоветовала ему тратить деньги более благоразумно.

И тогда, чтобы отблагодарить провидение, сохранившее ему дочь, и выразить любовь к своей далекой родине, Салем построил в Пакистане школу, взяв на себя все текущие расходы. Школа эта получила имя Фарьял. Когда Фарьял подросла, она поступила сюда учиться. Кроме школьных педагогов у нее два домашних учителя и английская гувернантка.

В школе к Фарьял относятся так же, как и ко всем остальным детям, но отец постоянно внушает ей, что, поскольку школа носит ее имя, она должна всегда быть первой ученицей. Учителя утверждают, что лучше Фарьял никто не учится, но искренни ли они, этого никто не знает.

А между тем ее неграмотный отец живет за тысячи километров от родной страны, делает деньги и тоскует о своей семье, оставшейся в далеком Пакистане.

Эль-Магари дал мне рекомендательное письмо к Салему, и я решил непременно зайти к этому некоронованному владыке Саудовской Аравии, чтобы снискать его расположение и заручиться поддержкой. Кроме того, мне хотелось составить собственное представление о человеке, в котором любовь к семье прекрасно уживается со страстью ко всевозможным коммерческим махинациям. Однако расспрашивать о Хедендале я его не собирался, так как с меня было вполне достаточно и тех сведений, которые я получил от Фриса.

Итак, мне даровано разрешение посетить Салема в одной из его больших вилл. Как и все дома богачей, вилла обнесена высокой каменной стеной, которая, несомненно, обеспечивает в какой-то мере безопасность хозяину.

Я звоню, но, как обычно, проходит немало времени, прежде чем за стеной слышится слабый шорох. У меня неприятное ощущение, будто кто-то внимательно наблюдает за мной, но в этом нет ничего удивительного. В любой подобной стене всегда существует несколько смотровых отверстий, через которые посетителя тщательно изучают, прежде чем впустить его в дом.

Несколько минут спустя тяжелые ворота медленно отворяются. Мальчик-слуга говорит, что я могу пройти. Его хозяин ждет меня.

Салем сидит во дворе под сенью большого олеандра. На нем грязные брюки и ядовито-желтая рубашка, расстегнутая, мятая и грязная. На голове феска неопределенного цвета. Он сидит на трехногом стуле с высокой спинкой, похожем на трон. Здесь этот повелитель контрабандистов и спекулянтов принимает доклады и донесения, отдает приказы и распоряжения всем тем людям, которые один за другим приходят и снова уходят. Это многочисленные агенты, которые постоянно держат своего повелителя в курсе всех интересующих его событий.

Салем просит извинить его за то, что он не встретил меня у ворот. Но он не совсем здоров. И очевидно, это соответствует действительности, так как глаза его горят каким-то лихорадочным блеском, но, возможно, они у него всегда такие. Однако лицо его, почти абсолютно круглое и небритое, отнюдь не пленяет своей красотой. Салем небольшого роста. На ногах у него пара сандалий, и я замечаю, что ногти на его ногах совсем желтые, словно вырезаны из коровьего рога.

Вокруг него прыгают два кокер-спаниеля, которых он выписал из Гамбурга. Это еще щенята, но к каждому приставлен мальчик-слуга, который буквально не спускает глаз со своего четвероногого господина.

Между тем Салем спрашивает о моем самочувствии и выражает радость по поводу того, что иностранный писатель и фоторепортер пожелал зайти к нему. «Для меня это большая честь», — говорит он.

На столе появляются сигареты, кока-кола и немного позднее чай с козьим молоком, а хозяин тем временем расспрашивает меня о том, с какой целью я приехал в Саудовскую Аравию. Я рассказываю ему о своих планах, но тщательно обхожу вопрос о работоторговле. У меня есть все основания предполагать, что Салем является одним из главных акционеров этого весьма доходного предприятия.

Пока я рассказываю, Салем успевает продиктовать четыре телеграммы: две в Нью-Йорк — договоренность о предстоящей поездке, одну в Париж и одну в Гамбург с просьбой выслать наиболее эффективное средство против конъюнктивита, которым заболел его кокер-спаниель.

Кроме того, он принимает экстренные сообщения от трех своих агентов, которые, задыхаясь, подбегают к его трону и возбужденно нашептывают ему какие-то известия чрезвычайной важности. Однако Салем по-прежнему сдержан и спокоен: это опытный стратег, который терпеливо выслушивает всех, а потом сам принимает окончательные решения в соответствии со своими замыслами и предназначениями.

При этом Салем ухитряется слушать и меня: время от времени даже задает вопросы и вставляет замечания на превосходном английском языке. По его знаку слуга вновь наполняет чаем мою чашку и подносит блюдо с печеньем. Салем тоже берет несколько печений и, запихнув их в рот, чуть приподнимает обе руки над головой. Слуга наготове и быстро протирает каждый палец хозяина влажным полотенцем. Стоит ему протянуть правую руку, и он уже держит кальян.

А когда его начинают раздражать часы, он просто снимает их, протягивает назад и роняет — слуга все равно успеет подхватить их до того, как они коснутся земли.

Иногда Салем просит извинить его: он должен быстро уладить одно «маленькое дельце». Мне уже порассказали о том, что каждое такое «маленькое дельце» приносит Салему не менее 100 тысяч крон дохода: менее крупные суммы его просто не интересуют.

Когда поток посетителей прекращается на несколько минут и наступает небольшая передышка, Салем полностью завладевает разговором. Теперь это уже монолог, и Салем, изредка прикладываясь к кальяну, рассказывает о своей семье.

— По правде говоря, я очень скучаю без жены и дочери. Они приезжают ко мне лишь раз в год, на три месяца, пока школы Карачи закрыты на каникулы. Когда они снова уезжают, я чуть не умираю от тоски.

— А почему вы не перевезете их сюда?

— Сюда? Я не хочу, чтобы моя жена и дочь жили в Саудовской Аравии. Я слишком хорошо знаю, что творится в Джидде. Вспомните о той унижительной роли, которую играет женщина в этой стране. Вспомните, наконец, о наших гаремах...

Да, Салем бен-Омар, пожалуй, разбирается в этих вопросах лучше, чем кто бы то ни было, и, наверное, не случайно...

Салем замолкает. Возможно, он чуть было не проговорился о том, что сам поставляет женщин в гаремы страны. Потом продолжает свою мысль:

— И я совсем не хочу, чтобы здесь моя дочь вышла замуж. Пусть она лучше живет в Пакистане.

Салем явно не собирается говорить о том, чем он торгует. Когда я спрашиваю, правда ли, что он мультимиллионер, он отвечает:

— Нет, я совсем не богат. Будь я богат, я бы давно стряхнул прах этой страны со своих ног.

А потом он начинает рассказывать о своей маленькой дочери. Когда она была здесь в последний раз, Салем взял ее с собой в Эр-Рияд, чтобы представить королю Сауду. И дальше он вспоминает один очень забавный эпизод, который произошел в королевском дворце.

— Папа, почему все целуют ему руку? — спросила девочка на языке урду.

Король Сауд поинтересовался, что сказала девочка. Салем покраснел и ответил:

— Моя дочь говорит, что, как ей кажется, ваше величество очень добрый король.

— Нет, папа, — возразила девочка, на этот раз по-арабски, — об этом я просто ничего не знаю, но, по-моему, целовать руку ужасно гадко. В Пакистане так не принято.

— Видите, — сказал Салем гордо, — всего восемь лет, а уже разбирается в вопросах гигиены!

К обитателям Саудовской Аравии, во всяком случае к представителям ее делового мира, Салем относится с некоторым предубеждением. Они слишком расточительны и бросают деньги на ветер, говорит он. И с чего они так загордились? Ведь им просто повезло. Но вот что они будут делать, когда кончится нефть? Чем станут торговать? Верблюжьим навозом!

От американцев он тоже не в восторге и называет их «откормленными тварями». Англичане ему нравятся больше: он говорит, что они гордецы, но им хоть есть чем гордиться. Французы тоже гордецы, но с той только разницей, что гордиться им абсолютно нечем.

Двадцать лет назад Салем сам ходил с лотком и торговал апельсинами. Теперь он импортирует дешевые фрукты из Судана и перепродает их, получая от трехсот до тысячи процентов прибыли. Это лишь одна из форм торговли, которую ведет Салем.

В городе у него три большие виллы, каждая из которых по убранству не уступит любому дворцу. Однако днем его можно чаще всего встретить в небольшом грязном магазине на одной из базарных улиц. И очевидно, лишь в знак особого расположения Салем разрешил мне посетить его на этой вилле.

В магазине у него стоит заветный сундучок, купленный восемь лет назад. Каждое утро он наполняется монетами и кредитками. Это вовсе не выручка за предыдущий день: все эти деньги доставляются сюда из его «казны». Среди тех, кто частенько наведывается в этот магазин, много нищих, в том числе молодых девушек. Мужчина может получить здесь

полриала, девушка — десять и даже двадцать риалов, а если она красива, то, как утверждают злые языки, Салем дает ей довольно толстую пачку денег и делает знак, чтобы она поднялась вверх. Там они побеседуют с глазу на глаз, и Салем попытается выяснить, чем он может ей помочь!

Многие бедняки Джидды уверены, что Салем — прекраснейший из людей, и никогда не допустят, чтобы хоть волос упал с его головы.

Кроме сундучка в магазине Салема стоит письменный стол, за которым он оформляет некоторые свои торговые операции. У многих чиновников и дельцов Саудовской Аравии есть очень своеобразные письменные столы. Из той части стола, которая обращена к посетителям, выдвигается ящик, куда они как бы ненароком складывают добровольные даяния. Естественно, такой ящик есть и в столе Салема, но сделан он только ради проформы. Салем на мелочи не разменивается. Он занимается делами совсем иного масштаба. Большой бизнес! Вот его амплуа.

Говорят, года два назад Салем закупила Таиланде целое судно риса. В соответствии с контрактом он должен был уплатить за весь груз наличными, как только рис будет доставлен в порт назначения. Судно прибыло, рис был выгружен, и вот наступил момент, когда покупатель должен был осмотреть товар и уплатить деньги. Салем пришел в порт, ознакомился с качеством продукта и заявил, что рис совершенно несъедобный (хотя это самый лучший рис, какой только можно найти на Дальнем Востоке).

Существует закон, по которому товар, ввезенный в страну, уже не может быть отправлен обратно, а поскольку Салем наотрез отказался заплатить указанную в контракте сумму, дело приняло такой оборот, что вынужден был вмешаться таиландский консул.

Тогда Салем мобилизовал несколько своих шпионов, и те вскоре сообщили, что несколько лет назад представитель Таиланда завел в Джидде некоторые весьма предосудительные связи. Салем немедленно отыскал людей, которые за определенную мзду согласились выступить в качестве свидетелей против консула, и злополучный таиландец в тот же день оказался за решеткой. Здесь он провел полгода. А таиландский экспортер довольно быстро пришел к выводу, что лучше продать Салему рис за полцены, чем оставить его гнить на причале Джидды.

Но хотя тайландский рис был, таким образом, импортирован по очень дешевой цене, потребители ничего не выиграли, ибо Салем прекрасно знал (и собирался извлечь из этого выгоду), что в результате его мошеннической проделки Таиланд усилит контроль над экспортом в Саудовскую Аравию и, следовательно, цены еще более возрастут.

У Салема всегда есть деньги для вербовки новых и новых шпионов. Когда ему сообщают о том, что кто-то из его сограждан переживает финансовый кризис, он лишь задумчиво кивает головой, но почти никогда не наносит удара сразу. Он предпочитает выжидать. И лишь после того как его жертва пускается в особенно рискованные спекуляции, последствия которых она никак не может предвидеть, Салем наносит смертельный удар, если только он не согласится принять соответствующую мзду за то, чтобы обращаться с жертвой «по-человечески».

Нищих он одаривает деньгами вовсе не из любви к ближнему. Многие из них постоянно снабжают его всевозможными сведениями, которые позволяют Салему плести свою паутину.

Глядя на Салема, я испытываю самые противоречивые чувства. Мне говорили, что люди, которые приходят к нему, — это просто фигуры на его шахматной доске. У некоторых вполне благопристойный вид, но среди них есть и отпетые негодяи, которые не остановятся и перед убийством, если это понадобится их господину и благодетелю.

Лицо Салема — настоящая дьявольская маска. Никто никогда не знает, что кроется за его улыбкой: с одним и тем же выражением он велит подать милостыню бедной вдове, заключает сделку на 100 тысяч риалов и приказывает убить человека, который чем-то мешает ему.

В голубых глазах Салема столько дружелюбия, что вы почти готовы поверить в его доброту, и вас даже начинает преследовать мысль: а вдруг все, что рассказывают о нем, сплошная ложь, вымышленная его завистниками?

В Салеме удивительным образом сочетаются преступник и идеалист, который как-никак выстроил школу на благо своим соотечественникам. Возможно, идеализм этот является самым примитивным проявлением отцовской любви (когда он говорит о своей маленькой дочурке, глаза его сияют гордостью), а возможно, он хочет как-то искупить свои многочисленные прегрешения? Во всяком случае,

я прекрасно понимаю тех, кого ему удалось ввести в заблуждение. Для меня он тоже загадка.

Когда я наконец откланиваюсь, Салем провожает меня с изысканной любезностью. Он говорит, что, если я когда-нибудь попаду в беду во время своего путешествия по Саудовской Аравии, мне не следует полагаться ни на кого и я должен обратиться за помощью прямо к нему! Он сделает для меня все: обеспечит транспортом для поездки через пустыню, достанет любое правительственное разрешение, виски, молоденькую девушку. Все что угодно...

Вернувшись к Фрису, я рассказываю ему о том, что был у Салема и он обещал мне свою помощь.

Услышав о Салеме, Фрис пулей срывается с постели, где целый день лечился от прострела. Всегда спокойный, ютландец вдруг обнаруживает странное волнение.

— Салем! Салем! — восклицает он. — Надеюсь, вы не сказали ему, что хотите написать книгу о рабстве и попытаетесь освободить Хеденделя?

Я спешу успокоить Фриса.

— Ну ваше счастье, — говорит он. — А то я назвал бы вас самым благодушным идеалистом на свете. Ведь это Салем дирижирует работорговлей: чернокожие девушки, белокожие девушки, вообще все девушки, на которых он может нажиться.

Конечно, Салем не раз выручал меня из беды, — продолжает Фрис, — но это объясняется тем, что старый гангстер тоже хочет извлечь прибыль из будущей консервной промышленности, и потому он вдруг заинтересовался холодильной техникой. Теперь я ему нужен.

Однажды он избавил меня от очень серьезных неприятностей, когда у меня оказалась просрочена виза. Но потом он прислал мне счет на 5 тысяч риалов. Я мог бы обойтись и без его помощи, заплатив вдвое меньшую сумму кому-нибудь из чиновников, но у меня хватило глупости обратиться именно к Салему.

Если вы опять встретитесь с ним, ради бога, не произносите слово «раб». Начав разговор на эту тему, вы подпишите свой собственный смертный приговор.

**Один из влиятельных обитателей Джидды
отдыхает, положив ногу на край письменного
стола**

ВАРВАРСКИЕ НАКАЗАНИЯ

Праздник на площади в Джидде. — Рука, посягнувшая на чужое добро. — Отсечение головы в три этапа. — Неверные жены

Сегодня пятница, у мусульман праздник. В этот день на городских площадях провинившиеся подвергаются телесным наказаниям на глазах у многотысячной толпы.

Мне очень хотелось узнать, в какой мере соответствуют действительности разговоры о том, что в Саудовской Аравии до сих пор существуют чудовищно жестокие наказания. Однажды Олаф Фрис предложил мне пойти на одну из самых больших площадей Джидды, где карают преступников.

Госпожа Фрис никогда не видела ничего подобного и потребовала, чтобы мы взяли ее с собой. Протесты мужа не помогли.

— В этом нет ничего особенного, — сказала госпожа Фрис. И вообще она взрослый человек и желает знать, что творится в городе, где живет столько лет.

— Пусть будет по-твоему, — согласился Фрис. — Но пеняй на себя, если тебе станет плохо.

Мы пришли на площадь около половины первого и протиснулись сквозь огромную толпу зевак, нетерпеливо ожидавших начала экзекуции.

Сегодня будут наказывать плетью шестерых осужденных. Почти все они получают плети раз в неделю. У них такой вид, будто они уже привыкли к порке, во всяком случае, под ударами палача они, как правило, не издают ни единого стога. Если же осужденному или кому-нибудь из его друзей удастся подкупить палача, то удары наверняка будут слабее обычного. Кроме того, наказание не должно причинять увечий, в противном случае зрители могут возмутиться и начать свалку, и тогда палачу придется приложить немало усилий, чтобы правосудие не было посрамлено. Многие даже полагают, что эти удары гораздо слабее тех, которые наносят полицейские во время допроса подозреваемых в том или ином преступлении, хотя бы это преступление заключалось в краже одного яйца. При подобных допросах применяется хлыст, изготовленный настолько хитроумно, что, по заключению врачей,

семи ударов было бы достаточно, чтобы даже святой признал себя виновным в детоубийстве.

Между тем полицейские схватили первого из шестерых осужденных, приволокли его на специально отведенное для экзекуции место, бросили на землю, и плеть тут же заходила по его телу. Палач работает методично. Сначала плеть падает на лопатки, потом постепенно опускается до поясницы и наконец снова возвращается к лопаткам.

Во время экзекуции осужденный упорно молчит, получив сполна все удары, причитающиеся ему по приговору, он встает и спокойно возвращается на свое место, правда немного покачиваясь от боли. Здесь он садится на скамейку рядом с остальными приговоренными.

У этих арабов отличное самообладание. В то время как палач обрабатывает плетью очередную жертву, остальные спокойно сидят и болтают друг с другом о всякой всячине, хотя через несколько минут их ожидает такое же испытание.

Когда шестерых осужденных увели, мы по наивности решили, что экзекуция окончена и можно идти домой.

Но мы ошиблись. Самое страшное было впереди.

Внезапно на площади появился полицейский офицер, рядом с которым шел маленький человек в черной одежде, он непрерывно дрожал. За ним по пятам шли двое солдат. Человек этот был осужден за воровство, а за воровство в Саудовской Аравии карают в точном соответствии с буквой Корана, который предусматривает только одну меру наказания: вору отсекают правую руку вне зависимости от того, украл ли он несколько риалов или присвоил целый миллион. Если его вторично уличают в краже, ему отсекают левую руку, а когда он попадает в третий раз, отрубают обе ноги. Впрочем, последнее требование закона имеет сугубо теоретическое значение. Даже здешние воры не могут действовать мало-мальски оперативно при отсутствии обеих рук.

Когда мы наконец сообразили, какое зрелище нам предстоит увидеть, мы попытались поскорее уйти, но тщетно. Нас окружала

огромная толпа народа, и пробиться сквозь нее было абсолютно невозможно.

Почти парализованные ужасом, мы увидели, как человека в черной одежде заставили стать на колени, после чего обвязали палец на правой руке толстой веревкой. Потом один из солдат резко потянул за веревку, и осужденный плашмя упал на землю. Пока первый солдат натягивал изо всех сил веревку, второй не давал осужденному подняться. Наконец к ним подошел палач с острым ножом, который был ненамного больше обычного столового ножа, но с очень широким лезвием.

Руку осужденного палач не отсек, а скорее отпилил своим ножом.

Я не знаю, сколько минут или часов продолжалась эта чудовищная экзекуция. Я потерял всякое представление о времени. Мне казалось, что стоны и крики несчастного оглашают площадь уже целую вечность, а когда эта вечность кончилась, на веревке, которую держал солдат, болталась кисть человеческой руки. Потом эту кисть повесили на высокий столб, дабы другим неповадно было, и она провисела так несколько часов. С позорного столба отсеченные руки снимают лишь в шесть часов вечера.

Как только осужденному отпилили руку, культю опустили в кипящее масло, после чего он был отправлен в больницу. Но как мне объяснили потом, и кипящее масло, и больница фигурируют после казни лишь в «цивилизованных» городах. В городах, расположенных внутри страны, осужденных после казни предоставляют самим себе, и многие умирают от сильной потери крови.

Кроме того, в «цивилизованных» городах осужденным делают прививку против столбняка, что также отличает «передовые» населенные пункты Саудовской Аравии от отсталых.

— Пойдем домой, — прошептала госпожа Фрис. С большим трудом нам удалось протиснуться сквозь толпу, которая еще не собиралась расходиться.

С площади мы свернули в переулок. И тут госпоже Фрис стало плохо...

Если обыкновенная кража карается таким варварским способом, то какие же чудовищные приговоры выносятся за более серьезные преступления? Например, за убийство?

Осужденный может считать себя счастливым, если ему «просто» отрубят голову. У палача острый, как бритва, меч, и он легко может

отсечь преступную голову одним ударом. Но когда совершается особенно зверское преступление или объектом преступления становится паломник (пусть его только обокрали), в этом случае преступника приговаривают к отсечению головы тремя ударами. Первый удар наносится по затылку, второй — по горлу и лишь третий отделяет голову от туловища.

Отрубленные головы выставляются на площади для всеобщего обозрения: либо их насаживают на шесты, либо вешают на крюк за ухо. В Джидде ежегодно выносятся около двадцати смертных приговоров. Очень часто преступник узнает о приговоре лишь в тот момент, когда его выводят из камеры и тащат к месту казни. А нередко случается и так, что заключенные бесследно исчезают без суда и следствия. Родных и близких арестованного даже не ставят в известность о происшедшем.

В тюрьмах кормят плохо. Если узник долго сидит за решеткой, не имея возможности получать пищу от своих родственников или знакомых, он нередко умирает с голоду.

Каждый заключенный получает две кроны в день, но ему надо еще уговорить тюремщиков, чтобы они делали для него покупки, а тюремщики взимают за труды пятьдесят процентов комиссионных.

Взятки делают чудеса, и с их помощью заключенные не только добывают себе хлеб насущный, но и ухитряются избегать рокового приговора. Даже убийца может рассчитывать на освобождение, если ему удастся сунуть необходимую сумму денег в нужный карман. Убийство человека обходится в 2500 крон (1800 риалов), даже если оно произошло в результате автомобильной катастрофы или наезда. Поэтому мало кто покупает машину, не имея в запасе 1800 риалов. Эта «компенсация», как правило, обеспечивает оправдательный приговор, но если судьи отказываются принять «компенсацию» или у убийцы нет свободных средств, ему придется расплачиваться головой. Поэтому иностранцам, разъезжающим по Саудовской Аравии на машине, рекомендуется внести по прибытии гарантийную сумму в размере 1800 риалов.

Еще несколько лет назад женщину, изменившую мужу, бросали в Красное море на съедение акулам. А чтобы собрать акул к месту казни, в

воду сначала бросали собаку. Привлеченные ее запахом, морские хищницы устремлялись к берегу, и лишь тогда наступала очередь осужденной.

Наследный принц Фейсал, человек весьма прогрессивных взглядов, запретил эту чудовищную казнь, и теперь благодаря его гуманным устремлениям и человеколюбию женщин наказывают за супружескую неверность только одним способом — побивают камнями до смерти.

Я лично не знаю, какая из этих казней женщинам нравится больше. Впрочем, едва ли кто-нибудь спрашивал их об этом.

В Джидде мне рассказали об одной женщине, которая разошлась с мужем и вышла замуж вторично. От первого брака у нее остался сын, и однажды мальчуган сказал своему отчиму:

— Когда ты уезжаешь, к маме часто приходит мой первый папа.

Вскоре оскорбленный муж сказал жене, что, к сожалению, должен уехать на несколько дней по делам. Однако в тот же вечер он незаметно пробрался в свой дом и застал там врасплох жену и ее первого мужа.

Началась драка, в которой посильное участие принимала и жена. В разгар драки она схватила глиняный кувшин и так ударила им обманутого супруга по голове, что тот умер на месте. Тогда она зашила его труп в большую диванную подушку, как это обычно делается на Востоке, а первый муж взвалил своего усопшего соперника на спину и понес к морю, чтобы бросить его акулам. Но по дороге разошелся шов, и оказавшийся поблизости полицейский увидел, что из подушки торчит чья-то нога. Убийцу немедленно бросили в тюрьму и приговорили к отсечению головы. А его соучастницу, которая вскоре тоже была арестована, решили побить камнями.

Прежде чем казнить неверную жену, ее заставили смотреть, как отрубают голову ее первому мужу, а потом дали восемьдесят ударов плетью. Наконец, привезли целый воз камней. Зрители вооружились камнями, и избиение началось. Тринадцать раз она падала на землю, но каждый раз снова поднималась. Лишь упав в четырнадцатый раз, она осталась лежать без движения, и врач констатировал наступление смерти.

Но когда ее хотели похоронить, вдруг оказалось, что сердце ее еще бьется. Подобного прецедента никогда не было в судебной практике Саудовской Аравии. Что же делать?

Послали гонца к королю, и тот немедленно ответил, что, по-видимому, на то воля аллаха и женщина, несмотря на совершенное злодеяние, должна остаться жить. Поэтому ее уложили в больницу, лечили за счет королевской казны и сделали все возможное, чтобы спасти ей жизнь. Несчастная действительно выздоровела и до сих пор живет в Джидде. С того страшного дня прошло уже около десяти лет.

Находясь в Саудовской Аравии, вы чуть ли не ежедневно узнаете о самых чудовищных приговорах, но стоит вам рассказать об этом в других странах мира, как раздаются недоверчивые возгласы и вас обвиняют либо в излишней доверчивости, либо во лжи.

Представить какие-нибудь документы, свидетельствующие об этом средневековом варварстве, в данном случае очень трудно. Тем не менее совсем недавно это удалось сделать одному врачу французского происхождения, который в 1940 году окончил ординатуру в одной из больниц Александрии. Этому врача пригласили на два года в личную больницу самого короля Сауда. Когда эти два года истекли, он занялся частной практикой и оставался в Саудовской Аравии до конца 1958 года.

Вернувшись домой, этот врач опубликовал статью о работорговле и мерах наказания, которые были столь ужасны, что ему никто не поверил бы, если бы к тексту не были приложены фотографии, иллюстрирующие помимо всего прочего различные этапы отсечения руки.

В течение целого ряда лет он занимался врачебной деятельностью во многих городах, которые находятся во внутренних областях страны и куда получает доступ лишь самое ничтожное количество иностранцев, и он пишет, что нигде не видел такой страшной смеси из жестокости и невежества.

Он сопровождал богатых шейхов, владельцев нефтяных месторождений, в их поездках на невольничьи рынки, где они покупали себе пятнадцатилетних девочек, чтобы «поразвлечься с ними в постели». Он присутствовал в качестве врача при отсечении руки и умерщвлении камнями. «Я выписывал, — сообщает он, — свидетельства о смерти женщин, которые были зарыты по горло в землю, а потом побиты камнями».

Кара за супружескую неверность — самая страшная из здешних казней. «Я видел такую казнь, — пишет врач, — и это больше, чем могло вынести мое профессиональное хладнокровие. Одну женщину захватили на месте преступления с любовником. С нее сорвали одежду и

совершенно голую провели на веревке через весь город к месту казни. Здесь была вырыта яма. Женщину бросили в яму и засыпали землей, так что из ямы торчала только голова. Подъехала телега с камнями. Многочисленные зрители набрали камней, обступили свою жертву со всех сторон и по сигналу полицейского офицера начали забрасывать ее камнями.

Бомбардировка продолжалась до тех пор, пока голова жертвы не превратилась в сплошное кровавое месиво. После этого яма была немного расширена и стала могилой несчастной женщины.

Кстати, соучастник преступления, ее любовник, отделался пятьюдесятью ударами хлыста.

Не только супружеская неверность, но и всякое внебрачное сожитительство в Саудовской Аравии карается по закону, самое мягкое наказание — плети. Однако закон этот не распространяется на отношения между хозяином и его рабыней. Хозяину принадлежат его рабыни на таком же законном основании, на каком жена принадлежит мужу.

Естественно, по всей стране идет оживленная торговля молодыми рабынями. Как я уже говорил, мусульманин не должен иметь больше четырех жен, но у него может быть сколько угодно рабынь-наложниц. Поэтому у богатых шейхов обычно бывает столько женщин, сколько им заблагорассудится. У короля Сауда около девяноста рабынь.

Когда Фрис с женой и я вернулись домой в довольно подавленном настроении, мы заговорили о событиях минувшего дня.

— Я прекрасно понимаю, что вы собираетесь разыскивать Хельге Хедендаля, — сказал Фрис. — И я отвел вас сегодня на площадь не без задней мысли. Мне хотелось, чтобы вы увидели собственными глазами, что вас ждет, если вы каким-то образом нарушите заветы Корана или попадете в руки людей, которым будет выгодно от вас избавиться. Вы еще не раздумали ехать в пустыню?

— Пока не раздумал, Фрис. И должен сказать, что мне все больше хочется свести знакомство с этим самым Хельге Хедендалем.

ПО СЛЕДАМ «БЕЛОГО РАБА»

*Голубые глаза? — Переодетый арабом. — Решающее испытание. —
Снова в глубь пустыни. — Вид ночью. — Аравийская Ривьера*

Прежде чем выехать в Эт-Таиф, мне надо было основательно подготовиться к путешествию через пустыню.

Мне все время приходилось соблюдать величайшую осторожность и помнить о том, что власти ни в коем случае не должны проведать о моих планах, ведь им было выгодно, чтобы Хедендаль работал почти бесплатно на местных шейхов и богачей. Фрис был настроен очень скептически.

— Едва ли вам удастся выпутаться живым из этой истории, — заметил он.

— Но я могу переодеться, — возразил я.

— Переодеться? А куда вы денете свои голубые глаза?

— Голубые глаза? — переспросил я немного обиженно.

— Да, голубые глаза. И если вы не можете немедленно сменить их на карие, то сколько бы ни переодевались, вам не удастся провести даже ребенка.

— Ах вот оно что! Теперь мне все ясно. Одну минуту...

Я вышел в свою комнату, порылся в чемодане и быстро нашел то, что искал. Когда я снова вошел в гостиную, у меня были самые настоящие карие глаза.

— Вот это да... — пробормотал Фрис.

И тогда я рассказал ему о том, как еще перед отъездом из Дании мне пришла в голову мысль, что, если я захочу лучше познакомиться с жизнью местного населения, мне надо будет переодеться. Дома у меня был настоящий арабский костюм: не тот костюм, в который облачаются люди богатые и знатные, а обычная одежда бедняков. Когда на вас красивое платье из тонкой шерсти с золотым шитьем и прочими знаками благосостояния, вы моментально привлечете к себе чье-нибудь внимание, и к вам даже могут обратиться на улице с каким-либо вопросом. Тогда можно легко выдать себя, особенно если вы плохо знаете арабский язык. Если же вы одеты как простой бедняк, то вам будет гораздо легче остаться простым статистом в уличной толпе.

Мои волосы и борода не могли причинить особых неприятностей, поскольку у меня ярко-рыжая шевелюра, как и у многих сынов этой страны. (С гордостью должен заметить, что в Саудовской Аравии рыжий цвет считается олицетворением мужественности!)

Таким образом, самой сложной проблемой были мои голубые глаза, но специалист по изготовлению линз Гольф Иверсен из Копенгагена решил ее довольно быстро. Когда я спросил, может ли он превратить мои голубые глаза в карие, Иверсен ответил, что для него это пара пустяков.

— Я должен сыграть араба, — объяснил я.

— В королевском театре? — поинтересовался Иверсен.

— Нет, в жизни, — ответил я. — И если созданный мной образ будет недостаточно убедительным, со мной расправятся, как еще не расправлялись ни с одним актером. И публика наверняка не ограничится тем, что будет швырять в меня тухлыми яйцами и помидорами.

Гольф Иверсен был мастером своего дела и снабдил меня великолепной парой карих глаз, которые ничем не отличаются от настоящих.

Теперь мне оставалось только как следует проштудировать Коран, чтобы раз и навсегда уяснить, как вести себя во время молитвы. Для этого пришлось отработать довольно сложный ритуал, требующий немалой гимнастической подготовки и умения точно ориентироваться по странам света. Ведь если вы начнете бить поклоны, оборотившись задом к священной Мекке, то нанесете весьма тяжкое оскорбление аллаху всемогущему и всем правоверным!

Свой словарный запас я стал увеличивать такими темпами, что вскоре охрип, а язык у меня покрылся волдырями. Оба эти обстоятельства сделали мое произношение еще более естественным, ибо в арабском языке много гортанных звуков.

Закончив все приготовления, я решил, что могу отправиться в путешествие по этим опасным районам, где до меня побывали лишь немногие европейцы. И авось никто не догадается, что под арабским бурнусом скрывается неверный. Когда я сказал об этом Фрису, он отнесся к моей затее очень скептически.

— Но не можете же вы ехать в полном одиночестве! — возразил он.

— Конечно, нет, — ответил я. — У меня уже есть спутник.

— Кто же он?

— Эль-Магари, мой друг. Он обещал ехать со мной и теперь докажет, что умеет держать слово.

И Эль-Магари сдержал слово. Мы вместе собрались в путь, вместе устроили генеральную проверку моей маскировочной одежде. Пошли на постоянный двор, где я сделал множество снимков миниатюрной фотокамерой, скрытой в складках бурнуса. Я сфотографировал торговцев, которые неистово кричали, расхваливая свой товар, курильщиков кальяна, припавших к своим трубкам, и еще одну нищую, которая словно приросла к своему месту и так сидела, не меняя позы.

Здесь же я сфотографировал очень своеобразное кафе, которое вечером превращается в гостиницу. Днем здесь полным полно посетителей, они сидят на кроватях, разговаривают, курят и с наслаждением пьют невероятно крепкий чай из маленьких стаканов. Собственно говоря, это даже не кафе, а чайная лавка, где покупателей угощают чаем. А с наступлением темноты чайная лавка превращается в гостиницу. Постели находятся высоко над землей, чтобы собаки, которые считаются здесь «нечистыми» животными, не прыгали к спящим. На постелях нет ни матрасов, ни подушек, ни одеял, зато длинные, до пят, арабские плащи прекрасно их заменяют, все устраиваются здесь на ночь, не чувствуя никаких неудобств.

Однажды вечером мы с Эль-Магари решили пойти спать в одну из таких гостиниц. Как правило, там останавливаются только местные жители, и, таким образом, наша одежда должна была подвергнуться решающему и суровому испытанию. Я выступал в роли немого, а Эль-Магари, который бегло говорит по-арабски, договаривался с хозяином о плате за ночлег.

Никто даже не взглянул в нашу сторону. Теперь мы были готовы к путешествию в Эт-Таиф.

И снова мы мчимся через пустыню, на этот раз в стареньком, но еще сильном джипе. Сначала по дороге, которая соединяет Джидду с

Меккой, но, немного не доезжая до священного города, сворачиваем в сторону.

Мекка лежит как раз на полпути между Джиддой и Эт-Таифом, и, чтобы объехать ее, надо описать довольно широкую дугу. Мы стараемся не попадаться на глаза проезжим и держимся как можно дальше от городских стен, забираясь на самое плоскогорье.

Над джипом укреплен тент, но днем в машине так жарко, что невозможно дышать. Воздух абсолютно неподвижен, ни ветерка, и, хотя мы едем довольно быстро, прохлада не проникает за ветровое стекло. Когда местность становится совершенно непроходимой, снова выезжаем на дорогу.

Однажды ночью мы разбили палатку возле обочины. Спал я очень спокойно, и во сне мне вдруг показалось, будто меня кто-то душит. Скоро я сообразил, что это не только сон. Чья-то рука крепко зажимала мне рот, и тут же я услышал шепот;

— Тихо. На дороге полицейский патруль.

Это был голос Эль-Магари. Убрав руку, он рассказал, что никак не мог заснуть. Но лишь он сел возле палатки, как вдруг заметил вдали две машины, похожие на полицейский патруль. Между тем я громко храпел, и Эль-Магари снова вполз в палатку, чтобы прекратить этот концерт. Дорожный полицейский патруль любит задавать самые нескромные вопросы, и если господа полицейские начнут доискиваться, кто же мы такие, то, возможно, они отыщут и мою шпионскую фотокамеру, спрятанную в складках платья.

Совершенно автоматически я протянул руку, достал свои новые, карие «глаза», которые вынимал перед сном, и укрепил их под веками. Потом мы оба осторожно выползли из палатки. Догадки Эль-Магари оправдались. И тем не менее мы страшно удивились тому, что неожиданно увидели.

Из темноты возник силуэт полицейского джипа, за ним появился другой джип, еще более старый. Но самое удивительное заключалось в том, что на передних крыльях сидели двое людей с какими-то удлинненными предметами в руках. Хотя светила яркая луна, сказать что-нибудь определенное по этому поводу было трудно, и все-таки мне показалось, что люди держали автоматы.

Машины ехали в направлении на Джидду, и через несколько минут растаяли в темноте, а мы снова вползли в палатку, успокоились и скоро

совсем забыли о том, что видели. Но потом всю эту историю нам пришлось вспомнить.

Несколько раз мы проезжали через небольшие города, расположенные в оазисах, но бояться там было некого. В этих городах жили простые бесхитростные люди, и наше платье не вызывало у них ни малейшего подозрения.

Племена, которые мы встречали по пути в Эт-Таиф, относились к нам очень дружелюбно. Однако постоянно рассчитывать на дружелюбие обитателей пустыни несколько рискованно, даже если вы араб, ибо их настроение меняется мгновенно и без всякого видимого основания.

Иной читатель может подумать, что на свете нет ничего более безрадостного и унылого, чем подобное путешествие, когда изо дня в день вас окружает только песок. Действительно, песок — доминирующая часть здешнего ландшафта, но сам ландшафт непрерывно изменяется и по цвету, и по рельефу. У песка множество тонов и цветовых оттенков, а формы рельефа колеблются от небольших барханов до высоких песчаных гор и от волнистых, как стиральная доска, плато до зыбучих песков. С зыбучими песками шутки плохи: чуть зазевался — и уже исчезаешь под их предательской поверхностью.

И наконец, великолепные миражи.

Когда вы в пустыне, перед вами то и дело возникают большие красивые озера. Но это не озера, а знойная мгла. Особенно часто можно наблюдать миражи в низинах с неподвижным, сильно разогретым воздухом. Такое же явление возникает у нас дома над асфальтом в жаркий день, но в пустыне оно приобретает гигантские масштабы.

На пятый день перед нами неожиданно появился город. Мы совершенно отчетливо видели высокие здания, минареты и пальмовые рощи. Одно только удивительно: город висел довольно высоко над горизонтом. И тогда мы поняли, что видим мираж!

— Но ведь я знаю этот город, — сказал Эль-Магари. — Это Эт-Таиф. Я узнаю некоторые здания, как, например, те два больших купеческих дома. Здесь нельзя ошибиться.

Мираж можно было наблюдать еще несколько минут. Потом он стал расплываться, и скоро перед нами снова расстилалась бескрайняя пустыня. В этот момент мы находились в пятидесяти километрах от Эт-Таифа. Надо было ехать быстрее, чтобы прибыть в город засветло.

Эт-Таиф часто называют аравийской Ривьерой, и на первый взгляд это кажется странным, так как поблизости нет и намека на море. Дело в том, что город лежит на склонах горного хребта и воздух здесь удивительно свежий. В Эт-Таифе мягкий приятный климат, и богатые семейства из Джидды, Мекки и других крупных городов проводят здесь самое жаркое время года: с июня по сентябрь. Над городом возвышается несколько сот больших красивых домов, которые всем своим видом свидетельствуют о том, что их обитатели — состоятельные люди.

Здесь воздух кажется вам тем более освежающим, что вы только что ехали по пустыне, горло у вас до самых легких забито песком, а язык превратился в толстый кожаный кляп.

Мы отыскивали постоянный двор и заночевали там. Эль-Магари вел все необходимые переговоры, а я выступал в роли бедного немого.

На следующее утро мы с Эль-Магари начали осторожно расспрашивать о Хедендале. Сделали вид, что нас интересуют земельные участки, где можно было бы пробурить несколько колодцев. Но в то же время мы не должны были слишком интересоваться этими участками, чтобы местные власти не обвинили нас в шпионаже.

Эль-Магари обратился прежде всего к владельцу постоянного двора, где мы остановились. Тот сказал, что действительно слышал о каком-то чужеземце, который искал воду в районе Эт-Таифа, но больше мы из него так ничего и не вытянули. Потом пытались расспрашивать и на других постоянных дворах, но всюду получали один и тот же ответ: да, что-то слышали, но ничего конкретного не знаем. Очевидно, эту загадку надо было решать как-то совсем по-другому.

Однажды мы остановили машину и стали смотреть на нескольких мальчуганов, которые играли в футбол. Все они были босоногие, кроме одного: на правой ноге у него красовался ботинок. Как обладатель этой

изысканной и чрезвычайно важной футбольной регалии, он явно был капитаном сразу обеих команд.

Эль-Магари заговорил с ним, похвалив за хорошую игру. Это был смысленный паренек, и к тому же с неплохо подвешенным языком. Эль-Магари решил расспросить его о Хедендале и начал с того, что попросил парня показать нам дорогу к ближайшему колодцу.

— Проедете две улицы и еще квартал. Это ближе к дороге, что ведет на Мекку. Там, где работал христианин.

Эль-Магари от удивления разинул рот, а я чуть не забыл о том, что аллах поразил меня немотой.

— Христианин? — переспросил Эль-Магари. — Он еще там? — Вряд ли. Наверное, его бросили в колодец, — беспечно ответил мальчуган. — Ведь он уже нашел воду.

Мы поехали дальше и скоро оказались возле колодца. Здесь все время толпился народ, но тот, кого мы искали, бесследно исчез. На краю колодца сидел оборванный старик и продавал яйца. Эль-Магари, поторговавшись немного, купил у него два десятка яиц. Я удивленно посмотрел на него: зачем ему столько?

— Сейчас узнаешь, — коротко сказал Эль-Магари, — половина из них тухлые.

Я был голоден, как собака, но когда я разбил скорлупу и хотел выпить желток, то увидел в яйце очень вонючего цыпленка.

Торговец яйцами еще не успел скрыться, и Эль-Магари начал осыпать его бранью за то, что он так гнусно обманул нас. Мой друг грозил ему карой самого аллаха, ибо он попытался надуть двух паломников Мухаммеда!

Неудачливый торговец оправдывался весьма красноречиво и, между прочим, произнес слова, которые заставили нас наострить уши. Во второй раз за сегодняшний день мы были ошеломлены.

— Эти яйца предназначались совсем не для вас. Я носил их одному неверному, который работал здесь.

— Какому неверному?

— Христианину, что искал воду.

— Ты знал его?

— Я продавал ему яйца почти каждый день.

— Где он сейчас?

— Не знаю. Однажды я пришел сюда, а его уже нет. Это было несколько дней назад. Больше он здесь не показывался.. Говорят, его прогнали в пустыню. Возможно, он умер.

Мы были совершенно убиты этим сообщением. И все-таки не потеряли надежду разузнать еще что-нибудь о Хедендале. Несомненно, речь шла именно о нем. Несколько человек подтвердили, что тоже знали белого раба, но им известно лишь одно: в Эт-Таифе его больше нет.

Мы пробыли в Эт-Таифе еще несколько дней, но скоро нам стало ясно, что ничего нового здесь больше не узнать. Разочарованные и огорченные, мы отправились в обратный путь в Джидду.

Когда через несколько дней я снова стоял перед домом Фриса и звонил в звонок, настроение у меня было прескверное.

Дверь открыл он сам.

— Ну как дела? — спросил он с веселой улыбкой, которую в данном случае я счел весьма неуместной.

— Боюсь, что Хедендаль мертв, — ответил я коротко.

— Ну и зря, — ответил Фрис. — Правда, он чуть было не отправился на тот свет, но.. пройдите в ту комнату. Там сидит человек, с которым мне очень хочется вас познакомить.

БЕГСТВО... И ТЮРЬМА

На сцене появляется Эйк. — Неприятное пробуждение. — «Посланец короля Сауда». — Невольное посещение Мекки. — Снова в тюрьме

В соседней комнате сидит не кто иной, как Хельге Хедендаль.

Это человек могучего телосложения. У него сильные, мускулистые руки, которые привыкли к самой тяжелой работе, и широкие плечи. Но шея у него тонкая, почти птичья, и ввалившиеся щеки. Глаза все время беспокойно бегают, а голос слабый и какой-то надтреснутый. Изредка лицо его нервно вздрагивает.

Хедендаль сидит сгорбившись на самом удобном стуле, какой только был в гостиной Фриса. По-видимому, ему еще не удалось привыкнуть к мысли, что он снова свободный человек.

— Я уже оставил всякую надежду вернуться домой, когда недели две назад в Эт-Таифе вдруг появился Эйк, — говорит Хедендаль. И затем он начинает нам рассказывать историю своего бегства.

— С каждым днем я все больше убеждался в том, что до конца дней своих мне придется жить в пустыне среди людей, для которых я был просто иноверцем, хотя моя работа приносила им пользу. Я знал, что воды там больше нет, и все равно мне ничего не оставалось, как бурить одну скважину за другой. Не испытывая больше во мне нужды, местные власти немедленно отправили бы меня на тот свет. Я думал, что Эйк, так же как и вся наша фирма, предал меня, и не было больше ни единого человека, к которому я мог бы обратиться за помощью. Денег у меня не было, хотя на моем лицевом счету в банке их накопилось немало. Добиться от властей заключения нового контракта у меня не было никакой возможности. И если я вообще не умер с голоду, то только потому, что некоторые богатые дельцы были заинтересованы в том, чтобы я продолжал искать воду. И они немного подкармливали меня.

Хедендаль откидывается на спинку стула. Очевидно, ему трудно говорить.

— Отдохните немного, Хедендаль, — говорит госпожа Фрис.

— Ничего, — отвечает он и снова выпрямляется. — Итак, я все чаще и чаще проклинал Эйка. Ведь это он связал меня с фирмой, которая сулила мне золотые горы, лишь бы я поехал в Саудовскую Аравию. А

мне и в голову не приходило, что с фирмой он уже давно покончил или, вернее, фирма — с ним, и никак не мог понять, почему он упорно молчит. Я послал ему множество писем и хотя бы несколько должны были дойти до него.

И вот в один прекрасный день он появился как из-под земли!

Я решил, что это галлюцинация. Прекратил бурение и уставился на него как на призрак.

Эйк пошел к представителям местных властей и дал им понять, что я должен вернуться вместе с ним в Джидду. Переговоры длились несколько дней, и никогда в жизни я не испытывал еще такого волнения...

Когда отцы города попытались утверждать, что я еще не пробурил для них столько колодцев, сколько было предусмотрено контрактом, Эйк попросил показать ему контракт. Естественно, они не смогли найти его!

— Тогда не о чем и спорить, — сказал Эйк.

Эйк прилетел сюда на стареньком военном самолете, и мы думали, что на нем нам удастся вернуться в Джидду. Но не тут-то было! Одному из многочисленных здешних принцев приспичило куда-то ехать, и он потребовал, чтобы Эйк отдал ему самолет. В результате нам пришлось изыскивать какие-то другие средства передвижения.

Эйк исходил весь город вдоль и поперек и наконец нашел одного шофера, у которого был старый потрепанный джип. (Кстати, в пустыне машины изнашиваются очень быстро.) Этот шофер согласился довезти нас если не до самой Джидды, то до какого-нибудь пункта, расположенного неподалеку от нее. А там мы найдем другую машину.

Рано утром мы уселись в джип и выехали из Эт-Таифа. Все было как сон: я не помню, чтобы я еще когда-нибудь был так счастлив. Больше мне не придется искать воду под палящим солнцем... И машина увозила меня все дальше и дальше от тех, кто так мучил меня целых два года.

Шоссе из Эт-Таифа в Джидду — или, во всяком случае, то, что здесь называют шоссе, — проходит через Мекку, куда чужеземцам доступ строжайше запрещен. И нам ничего больше не оставалось, как попытаться объехать ее. Тем более что довольно большой район вокруг города был почти лишен всякой растительности, если не считать стелющихся по земле кустов.

Но объехать Мекку не так-то просто. Следы колес, которые указывают путешественнику путь, мгновенно исчезают, как только

начинается песчаная буря. Кроме того, такие же маленькие кусты растут в общем по всей пустыне, и если с наступлением темноты вы случайно окажетесь на окраинах Мекки, то никаких особых ориентиров не найдете.

У нас было страшно много возни со старой колымагой, в которой мы ехали, а солнце и тревожления вконец измотали меня, и я крепко заснул. Но едва я сомкнул глаза, как меня разбудил чей-то громкий крик. Я рывком приподнялся на сиденье. Перед нами белела высокая стена, а возле нее стояла полицейская машина.

— Это дорога в Джидду? — спросил шофер.

— В Джидду. Езжайте прямо через город!

— Но ведь это Мекка?

— Мекка.

— Значит, придется поворачивать. У меня в машине двое христиан.

— Вы давно сбились с дороги. Проехать тут очень трудно из-за песчаных заносов. Но выбирать вам придется своими силами. Уезжайте отсюда как можно скорее!

Полицейским не пришлось повторять этот приказ дважды. Шофер развернулся, и мы поехали в нужном направлении.

Думали, что в нужном. Но скоро оказалось, что шофер опять заблудился, и мы прочно увязли в песке. Но это было еще не самое худшее. Самое худшее оказалось в том, что все это время мы кружились на одном месте, в двух шагах от Мекки. Вдруг возле нас появилось множество людей, которые скоро сообразили, что Эйк и я не мусульмане.

К сожалению, мы попали сюда в то самое время, когда дороги, ведущие в Мекку, сплошь забиты паломниками, и не удивительно, почему в одно мгновение вокруг нашей машины собралась огромная толпа.

По наивности мы подумали было, что здесь нам никакая опасность не угрожает, но в тот же миг послышалась брань и на нас посыпались осколки разбитого стекла. Кто-то бросил камень в ветровое стекло, положение становилось критическим. Тогда Эйк решительно выскочил из машины и закричал:

— Прочь руки! Я посланец короля Сауда! Если что-нибудь случится со мной или моим спутником, вы навлечете на себя гнев не только короля, но и самого аллаха!

Он стоял, опираясь спиной о машину, и, казалось, даже не представлял себе, какой опасности мы все подвергаемся. Он был совершенно спокоен. Между тем наш шофер трясся как осиновый лист, да и я был далеко не уверен в благополучном исходе этого приключения.

Эйку было трудно перекричать толпу. Взбешенные паломники ругали и проклинали его, и дело приобретало все более опасный оборот.

Сначала паломники были просто ошеломлены тем, что какой-то неверный осмелился угрожать им. Но я уверен, что с нами покончили бы очень быстро, если бы не появилась полиция: небольшой полицейский патруль услышал крики и ругань и быстро пробился сквозь толпу к нашей машине. Мы с шофером вылезли из машины и услышали, как Эйк все еще кричал о том, что он личный посланец короля Сауда.

В конце концов полицейские пробели мелом черту вокруг нашей машины и заявили во всеуслышание, что всякий, кто преступит этот меловый круг, будет застрелен. Толпа стала успокаиваться. Тогда полицейские заспорили о том, что им с нами делать. Одни считали, что нас надо отбуксировать в пустыню и показать дорогу на Джидду. Другие придерживались иного мнения: они утверждали, что мы пытались пробраться в Мекку, и, следовательно, нас надо отдать под суд и примерно наказать. Последняя точка зрения восторжествовала. Нам велели снова сесть в машину, и шофер получил приказ трогаться. Это ему удалось, хотя бедняга едва держался на ногах от страха.

По-видимому, мы являли собой очень величественное зрелище, хотя и не отдавали себе в этом отчета. На обеих крыльях сидело по полицейскому с автоматом, а сзади ехал полицейский джип, который прикрывал наш тыл и фланги. Шествие замыкала толпа завывающих паломников, которые, к счастью, были вооружены только палками. Они не отставали от нас ни на шаг, и это было не так уж трудно, поскольку колеса машин вязли в песке и ехали мы очень медленно.

Въезжая в Мекку, мы с Эйком почти не говорили друг с другом. Каждый думал о том, что ждет нас в этом городе. Те немногие чужеземцы, которые проникали за стены Мекки, кончали очень плохо. Совсем недавно в Мекку пробрался один не в меру любопытный американец. Его изловили и буквально разорвали на куски.

Через полчаса мы подъехали к той самой стене, возле которой уже стояли, когда первый раз уткнулись в Мекку. На этот раз мы не стали останавливаться у ворот и весьма торжественно въехали в город. А

когда солнце стало опускаться за горизонт, нас вытащили из машины и втолкнули в большое грязное здание.

Мы очутились в одной из городских тюрем, и тяжелые двери с треском захлопнулись за нашей спиной.

До этого мне никогда не приходилось бывать в тюрьме, но уверен, что ни один узник не испытывал такого облегчения, очутившись за тюремной дверью, какое испытал я в тот момент. Ибо за этой дверью, на улице, неистовствовали правоверные: кричали, вопили и били палками в ворота.

Нас не судили.

Четыре дня мы размышляли над своими прегрешениями в грязной вонючей камере, которая день ото дня становилась в полном смысле этого слова все ниже и ниже, потому что в ней не было даже параши. При нас никто ни разу не пришел убрать камеру, и, по-моему, ее не убрали со дня основания этого пренеприятного заведения. Я не знаю, как называется пища, которой нас кормили. Знаю только, что ее было мало и по вкусу она напоминала рвотный порошок.

Но о нас не забывали на веки вечные, что нередко случается со здешними заключенными. Очевидно, ни один судья не захотел решать нашу судьбу. Имя короля Сауда сыграло свою роль. Во всяком случае, через четыре дня наши тюремщики сообщили, что отправляют нас в Джидду. Мы решили, что ослышались. Неужели нам удастся выбраться из этой западни? Ведь как-никак, а теперь-то мы в самом деле осквернили Мекку: с этого дня в течение определенного периода времени город придется «очищать» молитвой и святой водой, а для мусульман это почти катастрофа.

Вооруженные до зубов полицейские вывели нас за городскую стену, где стояла наша машина. Еще раньше ее отогнали сюда, и мы страшно удивились, когда увидели, что весь багаж в целости и сохранности. Но одних нас в Джидду не пустили. Двое полицейских сели к нам в машину, а двое с автоматами, как и прошлый раз, примостились на крыльях. Все это выглядело очень драматично. Кроме того, к нам присоединился полицейский джип, но на этот раз он ехал не позади, а впереди нас...

— Так вот оно что! — прервал я Хедендаля. — Значит, это вас мы видели на дороге, когда ехали в Эт-Таиф.

И в нескольких словах я поведал Хедендалю о том, что мы видели в ту памятную ночь. Затем Хедендаль продолжал свой рассказ:

— Теперь мы взяли курс на Джидду и на этот раз до конца выдержали его. Увидев Джидду, мы облегченно вздохнули и возрадовались.

Но радоваться было рано.

Полицейские из Мекки передали нас с рук на руки полицейским Джидды, и нам пришлось свести знакомство еще с одной тюрьмой. Но здесь нам была оказана неслыханная честь! Мы получили камеру с ванной и туалетом. Вернее, эта камера раньше была ванной комнатой. Тюрьма занимает шестиэтажное здание, которое находится почти напротив «Дворца Красного моря». Когда в свое время это здание перестроили и превратили в тюрьму, никто не захотел демонтировать оставшиеся здесь писсуары и ванны. Вероятно, заключенным все это казалось сначала довольно забавным. Но потом писсуары засорились, очевидно уже давно, потому что они были полны доверху. И ванны заменили заключенным писсуары, но наша пока что была заполнена лишь наполовину.

Температура воздуха здесь колеблется между 35 и 50 градусами жары, так что вы можете себе представить, каким чистым воздухом мы дышали.

Прежде чем полицейские из Мекки сдали нас своим коллегам из Джидды, они заставили нашего шофера уплатить им шестьсот риалов за то, что они охраняли нас всю дорогу до самого моря.

В джиддской тюрьме мы провели шесть дней, и если не считать некоторого беспокойства за свою жизнь, то можно сказать, что чувствовали себя недурно, во всяком случае значительно лучше, чем в Мекке, все это благодаря гениальной способности Эйка приспособляться к самым невероятным обстоятельствам.

Ему удалось известить своего слугу Кабу о том, где мы в данный момент находимся, и Каба ежедневно носил нам еду, которую готовил на кухне у Эйка.

С первого же дня нашего пребывания в здешней тюрьме Эйк пытался установить контакт с королем Саудом, но ему удалось это лишь в самом конце недели, ибо король находился в одном из своих гаремов и не желал, чтобы его беспокоили. Наконец тюремные власти получили приказ немедленно освободить обоих европейцев и шофера. Кроме того, в своем послании король выражал чрезвычайное удивление по поводу того, что его «старый друг Эйк после стольких лет пребывания в

Саудовской Аравии в силу несчастного сплетения обстоятельств вдруг очутился под стенами Мекки». На этот раз король сумел помочь нам, но Эйк не должен повторять подобных шуток.

Одновременно мы узнали, что полицейские, которые столь победно препроводили нас в меккскую тюрьму, сами попали за решетку. Вместо того чтобы отправить неверных как можно дальше от священного города, они провезли нас по его улицам. А те, кто хотели отпустить нас, но не сумели отстоять свое мнение, отделались легким испугом: в течение трех месяцев они будут работать, не получая жалованья.

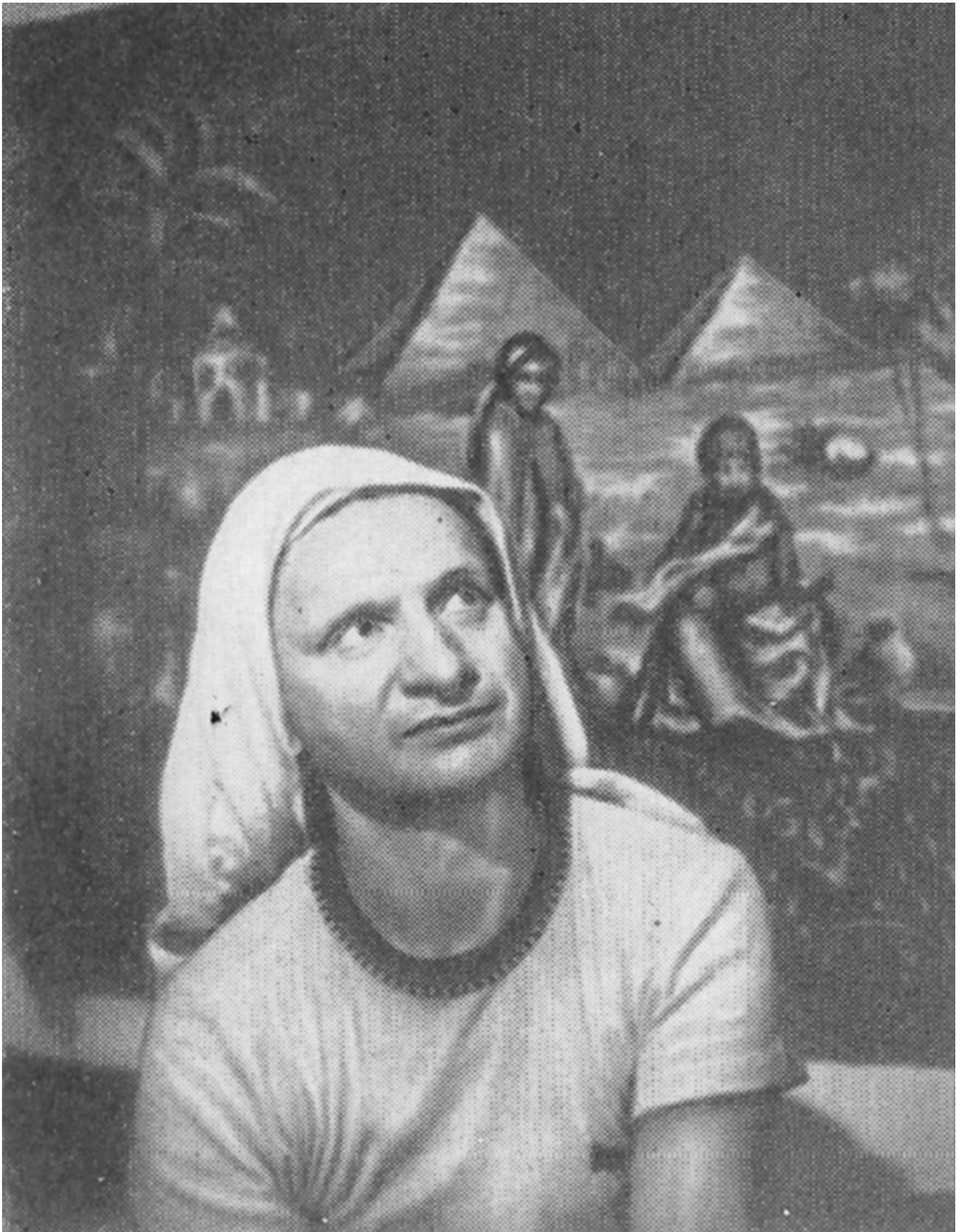
И вот я здесь, — закончил Хедендаль свой рассказ. — Целых два года я вел борьбу за воду. Теперь мне придется бороться с властями. Они доказывают, что я не выполнил условий контракта и не закончил своей работы. Либо я должен продолжать искать воду, либо не получу своих денег.

Потом Хедендаль пожелал нам доброй ночи и лег спать.

Больше я его не видел, так как через несколько дней уехал из Саудовской Аравии.

Голубые глаза абсолютно ни к чему, когда играешь роль араба. Гольф Иверсен снабжает меня карими контактными линзами

**Хельге Хедендаль вскоре после возвращения
из Эт-Таифа**

СБРОСИТ ЛИ САУДОВСКАЯ АРАВИЯ ЧАДРУ?

В последний раз я укладываю в чемодан свое арабское платье, и при благосклонном содействии двух здешних принцев, свободных от предрассудков, мне удастся пронести через таможенню аэропорта все сумки с кинолентами и фотопленками.

Я сижу в самолете, а в башмаках моих все еще поскрипывает песок Аравийской пустыни, и потом несколько недель подряд я вытряхиваю его из кинокамер, фотоаппаратов и прочего дорожного снаряжения.

Но из Саудовской Аравии я увожу не только прах пустыни, но и желание понять, как в дальнейшем будет развиваться эта удивительная страна, каким образом она совершит прыжок от феодального общественного уклада к современной цивилизации.

Когда я сижу и выдуваю песок из своих фотоаппаратов, нередко мне вспоминаются две очаровательные принцессы. Я вижу их взволнованные глаза, сверкающие за черной чадрой. И тогда я думаю о добрых друзьях, которых нашел в Саудовской Аравии.

Не рассердятся ли они на меня, когда прочтут, что я написал о работоторговле, о варварской системе наказаний, которые существуют в их стране? Не подумают ли они, что я отплатил им черной неблагодарностью за тот риск, на который они шли, помогая мне заглянуть за аравийскую чадру?

Нет, я уверен, они поймут меня правильно. Поймут, как важно для быстреего развития их страны, чтобы стоящие перед нею проблемы стали достоянием гласности.

В Саудовской Аравии переход от черного средневековья к современной демократии не сможет совершиться, как в европейских странах. Здесь до сих пор живет варварство в таких же самых формах, в каких оно существовало еще в незапамятные времена. Тем не менее в стране есть прогрессивные силы, которые стремятся повысить культурный уровень и благосостояние населения, и определенные результаты уже достигнуты.

В течение многих столетий страна была совершенно изолирована от всего остального мира. С фанатической ненавистью воины аллаха истребляли всех иноверцев, и сама природа воздвигла перед чужеземцами непреодолимые преграды в виде раскаленной солнцем пустыни и голых горных массивов.

Технический прогресс в значительной мере уничтожил эти преграды, и ликвидация географических барьеров в свою очередь способствовала уничтожению культурной изоляции. В «Китайской стене», ограждавшей Саудовскую Аравию от всякого проникновения извне, была пробита брешь, и страна вступила в новую фазу своего развития. Если все ее прошлое было историей войн и бессмысленного кровопролития, то будущее за освоением пока еще мертвых земель, что позволит создать ее населению мало-мальски сносные условия существования.

История династии Саудов — это история становления современной Саудовской Аравии. Впервые мир услышал о Саудах в 1737 году, когда саудийцы были еще довольно слабыми в военном отношении, однако первый Сауд был крупным завоевателем и ревностным защитником ислама, его политическая и религиозная деятельность имела огромное значение не только для Саудовской Аравии, но и для всего арабского мира.

Потом настали тяжелые времена. Турки — Оттоманская империя — напали на молодое аравийское государство и, несмотря на ожесточенное сопротивление народа, вскоре захватили его. Поворотным пунктом в истории страны стал 1910 год, когда король Абд эр-Рахман аль-Фейсал ас-Сауд вернулся на родину из Кувейта, куда он в свое время бежал после неудачной попытки освободить страну от турецкого ига. Возвращение Абд эр-Рахмана ознаменовало новую эру в истории Саудовской Аравии. Он вернулся на родину в сопровождении всего лишь сорока сторонников! В одно прекрасное утро все это воинство оказалось у ворот Эр-Рияда, пошло на приступ и после упорной борьбы овладело городом. Потом Абд эр-Рахман собрал большую армию, одержал множество побед и в конце концов флаг Саудовской Аравии развевался почти над всем Аравийским полуостровом.

Один из его сыновей, король Абд эль-Азиз, объединил провинции Неджд, Эль-Хаса, Хиджаз и Асир, что было оформлено государственным декретом от 22 сентября 1932 года. Абд эль-Азиз немало сделал для того, чтобы повysить благосостояние народа и его культурный уровень. 27 августа 1951 года он принял решение, что наследным принцем будет его старший сын, нынешний король Сауд. 9 ноября 1953 года после смерти отца на престол взошел Сауд, а его брат

Фейсал стал наследным принцем, премьер-министром и министром иностранных дел.

Король Сауд родился 15 января 1901 года. Его полный титул звучит так: король Сауд ибн-Абд эль-Азиз ибн-Абд эр-Разхан ибн-Фейсал ибн-Турки ибн-Абдал-лах ибн-Мухаммед ибн-Сауд Великий ибн-Мукрин ибн-Фархан ибн-Мукрин ас-Сауд, король Саудовской Аравии. Поскольку «ибн» означает «сын такого-то», читатель легко может познакомиться со всей династией аравийских владык.

Уже в 1919 году, идя по стопам предков, он стал военачальником и одержал победу над племенем турба, которое оказывало помощь врагам его отца. В 1921 году он возглавил поход на Хайл, расположенный на севере страны, и проявил большую храбрость и осмотрительность в кровавом сражении за этот город. Впоследствии он много раз командовал войсками Саудовской Аравии, а в 1934 году возглавил военную кампанию против Йемена.

Когда Сауд стал королем, а следовательно, и «защитником священных городов ислама», он сделал следующее программное заявление: «Так же точно как мой отец вел войну с врагами своего народа, я буду вести войну с нищетой, невежеством и болезнями».

Король Сауд — первый король в истории Саудовской Аравии, который объездил всю свою обширную страну с той похвальной целью, чтобы увидеть собственными глазами, в каких условиях живет его народ, и попытаться как-то улучшить эти условия.

За годы, прошедшие с тех пор, было сделано немало, но едва ли это заслуга короля Сауда. С гораздо большим основанием в данном случае можно говорить о заслугах принца Фейсала. К началу шестидесятых годов государственный долг Саудовской Аравии, несмотря на нефтяные богатства, составлял уже весьма внушительную сумму, и вот в 1958 году наполовину ослепший гигант король Сауд передал руководство государственными делами более решительному и более образованному Фейсалу, своему брату, который должен был привести в порядок финансы страны и снова укрепить пошатнувшийся престиж Саудовской Аравии в арабском мире. Фейсалу действительно удалось поставить страну на ноги. Однако в мае 1960 года король Сауд, не проявлявший до тех пор сколько-нибудь значительного интереса к политике, снова стал вмешиваться в управление государством, и под его нажимом газеты вокруг потребовали всеобщего избирательного права, чтобы «наш народ

имел такие же права, как и другие народы». Это был маневр, которым король Сауд хотел нейтрализовать все растущую популярность Га-маль Абдель Насера на Аравийском полуострове.

Новая программа короля совершенно не соответствовала политическому курсу, избранному принцем Фейсалом, Фейсал считал, что у Саудовской Аравии большое будущее и когда-нибудь она станет богатым, процветающим государством, но переход должен осуществляться постепенно, ибо страна еще не созрела для коренных демократических преобразований. Политические институты должны изменяться медленно, по мере культурного роста населения.

Наследный принц Фейсал был оскорблен и возмущен до глубины души маневрами короля и в конце концов заболел настолько серьезно, что вынужден был уехать лечиться в Швейцарию.

В Саудовской Аравии прогрессивных политических деятелей пока мало, но когда-нибудь они сумеют разъяснить народу, что миллионы, вырученные от продажи нефти, при разумном использовании могут превратить бесплодную пустыню в цветущий сад.

Политический курс наследного принца Фейсала убедил самые широкие общественные круги в том, что политика изоляционизма обречена на провал. Люди начали понимать, что Саудовской Аравии больше нельзя прятаться под чадрой. Но в декабре 1960 года консервативно настроенный король Сауд неожиданно уволил в отставку своего брата, человека очень прогрессивных взглядов, под тем смехотворным предлогом, что он, дескать, недостаточно прогрессивен!

Чтобы укрепить свое влияние среди кочевых племен, король Сауд в течение нескольких лет взял в жены более ста девушек, которые были дочерьми вождей этих племен. Естественно, он должен был немедленно разводиться с ними, но девушки или, вернее, их отцы получали в утешение ежегодную пенсию в размере 18 тысяч крон!

Фейсал искал сторонников среди честных и образованных людей, однако вороватые правительственные чиновники и ненавистные, вечно жаждущие золота родственники короля Сауда оказались в большинстве. Они люто ненавидели Фейсала, между прочим, за то, что он на полгода запретил импорт «кадиллаков», сократил ассигнования на карманные расходы короля до 200 миллионов крон в год и вообще старался как-то обуздать неумеренную расточительность знатных семейств.

Несмотря на демократическую фразеологию Сауда, его последний демагогический маневр наверняка приведет к отрицательным последствиям для страны. Всякая прогрессивная мысль будет объявлена предательством.

Во время своей поездки по стране я мельком увидел лицо той части Саудовской Аравии, которая стремится к прогрессу. Но в данный момент страна снова надевает чадру.

САУДОВСКАЯ АРАВИЯ ПОЛВЕКА СПУСТЯ

Спустя более чем 50 лет после путешествия Йоргена Бича Саудовская Аравия до сих пор остается одной из самых закрытых стран в мире. Как и в середине прошлого века, здесь крайне не приветствуется фотография, а права женщин так и не вышли за пределы заборов частных домов. Разве что о рабстве стало меньше слышно, да перестали рубить публично головы.

Книга «За аравийской чадрой» — это довольно редкое издание, совершенно невероятным образом выпущенное редакцией географической литературы СССР в 1966 году средним тиражом 30 тысяч экземпляров. Сейчас книгу в продаже найти непросто. Нет также никакой электронной версии. Более того: даже в зарубежном Интернете книгу можно найти только в антикварных лавках, а упоминается она крайне редко. Скромная информация о самом Йоргане есть только на датском языке. Немыслимо, что настолько редкая вещь была найдена и издана в Советском Союзе. Цензура порой являла чудеса.

Автор этих строк обнаружил книгу случайно, когда мечтал попасть в Саудовскую Аравию. Уже после поездки книга была утеряна. Затем, вновь по случайности, на руки попался второй экземпляр, и было принято решение выпустить его для всех.

Читатель, которого интересует сегодняшнее положение дел в Саудовской Аравии, наверняка будет рад прочесть подборку из 5 рассказов о современной жизни в Королевстве. Из первых рук, от автора цифровой версии книги и этих строк.

Рассказ о современной Саудовской Аравии читайте на сайте Андрея Маркелова: www.andrewmarcus.ru.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Известный датский писатель Йорген Бич путешествовал по Аравийскому полуострову. Он проник туда, куда редко попадали европейцы. Обо всем увиденном и пережитом он рассказал в своей книге «За аравийской чадрой».

В странах Ближнего Востока наряду с обычным для нас летосчислением «от рождения Христова» принят и так называемый мусульманский лунный календарь. Ведя счет с момента «переселения» основоположника ислама Мухаммеда из Мекки в Медину, он урезывает нашу эру почти на шесть веков. Так, например, 1966 год — это год 1386-й. И вот, знакомясь сегодня со многими сторонами социальной и общественной жизни Саудовской Аравии и английских владений аравийского Юга, невольно задумываешься: не относятся ли эти факты просто-напросто к концу четырнадцатого века? Рабовладение и торговля рабами, «нецивилизованные» методы казни и наказаний, средневековый фанатизм и сказочные дворцы, вопиющее бесправие женщин и гаремы — все это не укладывается в наше представление о современности.

Но тем не менее это так. Приведенные автором факты правдивы. До 1962 года Саудовская Аравия была едва ли не единственной страной мира, где рабство не подвергалось даже формальному запрету.

В 1938 году в жизни Саудовской Аравии произошло весьма важное событие. На востоке страны, в районе Дахрана, в сорока километрах от Персидского залива, забил первый нефтяной фонтан. Эксплуатация саудовской нефти стала приносить огромные прибыли империалистическим монополиям. Громадные доходы начали поступать в казну короля Ибн-Сауда, предоставившего иностранным компаниям концессию на добычу нефти сроком на шестьдесят шесть лет (до 1999 года). Эти средства обогатили правящую верхушку страны во главе с королевской семьей, султанов, шейхов, но мало что изменили в облике страны, быте и жизненном уровне ее населения. Лишь непосредственно в районе добычи нефти вырос большой современный город Дахран и начали возникать некоторые промышленные предприятия, стал зарождаться саудийский рабочий класс.

Да, это не средневековье. И чем больше мы знакомимся с книгой Йоргена Бича, тем больше убеждаемся в этом. Кондиционирование воздуха в отелях Джидды и Эр-Рияда, молитвы с магнитофонной ленты,

школа для девочек «Дар эль-Ханан», современнейшее оборудование на нефтеперерабатывающем заводе и роскошные «кадиллаки» у шейхов возвращают нас из четырнадцатого века в середину двадцатого.

Однако работорговля не исчезла. Буржуазные ученые-арабисты Эмиль Ленгиель (в книге «Изменяющийся Средний Восток») и Липский (в книге «Саудовская Аравия») справедливо указывали на то обстоятельство, что росту работорговли в Саудовской Аравии, увеличению спроса и цены на рабов самым непосредственным образом способствовали концессионные отчисления за эксплуатацию саудийской нефти. Английский ученый Филби в своей книге «40 лет в пустыне» отмечает, что молодая девушка для гарема стоила в тридцатых годах от 225 до 490 долларов, а в начале шестидесятых годов — 1200—2000 долларов.

Главным клиентом работорговцев постоянно была королевская семья, расходовавшая на покупку рабов большую часть своих доходов, поступавших от иностранных нефтяных компании и паломничества.

Йорген Бич рассказывает, что жертвами работорговли оказывались многие паломники, стремившиеся выполнить один из главных догматов ислама — совершить хадж к святым местам Мекки и Медины, чтобы поцеловать в мечети Бейт аллах «священный» черный камень, который, по преданию, должен заговорить в день Страшного суда.

Влекомые слепой верой в очищающую и животворную силу святых мест, они пускались в длительное и трудное путешествие и нередко вынуждены были навсегда остаться в стране, где король носит титул «Хранитель святых мест ислама», причем остаться там на положении рабов (людских, а не божьих!).

Посетить Мекку удалось нескольким смельчакам — немусульманам. При этом они подвергались опасности в случае разоблачения быть растерзанными возмущенной толпой правоверных паломников или в лучшем случае быть приговоренными к пятилетнему тюремному заключению и большому денежному штрафу. Вообще в Саудовской Аравии атрибуты религии охраняются от прикосновения и взоров немусульман более ревностно, чем в любой другой мусульманской стране. Специальная Лига охраны веры и нравственности имеет там даже свою так называемую мусульманскую полицию, о которой упоминает Йорген Бич.

В ноябре 1962 года (уже после выхода в свет книги «За аравийской чадрой») правительство Саудовской Аравии объявило об отмене рабства, причем рабы должны быть выкуплены у их хозяев.

Выделенные государством средства для компенсации владельцам позволили на протяжении первого года после «реформы» дать свободу лишь 1682 рабам. Количество людей, пребывавших в рабстве в ноябре 1962 года, определить очень трудно. На этот счет назывались цифры от 10 тысяч до 500 тысяч человек. Так или иначе, рабство фактически далеко не упразднили, и этот процесс может оказаться трудным и длительным в условиях феодально-монархического режима и средневековых традиций Саудовской Аравии, где участь раба нередко кажется даже завидной для многих и многих обездоленных людей, нищенствующих на свободе.

«Сбросит ли Саудовская Аравия чадру?» — задается Йорген Бич вопросом в конце своей книги. Автор не отвечает прямо на этот вопрос, но в достаточной мере показывает, что в стране растут прогрессивные силы, которые способны вывести ее на путь ликвидации феодальных пережитков, способны к преодолению ее вековой отсталости.

Резкое противопоставление Сауда и Фейсала, сделанное Йорженом Бичем на последних страницах книги, вполне правомерно. Однако сразу следует оговориться: дело в данном случае не может быть объяснено просто разными складами характеров и взглядов двух братьев. Безусловно, что Фейсал является выразителем политических устремлений той части правящей верхушки Саудовской Аравии, которая имеет более четкое понятие времени, считает полное сохранение существующего положения невыносимым и готова отрешиться от некоторых пережитков саудийской общественно-политической жизни во имя предотвращения социальных взрывов. При этом она стремится перехватить инициативу у тех нарождающихся в стране сил, которые способны к решительным действиям с целью более глубоких преобразований.

История политической борьбы между Фейсалом и Саудом восходит фактически к 1953 году, то есть к тому моменту, когда после смерти Ибн-Сауда один из братьев получил престол, а другой — титул наследного принца. Как правило, эта борьба не принимала формы открытого соперничества. Одним из главных пунктов их разногласий были образ жизни и манера поведения членов королевской семьи. Фейсал приложил

немало усилий для сокращения расходов королевской семьи, размеры которых в условиях абсолютной монархии определяются на семейном совете. Так, стараниями Фейсала в последние годы правления Сауда доходы короля и принцев были сокращены почти в три раза — с 40 до 15 миллионов долларов в год.

В области внешней политики одним из главных требований Фейсала было сближение с «великим движением арабского национализма», отдаляясь от которого Саудовская Аравия значительно ослабляет свои позиции.

Однако недовольство многих членов королевской семьи и дворцовых кругов против Фейсала все больше росло. Они были возмущены проводимой им политикой экономии государственных средств. В декабре 1960 года произошел «семейный государственный переворот» и Фейсал был устранен со всех занимаемых им постов. Именно этот исторический момент и вызвал у Йоргена Бича прилив пессимизма, что нашло свое отражение в последней фразе книги. Но примерно к 1962 году соотношение сил изменилось в пользу Фейсала, в марте 1962 года он вновь стал премьер-министром, а к весне 1964 года король Сауд был лишен даже формального права подписывать декреты. Наконец 2 ноября 1964 года радио Мекки передало официальное сообщение о том, что королем Саудовской Аравии провозглашен Фейсал ибн-Абдель Азиз.

Проводимые Фейсалом реформы направлены на некоторое развитие в стране образования и создание известных предпосылок для общего социально-экономического развития страны. Эти реформы вызывают активное сопротивление со стороны реакционных феодальных и религиозных кругов.

Поступление концессионных платежей в руки правящей верхушки страны служит базой сохранения и укрепления реакционного феодально-монархического режима Саудовской Аравии. Одним из главных препятствий на пути социального прогресса Саудовской Аравии является ориентация на Соединенные Штаты.

Охватившее весь мир национально-освободительное движение уже затронуло и отдаленные уголки Аравийского полуострова. Не далек тот день, когда Англии придется выполнить решения ООН, принятые в июле 1963 г., о предоставлении независимости Южной Аравии и о ликвидации военной базы в Адене. Крушение феодальных устоев в

Йемене, развертывание вооруженной борьбы в южных районах Аравийского полуострова наглядно свидетельствуют о том, что зреют силы, способные вести решительные действия за глубокие социальные преобразования. Растущий рабочий класс составляет их надежную опору. Эти силы не попали в объектив Йоргена Бича, но будущее страны принадлежит им.

Кандидат экономических наук

А. СОЛОНЦКИЙ

Бич Йорген

ЗА АРАВИЙСКОЙ ЧАДРОЙ

Пер. с датского К. И. Телятникова. Послесл. А. С. Солоницкого. М., «Мысль», 1966.

167 с. с илл.; 9 л. илл (Путешествия, Приключения, Фантастика.)

32 И + 902.7

Редактор *С. И. Капелуш*

Младший редактор *В. А. Мартынова*

Художественный редактор *И. П. Шувалов*

Технический редактор *Р. С. Васькина*

Корректоры *П. И. Чивикина, Г. И. Ландратова*

Оцифровщик *А. В. Маркелов*

Корректор оцифровки *Ю. В. Подшибякин*

Сдано в набор 6 ноября 1965 г. Подписано
в печать 5 января 1966 г. Формат бумаги
84×108½₂, № 2. Бумажных листов 2,625 +
0,28 вкл. Печатных листов 8,82 + 0,94 вкл.
Учетно-издательских листов 8,857 (с вклейками).
Тираж 30 000 экз. Цена 56 коп. Заказ № 3168.

Темплан 1966 г. № 237

Издательство «Мысль»

Москва, В-71, Ленинский проспект, 15

Первая Образцовая типография
имени А. А. Жданова Главполиграфпрома
Комитета по печати
при Совете Министров СССР
Москва, Ж-54, Валовая, 28.

29.02.84

56 коп.

56 коп.

115

ИЗДАТЕЛЬСТВО • МЫСЛЬ •

